
S 37/155

Любочкины

Отчего? и Оттого!

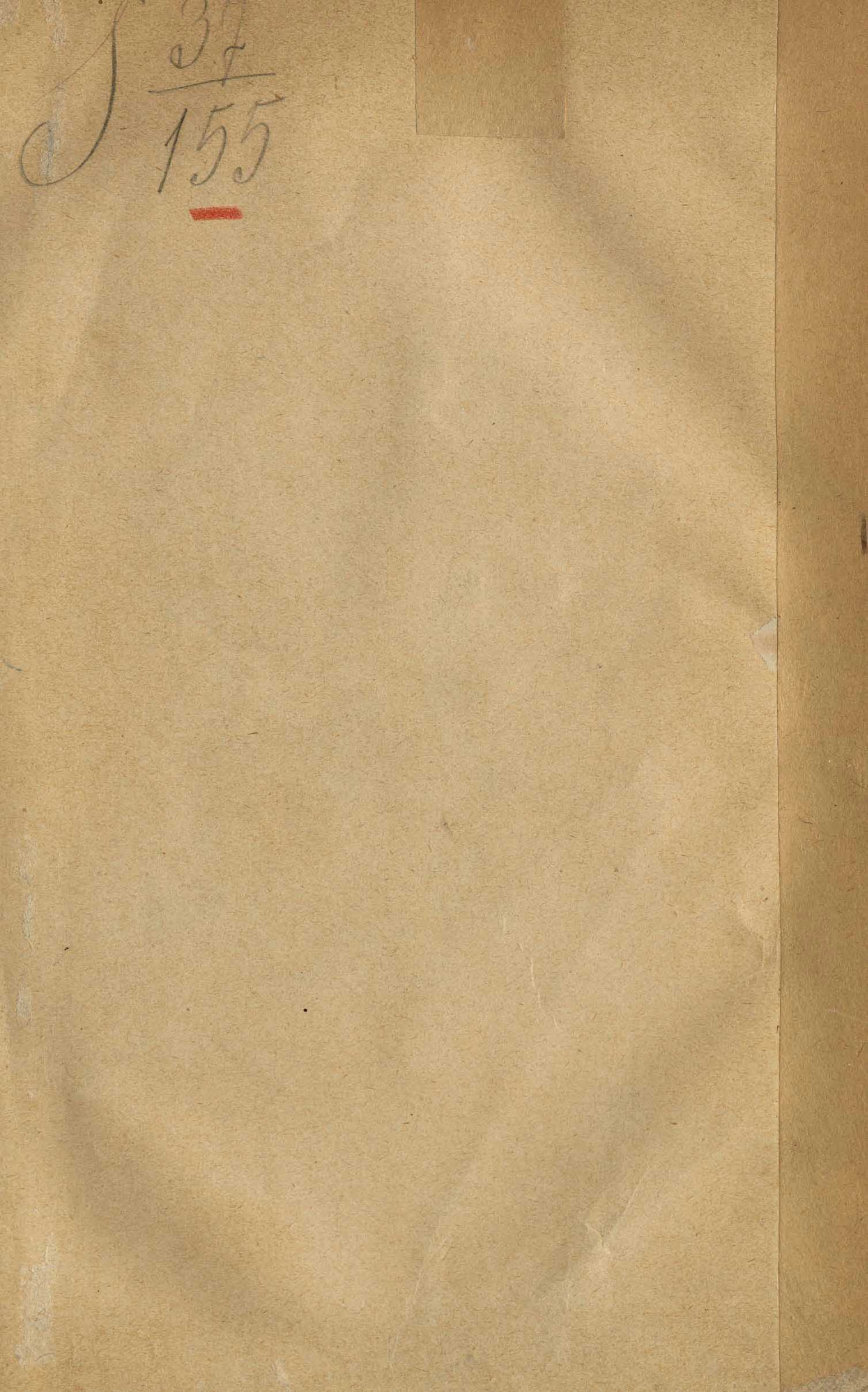
составилъ по Дебо, Уле и др.

Э. ГРАНСТРЕМЪ.

Съ 80 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

37
155

Любочкины

Отчего? и Оттого!

Составилъ по Дебо, Уле и др.

Э. ГРАНСТРЕМЪ.

Съ 80 рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

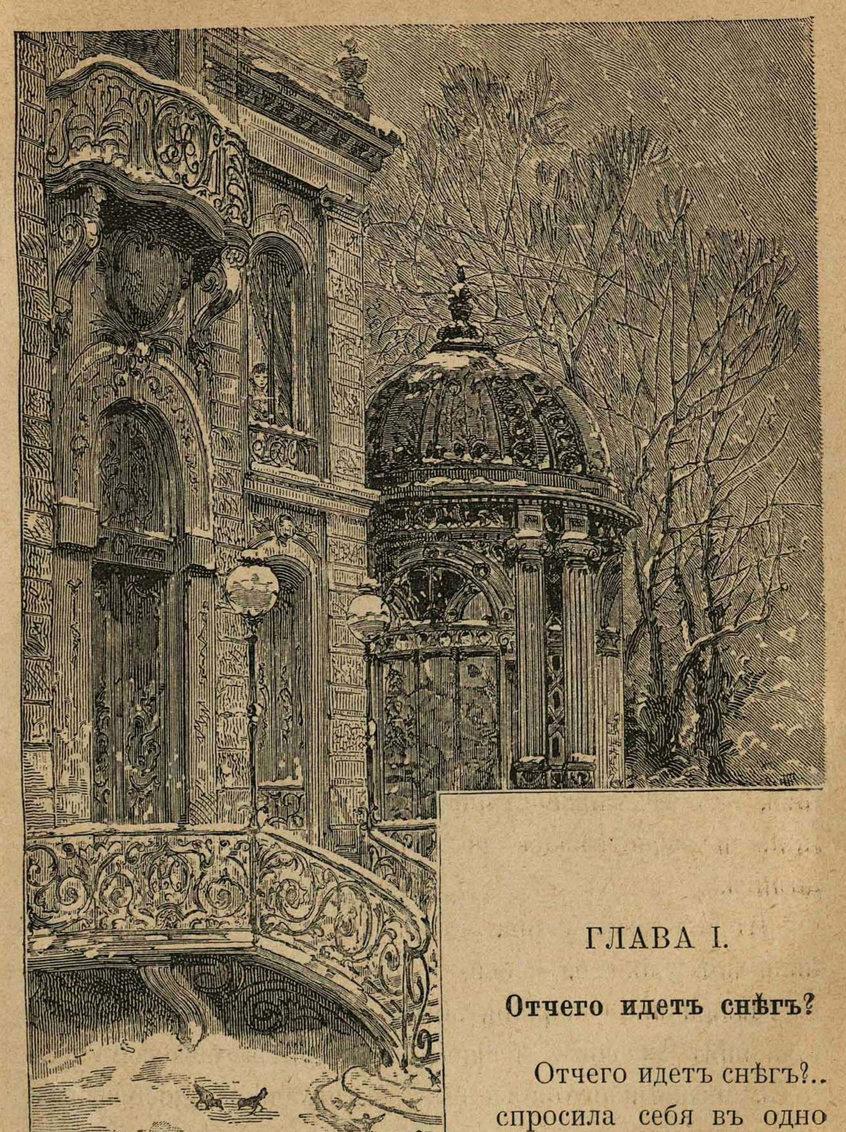
2857

Дозволено цензурою. Спб. 29 сентября 1899 г.

Любочкины

„Отчего?“

ГЛАВА I.

Отчего идетъ снѣгъ?

Отчего идетъ снѣгъ?.. спросила себя въ одно пасмурное зимнее утро бѣлокурая дѣвочка лѣтъ девяти. Большіе голубые глаза ея осѣнялись длинными черными рѣсницами и всегда какъ бы съ вопросомъ смо-

трѣли на все. Какъ только она замѣчала что-нибудь новое, у нея тотчасъ срывался съ губъ вопросъ: «отчего?» Казалось, Любочка—такъ звали дѣвочку—была живымъ вопросомъ.

— Отчего идетъ снѣгъ?—спрашивала она себя, глядя въ окно.

Отецъ Любы, Николай Александровичъ Бартеневъ, владѣлъ въ Одессѣ прекраснымъ домомъ, противъ котораго находился обширный садъ.

Въ эту ночь выпало очень много снѣга, и Люба видѣла изъ окна, что вся улица и весь садъ были покрыты густымъ снѣжнымъ покровомъ, придававшимъ ему скучный, однообразный видъ. Всѣ деревья были обременены густыми снѣжными хлопьями и, казалось, дрожали отъ стужи.

При видѣ этого зимняго морознаго дня, Любѣ показалось, что ей также становится холодно. Она отошла отъ окна и засмотрѣлась на огонь, весело трещавшій въ каминѣ.

Въ эту минуту она, вѣроятно, въ первый разъ оцѣнила всѣ удобства своей уютной комнатки.

Любочкина спальня была устроена уютно и съ большимъ вкусомъ. Стѣны были обиты розовымъ ситцемъ, а самый потолокъ былъ обтянутъ звѣздообразными складками изъ той же матеріи; окна украшались тяжелыми занавѣсями, подбитыми шелкомъ. Подъ свѣтлымъ кисейнымъ пологомъ находилась розовая атласная постель съ тюлевыми кружевами. Рядомъ стоялъ изящный маленькій туалетъ, этажерка съ игрушками, колы-

белька большой куклы, спавшей всю ночь сладкимъ сномъ, какъ и ея маленькая госпожа; тамъ же стоялъ столъ съ тетрадями и книгами и нѣсколько дѣтскихъ стульевъ.

Вошла горничная. Люба подошла задумчиво къ своей постелькѣ, и горничная принялась одѣвать свою маленькую госпожу.

— Что съ вами сегодня, барышня?—спросила она.

Люба подняла на нее свои большіе голубые глаза.

— Не знаешь ли ты, Лиза, отчего идетъ снѣгъ?—спросила она.

— Конечно, знаю, барышня!

— Такъ разскажи мнѣ!

— Это очень просто! Снѣгъ идетъ оттого, что холодно!

Этотъ отвѣтъ показался Любѣ не совсѣмъ яснымъ.

— Отчего же бываетъ холодно?—спросила она.

— Ну... оттого... оттого, что... Ахъ, барышня,—засмѣялась горничная,—вы спрашиваете у меня слишкомъ много! Я не знаю.

Люба задумалась.

— Отчего ты не знаешь?—спросила она.

— Оттого, что меня этому не учили, барышня.

— А я хочу научиться этому!—пробормотала дѣвочка.

— Въ такомъ случаѣ обратитесь къ барынѣ, она, навѣрное, съумѣетъ отвѣтить вамъ на все.

— Ты права, Лиза! Одѣнь же меня скорѣе.

И Люба, съ помощью горничной, поспѣшила окончить свой туалетъ.

Одѣвшись, Любочка побѣжала въ комнату матери.

— Это я, мамочка!—сказала она, пріотворяя дверь.

Елена Николаевна, урожденная Горская, была очень добрая женщина и казалась еще весьма молодой, хотя старшему сыну ея было уже 26 лѣтъ. Она не мало удивилась, что ея дорогая дѣвочка поднялась такъ рано, и нѣжно обняла ее.

— Я пришла къ тебѣ за тѣмъ, мамочка,—сказала она, указывая на виднѣвшіяся изъ окна бѣлыя крыши домовъ,—чтобы ты мнѣ сказала, отчего идетъ снѣгъ?

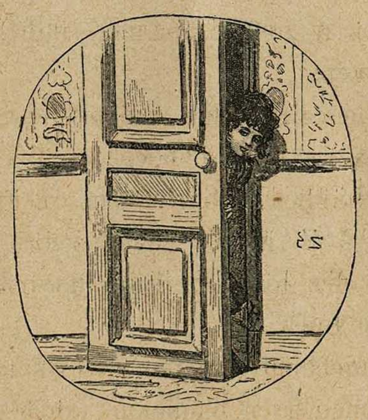
Хотя Елена Николаевна и привыкла уже къ любопытству своей маленькой дочки, но тѣмъ не менѣе улыбнулась.

— Спроси лучше дѣдушку или Сережу,—сказала она,—они съумѣютъ лучше меня объяснить тебѣ это.

Люба взглянула на часы, стрѣлка которыхъ показывала десять.

— Сережа уже ушелъ на службу,—замѣтила она.— Я пойду къ дѣдушкѣ.

— Подожди немного, Любочка,—остановила ее мать,— ты знаешь, дѣдушка встаетъ поздно. Успѣешь потомъ спросить его.

Люба послушно сѣла противъ матери къ маленькому столику, на которомъ стояли чашки съ какао.

Тѣмъ временемъ поднялась вьюга. Загудѣлъ сильный вѣтеръ и, завывая, вихремъ закрутилъ снѣжные хлопья.

Елена Николаевна отодвинула свою чашку и устремила задумчивый взглядъ въ окно, за которымъ бушевала буря.

Люба допила свою чашку и также стала смотрѣть въ окно. Взглянувъ затѣмъ на мать, она замѣтила на лицѣ ея грусть и тревогу.

— О чемъ ты задумалась, мамочка?—робко спросила она.

Елена Николаевна печально взглянула на свою дорогую дочку, и Люба поняла этотъ взглядъ.

— Папа!..—вскрикнула она.

Елена Николаевна грустно наклонила голову, какъ бы подтверждая догадку дочери.

На глазахъ Любы показались слезы; она бросилась обнимать свою дорогую мамочку и покрыла щеки ея поцѣлуями. И мать и дочь старались найти утѣшеніе во взаимныхъ ласкахъ.

Николай Александровичъ Бартеневъ командовалъ военнымъ кораблемъ и находился въ это время въ дальнемъ плаваніи. Прошелъ почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ, и въ то время, какъ вьюга бушевала вокругъ его дома, онъ долженъ былъ находиться на обратномъ пути къ родинѣ.

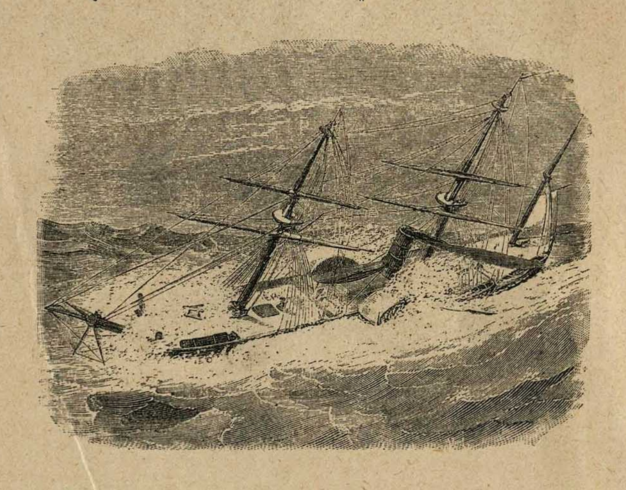
Глядя на бушевавшую непогоду, въ воображеніи матери и дочери рисовался одинокій корабль, безпомощно блуждавшій по необъятному океану среди яростныхъ волнъ; на командирскомъ мостикѣ стоялъ отецъ Любы, голосъ его терялся среди рева бури, и онъ тщетно отдавалъ приказанія обезсиленнымъ морякамъ.

Вотъ отчего плакала Люба и нѣжно прижималась къ матери, по щекамъ которой также катились крупныя слезы.

Однако Елена Николаевна скоро овладѣла собою; она вытерла слезы и стерла ихъ также съ лица своей дорогой дочки.

Тѣмъ временемъ вьюга прекратилась; небо стало проясняться, и вскорѣ изъ-за темныхъ тучъ выглянуло солнышко.

— Не будемъ плакать, дорогая,—сказала Елена Николаевна дочери.—Дай Богъ, чтобы наши опасенія были напрасны! Твой отецъ отличный морякъ, и корабль его одинъ изъ лучшихъ во всемъ флотѣ!

Но замѣтивъ, что личико дочери все еще печально, она съ улыбкой напомнила ей:

— Не забудь же своего вопроса, Любочка!

— Какого вопроса, мамочка?

— А того, съ которымъ ты хотѣла обратиться къ дѣдушкѣ.

— Ахъ, да! Отчего идетъ снѣгъ?

И забывъ свое мимолетное горе, дѣвочка весело побѣжала къ дѣдушкѣ.

ГЛАВА II.

Дѣдушка и внучка.

Николай Степановичъ Горскій былъ еще очень бодрый старикъ, хотя волосы его уже сильно посеребрились отъ времени. Одѣвался онъ всегда тщательно и брился каждый день. У него былъ большой носъ и ясные, живые глаза, а на губахъ всегда играла добрая улыбка.

Услышавъ стукъ въ дверь, онъ тотчасъ догадался, кто стучится къ нему. Но это не мѣшало ему каждое утро забавляться надъ своей маленькой внучкой и спрашивать басомъ:

— Кто тамъ?

— Люба!—слѣдовалъ отвѣтъ.

— А!.. Ты опять пришла безпокоить своего стараго дѣдушку!

— Нѣтъ! нѣтъ!—возражала Люба.

— Нѣтъ? Такъ кто же тамъ стучится?

— Я, я! Люба!

— Такъ что же ты говоришь «нѣтъ»?

— Я хотѣла сказать, что пришла не за тѣмъ, чтобы безпокоить тебя.

— Такъ зачѣмъ же ты пришла?

— Мнѣ надо спросить тебя.

— О чемъ?

— Пожалуйста, отвори, дѣдушка,—просила Люба, стараясь также говорить басомъ,—отвори, и я скажу тебѣ, зачѣмъ я пришла.

Старикъ не сталъ долго томить свою внучку и отворилъ дверь.

Сначала Люба бросилась обнимать его, а затѣмъ, по обыкновенію, усѣлась къ нему на колѣни.

— Не знаешь ли ты, дѣдушка,—спросила она,—отчего идетъ снѣгъ?

Старикъ притворился изумленнымъ и, довольный тѣмъ, что можетъ подразнить свою любимицу, отвѣтилъ серьезно:

— Отчего идетъ снѣгъ?.. Нѣтъ, не знаю, милая.

— Не знаешь!—вздохнула печально дѣвочка.—Вѣдь ты все знаешь! Не можетъ быть, чтобы ты этого не зналъ!

Она взглянула на него пристально и замѣтила, что онъ едва сдерживаетъ улыбку.

— О, дѣдушка!—сказала она строго,—ты, кажется, сказалъ сейчасъ неправду. Это большой грѣхъ!

Но затѣмъ она обняла его и сказала:

— Я знала, что ты знаешь, отчего идетъ снѣгъ. Разскажи мнѣ, дѣдушка!

Старикъ разсмѣялся отъ всего сердца.

— Ну, хорошо, я объясню тебѣ это, но боюсь, что ты...

— Что я не пойму?—прервала его Люба.—Ну, такъ попробуй, дѣдушка!

— Изволь, милая; снѣгъ идетъ оттого, что холодно.

Люба сильно удивилась.

— Но, дѣдушка, то же самое сказала мнѣ Лиза!.. Развѣ ты больше ничего не знаешь?

— Знаю, милая.

— Ну, такъ скажи мнѣ, отчего бываетъ холодно?

— Нѣтъ, не теперь; это долго разсказывать. Я отвѣчу тебѣ только на первый вопросъ: отчего идетъ снѣгъ.

— Я слушаю, дѣдушка!

И Люба устремила на старика свои любопытные глазки.

— Ты вѣдь не разъ видѣла, какъ кипитъ вода на огнѣ и навѣрное замѣчала, что при этомъ выдѣляются оттуда пары и поднимаются, точно облако, къ потолку?

— Да.

— Ну, вотъ такъ же и со всѣхъ морей и водъ на землѣ всегда отдѣляются пары.

— Но развѣ подъ моремъ есть огонь?

— Нѣтъ.

— Я никогда не видѣла, чтобы съ моря поднимались пары.

— Правда. Этого обыкновенно не видать; но когда они поднимутся на воздухъ и попадутъ въ такое мѣсто, гдѣ холоднѣе, чѣмъ на землѣ, то собираются, сгущаются тамъ и становятся видимыми. Ты поняла меня?

— Да, дѣдушка.

— Ну, такъ скажи мнѣ, какъ называютъ эти пары, когда они сдѣлаются видимыми?

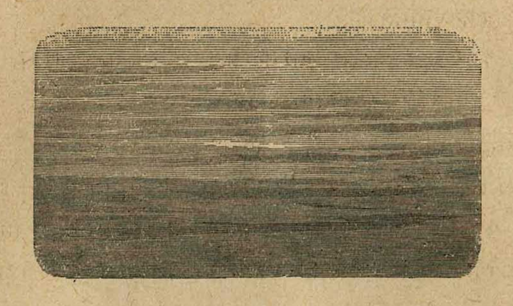
— Тучи.

— Прекрасно! — воскликнулъ старикъ. — Но иногда случается, что эти пары можно видѣть, когда они поднимаются отъ земли. Если въ лѣтній вечеръ смотрѣть съ горы на долину, то видно, что, по мѣрѣ того, какъ охлаждается воздухъ, пары поднимаются съ рѣкъ, ручьевъ и сырыхъ луговъ. Потомъ вѣтеръ уноситъ ихъ въ верхніе слои воздуха, гдѣ они собираются въ тучи, а тамъ воздушныя теченія разгоняютъ ихъ въ разныя стороны. При этомъ ты, навѣрное, замѣчала, какъ тучи мѣняютъ свой видъ, какія странныя формы онѣ иногда принимаютъ?

— О, да! — воскликнула Люба. — Лѣтомъ я видѣла облако, похожее на того верблюда, котораго мы видѣли въ Зоологическомъ саду, а другое было похоже на льва, но это продолжалось недолго. Скоро они слились съ другими бѣлыми облаками и превратились въ горы и долины.

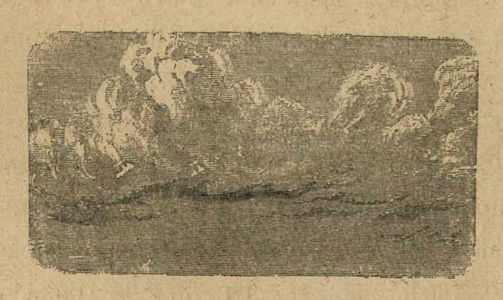
— Надо тебѣ сказать, что облака раздѣляются на три главныхъ вида: перистыя, кучевыя и слоистыя. Перистыя облака бываютъ обыкновенно бѣлаго цвѣта и состоятъ большею частью изъ отдѣльныхъ бѣлыхъ частицъ или полосокъ. Кучевыя облака имѣютъ видъ бѣлыхъ шаровъ или глыбъ, которыя иногда нагромождаются одна

на другую и кажутся издали огромными горами. Наконецъ, слоистыми облаками называются бѣловатыя волнистыя тучи, изъ которыхъ иногда образуются розовыя облака, застилающія весь небосклонъ.

Перистыя облака.

Кучевыя облака часто принимаютъ самыя причудливыя формы и рисуютъ нашему воображенію огромныя деревья, гигантскія горы, башни, замки и, какъ ты сама видѣла, разныхъ животныхъ.

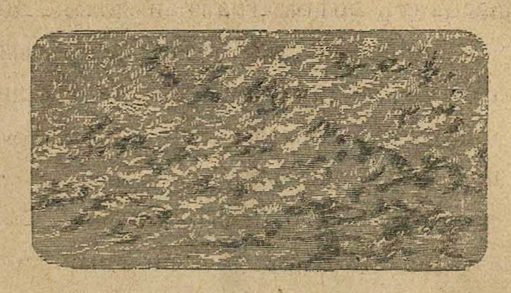

Кучевыя облака.

— Высоко ли они отъ земли, дѣдушка?

— Какъ тебѣ сказать?—это бываетъ различно. Случается, что нѣкоторыя тучи спускаются даже до крышъ домовъ и вершинъ деревьевъ, между тѣмъ какъ другія

поднимаются на 7—9 верстъ высоты. Чаще всего онѣ собираются у вершинъ горъ, гдѣ образуются изъ паровъ, которые поднимаются съ долинъ и рѣчекъ. Тамъ онѣ сгущаются въ воздухѣ, который, по мѣрѣ удаленія

Слоистыя облака.

отъ земли, становится холоднѣе. Случалось, что грозныя фантастическія формы облаковъ наводили на жителей горъ суевѣрный страхъ и они въ ужасѣ убѣгали въ

Грозовыя облака.

долины; но ты сама понимаешь, насколько неоснователенъ такой страхъ.

— Да, да, дѣдушка! Развѣ можно бояться тучъ! Но скажи мнѣ, какъ велики бываютъ тучи?

— Иногда онѣ бываютъ очень большія: верстъ 30 въ

длину и ширину и въ 500 саженъ въ вышину; но рядомъ съ ними могутъ быть облачка въ нѣсколько аршинъ.

— То-есть, тучки-крошки?

— Да, тучки-крошки,—продолжалъ старикъ.—Вотъ тучи и производятъ снѣгъ, градъ и дождь. Когда пары поднимутся и попадутъ въ болѣе холодный воздухъ, то сгущаются тамъ и превращаются въ капли, которыя становятся настолько тяжелы, что уже не могутъ держаться въ воздухѣ и падаютъ на землю...

— Это дождь!—воскликнула Любочка.

— Да, это дождь. Когда эти водяныя капли, падая, проходятъ чрезъ болѣе холодный слой воздуха, то замерзаютъ и превращаются въ ледяные шарики, т.-е. въ градъ.

Въ это время снѣгъ опять пошелъ большими хлопьями.

— А снѣгъ? — спросила Любочка, вспомнивъ свой первый вопросъ.

— Сейчасъ разскажу. Когда воздухъ, окружающій облака, сильно охладится, то капли замерзаютъ и превращаются въ ледяную пыль. Эта ледяная пыль...

— Снѣгъ!—подсказала поспѣшно Люба.

— Да, это снѣгъ.

Люба задумалась.

— Но для чего служатъ тучи?—спросила она послѣ минутнаго молчанія.

Старикъ давно привыкъ къ безконечнымъ вопросамъ своей внучки и спокойно отвѣтилъ:

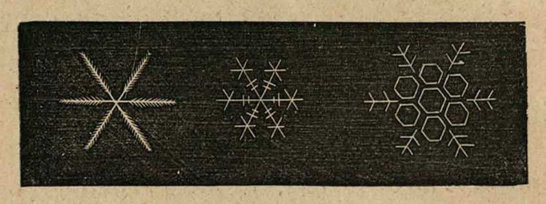
— Лѣтомъ онѣ уменьшаютъ зной солнца, а зимою, точно завѣсой, заслоняютъ землю отъ небесныхъ пространствъ, отъ которыхъ вѣетъ вѣчнымъ холодомъ. За-

тѣмъ тучи производятъ дождь, а это очень важно, потому что безъ дождя наша земля засохла бы, растенія и животныя погибли бы, и намъ всѣмъ также насталъ бы конецъ.

— Какъ Богъ все хорошо устроилъ!

— Да, Господь устроилъ все премудро. Но что же ты меня не спрашиваешь, для чего служитъ снѣгъ?

— Я только-что хотѣла спросить тебя объ этомъ.

Снѣжинки.

— Снѣгъ приноситъ намъ очень большую пользу. Да, онъ очень полезенъ,—повторилъ Николай Степановичъ, замѣтивъ, что его внучка съ широко открытыми глазами прислушивается къ его словамъ.—Во-первыхъ, онъ увлажняетъ землю лучше, чѣмъ дождь; во-вторыхъ, онъ содержитъ въ себѣ много такихъ веществъ, которыя, проникая въ почву, помогаютъ росту растеній; кромѣ того, онъ уничтожаетъ множество вредныхъ насѣкомыхъ и мѣшаетъ холоду проникнуть слишкомъ глубоко въ землю.

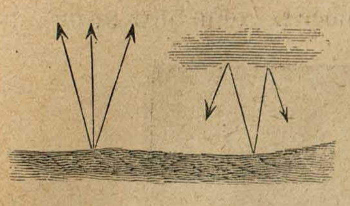
— Что ты говоришь, дѣдушка! Какъ можетъ холодный снѣгъ защитить землю отъ холода?

— Очень просто, моя дорогая. Снѣгъ, точно толстое одѣяло, защищаетъ землю отъ наружнаго холода, и хотя онъ самъ, какъ ты говоришь, холодный, но онъ не про-

пускаетъ въ землю еще бо̀льшаго холода. То же самое дѣлаютъ тучи.

— Тучи!—удивилась Люба.—Какъ же могутъ тучи защитить землю отъ холода?

— Онѣ задерживаютъ испускаемую почвою теплоту и не даютъ высшему, болѣе холодному слою воздуха слишкомъ охладить почву. Оттого-то наши садовники

часто вѣшаютъ надъ нѣжными растеніями еловыя вѣтки и тростниковыя или соломенныя цыновочки, которыя значительно задерживаютъ теплоту, исходящую изъ почвы, и предохраняютъ растенія отъ утреннихъ холодовъ.

— Отчего же рано утромъ бываетъ холоднѣе, чѣмъ вечеромъ или днемъ?

— Оттого, что послѣ заката солнца почва постепенно испускаетъ теплоту, полученную ею днемъ отъ солнца, и къ утру почти совсѣмъ теряетъ ее.

— Но теперь объясни мнѣ, дѣдушка, отчего бываетъ холодно?

— Вишь, какая ты любопытная! Дай же мнѣ отдохнуть немного. Къ тому же пора, кажется, идти завтракать.

Въ ту же минуту вошелъ лакей и доложилъ, что завтракъ поданъ.

— Ну, такъ ты разскажешь мнѣ это послѣ завтрака!—сказала Люба и, схвативъ старика за руку, она торопливо повела его въ столовую.

ГЛАВА III.

Любочкинъ «большой» братъ.

Въ столовой ихъ уже ожидали Елена Николаевна и Сережа, «большой» братъ, какъ называла его Люба.

Сергѣй Николаевичъ Бартеневъ окончилъ съ успѣхомъ естественно-историческій факультетъ въ университетѣ, а затѣмъ поступилъ на службу. Онъ очень любилъ свою маленькую сестренку, хотя она часто безпокоила его своими безконечными вопросами.

На ея «отчего?» у него всегда находились готовыя «оттого», которыя вполнѣ удовлетворяли ея любознательность.

Всѣ принялись завтракать; одна только Люба не прикасалась ни къ чему.

Елена Николаевна замѣтила это.

— Надо ѣсть, моя дорогая,—сказала она дочери.

— Я не хочу, мама,—отвѣтила Люба.

— Значитъ, ты не хочешь вырости?—спросилъ дѣдушка.

— Нѣтъ, хочу!

— Тогда ты должна ѣсть, иначе останешься маленькой!—замѣтилъ серьезно Николай Степановичъ.

— Правда?

— Да, правда!—подтвердилъ Сережа.

Люба взглянула на брата.

— Отчего?—спросила она.

— А! Ты опять принялась за свои вѣчныя «отчего»!—замѣтилъ съ улыбкой Сережа.

— Скажи, отчего?—повторила она настойчиво.

— Оттого, что ѣсть надо, чтобы жить и расти.

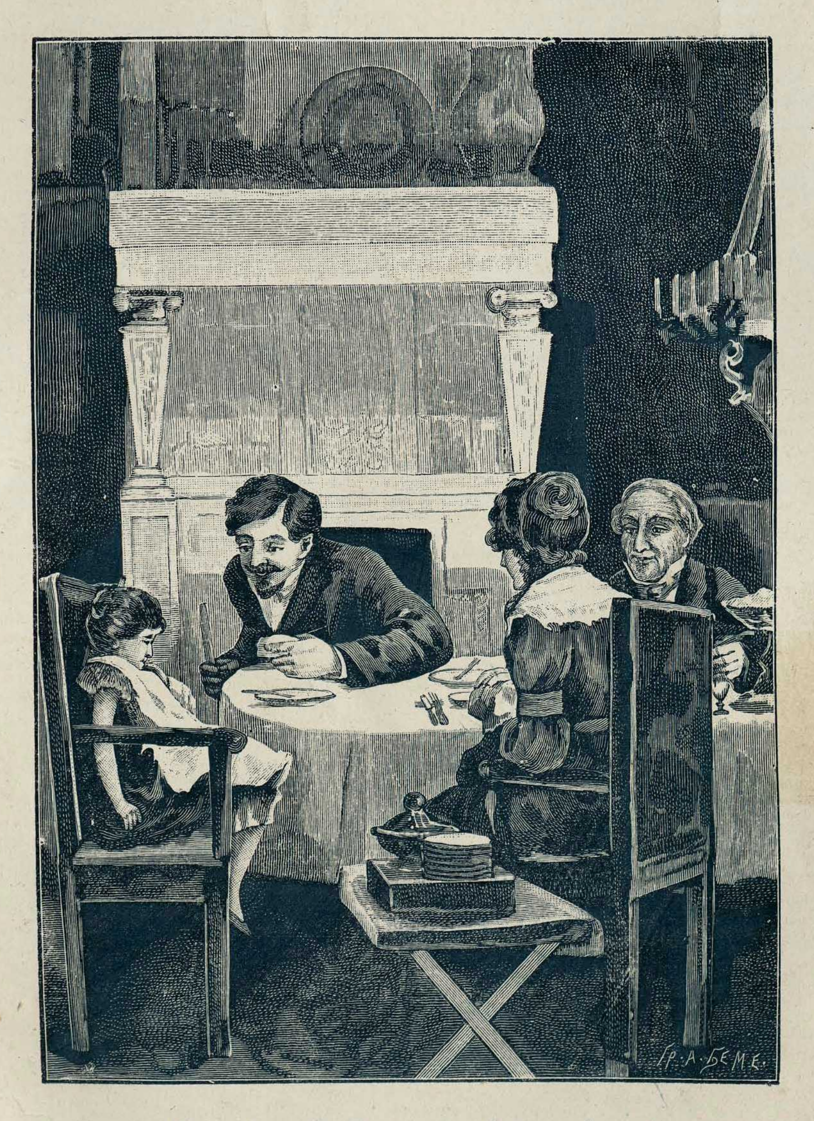
Люба взглянула вопросительно на брата, какъ бы ожидая болѣе точнаго объясненія.

— Постараюсь объяснить тебѣ, отчего надо ѣсть,—сказалъ онъ:—но знай, что объяснять придется долго: хватитъ ли у тебя терпѣнія выслушать меня?

— О, да!—сказала поспѣшно Люба.

— Ну, такъ слушай: твое тѣло состоитъ изъ множества частей, которыя называются органами, всѣ они требуютъ, чтобы ты ѣла и этимъ давала имъ возможность расти. Когда ты ѣшь, то, такъ сказать, не только кормишь свои мускулы, нервы, кости, но даже ногти и волосы.

— Неужели!—удивилась Люба.

«Отчего надо ѣсть?» спросила Любочка (стр. 18).

— Да, всѣ они ждутъ работы твоего желудка и твоихъ маленькихъ зубовъ, потому что находятъ въ пищѣ, которую ты съѣдаешь, всѣ нужныя для своего роста вещества.

— Но развѣ я виновата въ томъ, что совсѣмъ не голодна?

— Если ты не голодна, то это означаетъ, что ты мало трудилась или что ты раньше ѣла больше, чѣмъ слѣдовало.

— Значитъ, если я съѣмъ этотъ кусокъ мяса, то онъ накормитъ и волосы, и ногти и все прочее?

— Да, если твои маленькіе зубки раздѣлятъ мясо на кусочки и превратятъ ихъ въ мягкую кашицу. Тогда она изъ твоего горла перейдетъ въ трубочку, которая называется пищеводомъ, а оттуда въ желудокъ.

— Желудокъ? Это что̀ такое?

— Желудокъ это родъ мѣшка, куда проходитъ пища, которую ты съѣдаешь. Роль его очень важная. Это, такъ сказать, кухня, гдѣ пища переваривается по вкусу каждаго изъ твоихъ органовъ. Онъ весь выстланъ множествомъ маленькихъ железъ, которыя выдѣляютъ изъ себя жидкость, называемую желудочнымъ сокомъ, а сокъ этотъ смачиваетъ пищу въ желудкѣ, какъ это сдѣлала уже слюна у тебя во рту.

— Значитъ, желудочный сокъ то же, что соусъ при кушаньѣ? — спросила Люба.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Сережа. — Твои зубы разжевываютъ и склеиваютъ пищу, а тамъ они замѣняются работой самого желудка, который, сжимаясь, сдавливаетъ,

мѣситъ ее и превращаетъ въ кашицу, называемую химусъ, т.-е. желудочную смѣсь. Затѣмъ эта смѣсь спускается въ другую, извилистую трубку или кишку. Тамъ кашица снова смачивается тремя новыми соками: сокомъ поджелудочной железы, желчью и кишечнымъ сокомъ; эта кишка работаетъ такъ же, какъ желудокъ, и здѣсь кашица подъ конецъ становится бѣлой, какъ молоко, почему ее и называютъ хилусомъ, т.-е. млечнымъ сокомъ.

— Сначала химусъ, а потомъ хилусъ,—пробормотала Люба, стараясь запомнить эти слова.

— Затѣмъ этотъ хилусъ, млечный сокъ, переходитъ въ кровь.

— Какимъ образомъ?

— Онъ всасывается въ ворсинки кишекъ.

— Ворсинки кишекъ?—переспросила съ изумленіемъ Люба.

— Да, ворсинки кишекъ, которыя выстилаютъ всю кишку и играютъ въ ней такую же роль, какъ корни у растеній. Они всасываютъ изъ кишекъ млечный сокъ и переносятъ его въ кровь, которая питаетъ всѣ органы, начиная съ костей и кончая волосами, какъ я уже говорилъ тебѣ.

Во время всего завтрака дѣдушка и мать Любы молча слушали объясненія Сережи, удивляясь, что ихъ любимица такъ сильно заинтересовалась этимъ сложнымъ вопросомъ.

Когда Сережа кончилъ свое объясненіе, Любочка взглянула на свою тарелку съ мясомъ и, убѣдившись ли въ

справедливости словъ брата или, что̀ болѣе вѣроятно, просто проголодавшись, принялась ѣсть.

Но съ тѣхъ поръ, какъ она узнала, какую пользу приноситъ тѣлу пища, на ея красивомъ личикѣ произошла замѣтная перемѣна. Она ѣла съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто прониклась большимъ уваженіемъ къ самой себѣ и къ тѣмъ кусочкамъ мяса, которые она жевала.

Глядя на нее, дѣдъ, мать и братъ не могли удержаться отъ улыбки.

Любочка замѣтила это.

— Я знаю, отчего вы смѣетесь!—сказала она.

— Ну, скажи, отчего?—спросила ее мать.

— Вы думаете, что я не поняла того, что̀ разсказывалъ Сережа.

— Нѣтъ, ты ошибаешься, дорогая; напротивъ, мы увѣрены, что ты поняла все.

— Но знаешь, мамочка, я поняла бы больше, еслибы Сережа кончилъ свой разсказъ.

— Вѣдь я же разсказалъ тебѣ все!

— Нѣтъ. Ты началъ говорить о крови и не договорилъ. Я знаю только, что кровь красная жидкость; больше я о ней ничего не знаю. Разскажи мнѣ, что̀ такое кровь?

— Она права; продолжай, Сережа,—сказалъ дѣдушка.

— Хорошо, — согласился Сережа.—Ты уже знаешь, Любочка, что хилусъ, который смѣшивается съ кровью, получается чрезъ пищевареніе, а пищевареніе—это такое дѣйствіе, которое превращаетъ пищу сначала въ химусъ, а потомъ въ хилусъ...

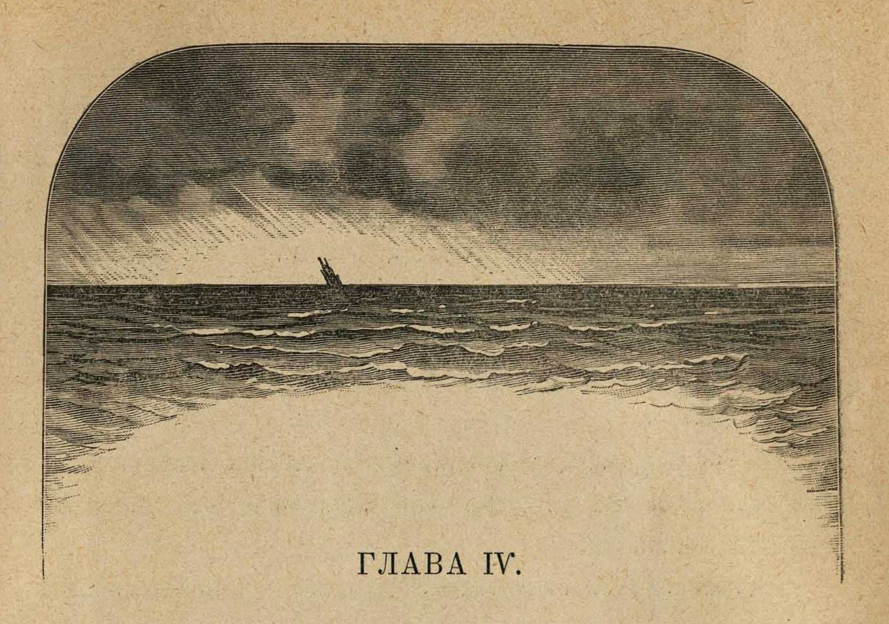
— Въ бѣлую кашицу,—подсказала Любочка.

— Совершенно вѣрно. И потому, когда говорятъ: «хорошее пищевареніе, плохое пищевареніе», то этимъ хотятъ сказать, что пища переваривается лучше или хуже. Плохое пищевареніе происходитъ отъ желудка и кишекъ, которые, когда не вполнѣ здоровы, вяло сжимаются и разжимаются и недостаточно смачиваютъ пищу соками, о которыхъ я уже говорилъ тебѣ. Впрочемъ, пища бываетъ различная: одну желудокъ перевариваетъ легче, а другую — труднѣе, и тогда говорятъ просто «тяжелая пища»...

— Омаръ!—воскликнула Любочка съ легкой гримаской, вспомнивъ, какъ тяжело ей стало, когда она однажды много поѣла этого блюда.

— Да, омаръ также съ трудомъ превращается въ хилусъ даже здоровымъ желудкомъ. Надо тебѣ сказать, что желудокъ — это поваръ: чѣмъ легче блюдо, тѣмъ лучше онъ приготовитъ его; если же ему закажутъ какое-нибудь сложное блюдо, то онъ долженъ долго готовить его.

ГЛАВА IV.

Письмо издалека.

Окончивъ завтракъ, всѣ отправились въ гостиную. Вслѣдъ за ними вошелъ слуга съ письмомъ.

При видѣ конверта, испещреннаго марками, у Елены Николаевны вырвалось восклицаніе радости.

— Это отъ папы! — сказала она Любѣ и Сережѣ.

Тѣ поспѣшно придвинулись ближе, чтобы послушать, что пишетъ отецъ, отъ котораго давно ожидали письма. Елена Николаевна разорвала конвертъ и принялась читать. Вотъ что писалъ ей мужъ:

«Дорогая Елена!

«Мнѣ только-что сообщили, что порученіе мое кончено, и я могу вернуться на родину, къ тебѣ и нашимъ дорогимъ дѣтямъ. Ты легко поймешь, какъ я радъ этому,

и навѣрное вы всѣ раздѣлите мою радость. Когда вы получите это письмо, я уже буду находиться среди океана...»

Елена Николаевна прервала чтеніе: она вспомнила свои недавнія опасенія, и въ воображеніи ея снова показалось одинокое судно, застигнутое ужасной бурей.

Любочка тотчасъ угадала причину тревоги своей дорогой мамочки.

— Не печалься, мамочка!—сказала она, нѣжно обнимая ее:—вѣдь ты же сама говорила мнѣ, что папѣ не грозитъ опасность.

Дѣдушка и Сережа старались казаться спокойными, хотя сами отчасти раздѣляли эти опасенія. Тѣмъ не менѣе они поспѣшили разогнать мрачныя мысли Елены Николаевны, которая затѣмъ снова принялась за чтеніе письма:

«Надѣюсь вернуться домой во второй половинѣ декабря. Если же я запоздаю, то не безпокойтесь обо мнѣ. Мое судно уже доказало свои прекрасныя качества и счастливо доставитъ меня на дорогую родину. Какъ мнѣ хочется обнять мою маленькую Любочку! Вѣроятно, она все еще такая же любопытная? Что-то подѣлываетъ мой милый, ученый Сережа и почтенный дѣдушка? Обними и поцѣлуй ихъ всѣхъ крѣпко за меня!»

Елена Николаевна тотчасъ исполнила съ счастливой улыбкой это нѣжное порученіе.

— Мамочка, ты не все прочитала!—воскликнула Любочка, замѣтивъ въ концѣ письма нѣсколько строкъ.

— Да, правда! Я не прочла еще приписки.

Приписка содержала слѣдующее:

«Сережа писалъ мнѣ въ своемъ послѣднемъ письмѣ очень подробно о дѣвицѣ Вѣрѣ Александровнѣ Гурьевой. Я угадываю, чтó онъ замышляетъ; но мнѣ *очень важно* знать, не сродни ли эта семья тѣмъ Гурьевымъ, одинъ изъ которыхъ служилъ въ 1885 г. во флотѣ?»

Слова «очень важно» были подчеркнуты. Эта приписка удивила всѣхъ. Изъ этихъ словъ видно было, что Николай Александровичъ зналъ какихъ-то Гурьевыхъ, если требовалъ эти свѣдѣнія и такъ интересовался ими.

Сережа встревожился. Ему казалось, что въ припискѣ отца кроется препятствіе къ тому счастью, о которомъ онъ мечталъ.

Прошлое лѣто вся семья Бартеневыхъ провела въ Крыму; Сережа пріѣзжалъ туда каждую субботу и оставался тамъ до среды. Но чѣмъ болѣе лѣто близилось къ концу, тѣмъ труднѣе ему становилось каждый разъ уѣзжать оттуда. Дѣло въ томъ, что онъ познакомился тамъ съ красивой семнадцатилѣтней Вѣрой Гурьевой, кроткіе, нѣжные взоры которой плѣнили его сердце.

Тамъ Елена Николаевна встрѣтила одну изъ своихъ прежнихъ подругъ по пансіону, которую давно потеряла изъ виду. Онѣ узнали другъ друга и возобновили прежнія узы дружбы. Подруга эта была Надежда Петровна Гурьева; она вдовѣла уже нѣсколько лѣтъ, и пріѣхала съ дочерью на лѣто въ Крымъ.

Замѣтивъ, что Сережа неравнодушенъ къ Вѣрочкѣ, обѣ матери переглянулись и, улыбнувшись, рѣшили способствовать счастью своихъ дорогихъ дѣтей.

Любочка тотчасъ влюбилась въ свою новую «боль-

шую» подругу. Она также скоро догадалась, что Сережа неравнодушенъ къ Вѣрѣ и что той нравится его общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ она замѣтила, что Сережа становится съ каждымъ днемъ печальнѣе.

Уѣзжая однажды утромъ, Сережа засталъ свою маленькую сестру уже въ столовой. Онъ сердечно обнялъ ее и поручилъ ей обнять маму и дѣдушку.

— И больше никого?—спросила она съ плутовской улыбкой.

— Что̀ ты хочешь этимъ сказать?—удивился Сережа:—Нѣтъ, никого.

— Тогда я обниму и Вѣрочку,—сказала Любочка.

Сережа сдѣлалъ видъ, будто не понялъ ея словъ и поспѣшилъ уѣхать, чтобы избавиться отъ необходимости отвѣчать.

ГЛАВА V.

Что́ думала Вѣрочка.

За завтракомъ Елена Николаевна и дѣдушка завели разговоръ о Сережѣ и Вѣрѣ, но не упоминая ихъ именъ, и сначала Любочка не догадывалась, о комъ шла рѣчь.

Но вотъ Николай Степановичъ всталъ изъ-за стола и сказалъ въ заключеніе:

— Но раньше слѣдовало бы узнать, что́ думаетъ она объ этомъ.

«*Она*»—то была, очевидно, Вѣра. Въ этомъ Любочка уже не сомнѣвалась.

«Ну, я скоро узнаю, что́ *она* думаетъ объ этомъ», рѣшила Люба.

Когда, спустя полчаса, всѣ расположились на мор-

скомъ берегу, Любочка взяла свою «большую» подругу за руку и пошла съ ней прогуляться вдоль берега. За ними послѣдовалъ и Николай Степановичъ. Весело болтая, они дошли до крутой горы.

— Пойдемте на гору,—предложила Любочка:—оттуда долженъ быть прекрасный видъ на море.

— Гора очень крутая,—возразила Вѣра:—намъ на нее не взобраться.

— Ну, вы молоды, вамъ туда не трудно подняться,—замѣтилъ Николай Степановичъ:—даже я вчера былъ тамъ; тропинка идетъ наверхъ зигзагами.

— Зигзагами? — переспросила Любочка. — Но тогда намъ придется долго подниматься наверхъ?

— Но зато гораздо легче будетъ идти,—замѣтилъ Николай Степановичъ.

— Отчего же легче?

— Оттого, что крутизна горы умаляется зигзагами и наклонъ тропинки гораздо меньше. Я вчера поднимался туда съ барометромъ, и ртуть въ барометрѣ показывала $28^3/_4$ дюймовъ.

— Развѣ здѣсь внизу ртуть показываетъ больше?—спросила Любочка.

— Да, на уровнѣ моря она показываетъ 30 дюймовъ.

— Отчего же падаетъ ртуть на горѣ?

— Оттого, что чѣмъ выше мы находимся надъ уровнемъ моря, тѣмъ рѣже тамъ воздухъ, а потому тѣмъ меньше давитъ онъ на ртуть, которая вслѣдствіе этого опускается.

— Какъ же можно узнать, насколько дюймовъ упала ртуть?

— Ты, должно быть, не замѣтила, что на барометрѣ находятся дѣленія. Каждое такое дѣленіе. на которое падаетъ барометръ, равняется 73 футамъ.

Тѣмъ временемъ они подошли къ горѣ.

— Ты пойдешь съ нами, дѣдушка?—спросила Любочка.

— Нѣтъ, дѣти, идите однѣ.

Подруги стали подниматься наверхъ и послѣ двадцати минутъ утомительной ходьбы очутились на вершинѣ горы.

— Отдохнемъ здѣсь,—предложила Любочка.—Какой отсюда прекрасный видъ!

— Да, здѣсь хорошо. И какъ легко дышать!

Наступило минутное молчаніе.

— Ты вѣдь знаешь, Вѣрочка, — сказала Любочка, пристально глядя на подругу,—что Сережа уѣхалъ сегодня утромъ?

— Знаю,—отвѣтила Вѣра, удивившись этому вопросу.

— Сережа былъ очень печаленъ!..

— Посмотри-ка на то судно! Видишь, какъ оно качается на волнахъ! - воскликнула Вѣра, желая перемѣнить разговоръ.

Но Любочка даже не взглянула въ ту сторону и продолжала спокойно:

— Знаешь, Вѣрочка, вѣдь Сережа тебя очень любитъ!

— Что за вздоръ ты болтаешь,—остановила ее въ

смущенія подруга.—И зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? Вѣрно ты хочешь вывести меня изъ терпѣнія!

— О, Вѣра!—прошептала Любочка, и въ голосѣ ея послышался упрекъ.—Значитъ, ты его не любишь?

Но, взглянувъ на Вѣру, она замѣтила, что та покраснѣла и совсѣмъ растерялась.

— Пойдемъ, насъ ждутъ! — сказала Вѣра, быстро вставая съ мѣста.

Любочка молча послѣдовала за своей «большой» подругой. Она была довольна, потому что смущеніе Вѣры объяснило ей все. Однако, раньше, чѣмъ подойти къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли ея мать и Надежда Петровна, она схватила Вѣру за руку и спросила шопотомъ:

— Значитъ, ты согласна быть его невѣстой?

Вѣра ускорила шаги, но въ то же время Любочка почувствовала, что подруга пожала ей руку и нѣжно взглянула на нее.

— Ахъ, я чуть не забыла обнять тебя!—воскликнула она, вспомнивъ свое утреннее обѣщаніе.

И бросившись на шею Вѣры, она крѣпко обняла ее.

Когда онѣ подошли къ мѣсту, гдѣ сидѣли Елена Николаевна съ Надеждой Петровной, тѣ переглянулись и тотчасъ прервали разговоръ. Это не ускользнуло отъ вниманія Любочки, тотчасъ угадавшей предметъ разговора.

— Какъ ты взволнована, дѣточка!—замѣтила дочери Елена Николаевна.

— Это оттого, мамочка, что я довольна!—отвѣтила Любочка, глядя на Вѣру, которая знаками просила ее молчать о томъ, чтó произошло между ними.

— Что съ тобой, Вѣра?—спросила, въ свою очередь, Надежда Петровна, замѣтивъ жесты дочери.

— Чѣмъ ты такъ довольна?—спросила мать Любочку.

— Тѣмъ, что я узнала, что́ *она* думаетъ,—отвѣтила Любочка, указывая на подругу.

При этихъ словахъ Вѣра покраснѣла еще больше, а Надежда Петровна вопросительно взглянула на Елену Николаевну.

— Какъ! Ты слышала утромъ нашъ разговоръ и догадалась о комъ говорилъ дѣдушка?

Любочка утвердительно кивнула головой.

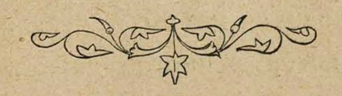
— Ахъ, какая плутовка!—воскликнула съ улыбкой Надежда Петровна.

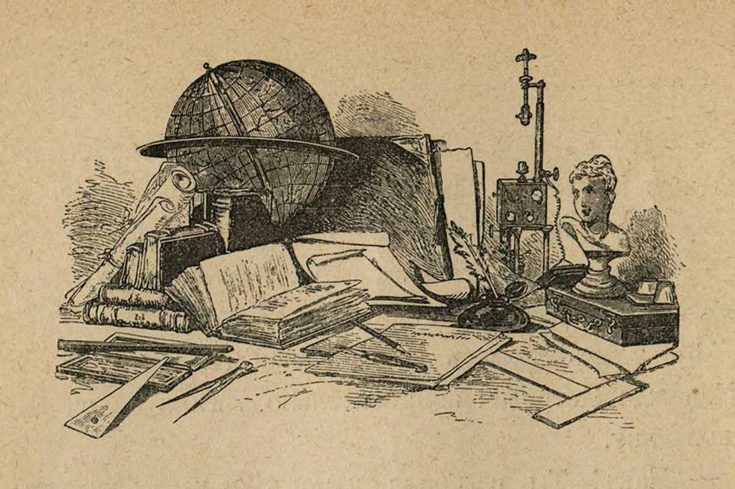
— Значитъ, это правда, Вѣрочка?—спросила Елена Николаевна.—Вы неравнодушны къ Сережѣ?

Вмѣсто отвѣта Вѣра въ смущеніи опустила глаза.

Всѣ были счастливы и ждали только возвращенія Николая Александровича, чтобы получить его согласіе на этотъ бракъ.

Но въ тотъ же вечеръ прибыло письмо отъ него, сильно встревожившее всѣхъ. Болѣе всѣхъ оно встревожило Сережу; онъ тотчасъ вышелъ изъ гостиной и отправился къ Гурьевымъ разузнать о дѣлѣ, которому отецъ его придавалъ такое важное значеніе.

ГЛАВА VI.

Рабочій кабинетъ Сережи.

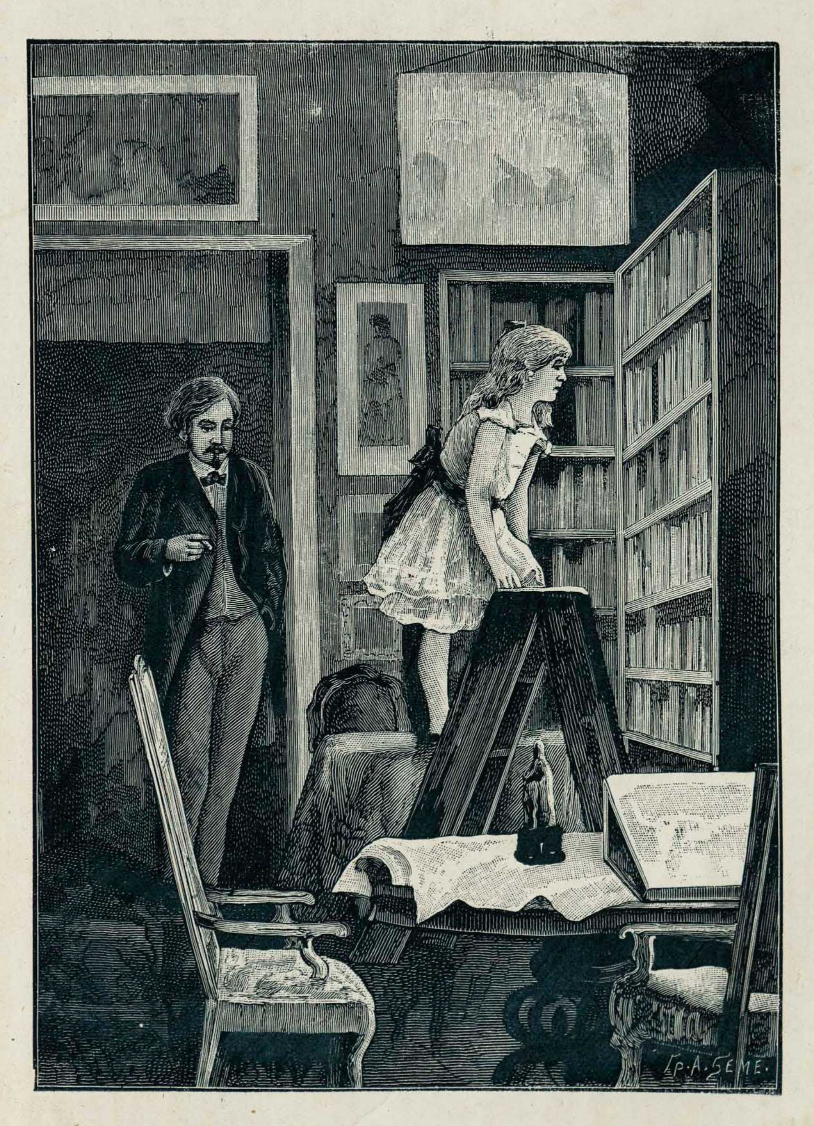
После ухода брата Любочка осталась одна.

Въ четыре часа, когда мать ея, по обыкновенію, отдыхала, Любочкѣ вздумалось заглянуть въ кабинетъ брата.

Она отворила дверь и очутилась въ большой комнатѣ, стѣны которой были заняты полками, уставленными множествомъ разныхъ книгъ. Тамъ находились книги толстыя и большія, тонкія и маленькія, старыя и новыя. Тутъ же стояла переносная лѣстница, съ помощью которой можно было доставать книги съ верхнихъ полокъ.

Убѣдившись, что брата не было дома, Любочка рѣшилась достать сверху толстую книгу съ роскошными рисунками, изображавшими цвѣты и пейзажи всѣхъ странъ свѣта, смотрѣть которую иногда давалъ ей братъ.

Книга стояла на видномъ мѣстѣ и какъ бы говорила:

Любочка потянулась за книгой (стр. 33).

«возьми меня», а лѣстница находилась передъ той же полкой и, казалось, услужливо предлагала Любочкѣ свои услуги.

«Вѣдь въ этомъ не будетъ ничего дурного, если я возьму эту книгу, — подумала Любочка. — Еслибы Сережа былъ тутъ, онъ самъ далъ бы ее мнѣ».

И не долго думая, она стала осторожно подниматься по шаткой лѣстницѣ; но въ это время дверь тихо отворилась, и на порогѣ показался Сережа.

Любочка не подозрѣвала, что «большой» братъ стоитъ у дверей и молча наблюдаетъ за нею, видимо довольный, что поймалъ ее на мѣстѣ преступленія.

Но лишь только она потянулась за книгой, какъ вдругъ за нею раздался притворно строгій голосъ.

— Чтó вы тутъ изволите дѣлать, сударыня?

И въ ту же минуту онъ подбѣжалъ къ лѣстницѣ изъ опасенія, что его дорогая сестренка упадетъ съ испугу.

Однако, Любочка только спокойно оглянулась.

— А! это ты! — сказала она, невольно краснѣя.

— Да, сударыня, я. И я очень недоволенъ вами. Развѣ я не запретилъ вамъ трогать мои книги?

— Да... но эта книга почти-что моя.

— Однако, вы знаете, что хотя бы она и была ваша, я не желаю, чтобы вы лазали по лѣстницѣ.

— Но, — возразила Любочка, — еслибы ты не вернулся такъ скоро, то не засталъ бы меня на лѣстницѣ.

— Что? Вы еще изволите разсуждать! — замѣтилъ Сережа, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Вѣдь вы могли упасть и расшибиться, доставая книгу!

— Такъ зачѣмъ же ты ставишь ее такъ высоко?

Не находя, что отвѣтить, Сережа схватилъ свою сестренку подъ мышки и опустилъ на полъ.

— Теперь достань ее самъ,—сказала она, нисколько не смущаясь этимъ.

— Что?

— Книгу.

— Э, нѣтъ, нѣтъ. Сегодня я тебѣ ее не дамъ, это будетъ тебѣ впредь урокомъ.

— У-ро-комъ! у-ро-комъ! — протянула Любочка и вдругъ вспомнила о чемъ-то:—Да вѣдь ты и безъ того долженъ дать мнѣ урокъ!—сказала она.

— Какой?

— Разсказать, что такое кровь.

Сережа былъ въ хорошемъ расположенiи духа. Онъ узналъ отъ госпожи Гурьевой, что у мужа ея дѣйствительно былъ братъ, служившiй мичманомъ во флотѣ, но что онъ скончался во время Крымской войны.

Не находя въ этихъ свѣдѣнiяхъ ничего тревожнаго для своего счастья, онъ сообщилъ это дѣдушкѣ и матери, которые также не видѣли въ этомъ причинъ къ безпокойству. Вотъ почему «большой» братъ Любочки находился въ веселомъ настроенiи и готовъ былъ подвергнуться безконечному допросу своей любознательной сестрицы.

— Ты хочешь знать, что такое кровь? — спросилъ онъ.—Но скажи мнѣ сначала, поняла ли ты все, о чемъ я тебѣ разсказывалъ раньше, и запомнила ли ты тѣ мудреныя названiя, о которыхъ я говорилъ?

— Разумѣется, запомнила. Ты кончилъ разсказъ тѣмъ, какъ хилусъ, молочный сокъ, переходитъ въ кровь.

— Прекрасно! Запомни теперь слѣдующее. Кровь играетъ очень важную роль: она кормитъ и заботится о всемъ нашемъ тѣлѣ, снабжаетъ даже малѣйшія части его, какъ-то: ногти, зубы, волоса,—такими веществами, которыя имъ необходимы для ихъ роста или для исправленія какихъ-нибудь поврежденій. Такимъ образомъ, кровь доставляетъ твоимъ маленькимъ костямъ и слабымъ мускуламъ тѣ вещества, отъ которыхъ они растутъ и становятся сильными. Но, какъ тебѣ извѣстно, подъ конецъ все портится, все изнашивается, и еслибы хилусъ послѣ каждаго нашего обѣда не доставлялъ крови новыхъ веществъ, то она не могла бы долѣе кормить наше тѣло.

— Значитъ, надо ѣсть, чтобы вырости,—спросила Любочка,—потому что во время ѣды образуется хилусъ, отъ котораго мы растемъ?

— Да, милочка! Но кромѣ того, у крови есть и другія обязанности. Когда мы совсѣмъ выростемъ, она заботится сохранить наше здоровье и старается исправить то, что испортилось въ нашемъ тѣлѣ.

— Отчего же тогда люди не живутъ вѣчно, если кровь всегда исправляетъ все, что портится у насъ?—спросила Любочка послѣ минутнаго раздумья.

— Отчего?.. Вмѣсто отвѣта я приведу тебѣ маленькое сравненіе. Представь себѣ, что передъ тобою строятъ скромную мазанку; сначала сколачиваютъ досчатый срубъ, затѣмъ оштукатуриваютъ его известью и глиной, а когда стѣны готовы...

— То-есть выростутъ!—подсказала Любочка, желая показать брату, что она поняла смыслъ сравненія.

— Да, выростутъ; тогда домикъ совсѣмъ готовъ.

— Совсѣмъ выросъ.

— Да, съ помощью глины и извести, которую я въ этомъ случаѣ назову кровью. Нѣсколько лѣтъ онъ стоитъ крѣпкій и красивый...

— Молодой!—поспѣшила подсказать Любочка.

— Да, молодой, совершенно вѣрно. Но вотъ пройдутъ годы, и наконецъ въ одной изъ стѣнъ замѣчаютъ небольшую щель. Это поврежденіе неважное, и его скоро замазываютъ глиной. Черезъ нѣкоторое время является новая трещина, больше прежней, но ее тоже задѣлываютъ. Въ слѣдующій разъ является уже серьезное поврежденіе въ самой стѣнѣ, но и его удается задѣлать. Между тѣмъ, проходятъ годы...

— Домъ старѣетъ?

— Да, старѣетъ, какъ и мы. Число щелей увеличивается, штукатурка отваливается кусками, и еслибы его теперь вздумали снова штукатурить, то сгнившій досчатый срубъ уже не выдержалъ бы тяжести и отъ бури или вѣтра...

— Холода и зноя...

— Да, холода и зноя, или по какой-нибудь другой причинѣ...—продолжалъ, улыбаясь, Сережа.

— Рухнулъ?—спросила Любочка.

Сережа не могъ удержаться, чтобы не разсмѣяться отъ всего сердца, глядя какъ его сестренка прислушивается къ каждому его слову и ежеминутно прерываетъ его.

Глядя на брата, Любочка тоже разсмѣялась, но вслѣдъ затѣмъ съ участіемъ замѣтила:

— Бѣдный домикъ!.. Онъ умеръ!..

— Да, умеръ. Я вижу, что ты поняла меня. Кровь возобновляетъ наши силы до тѣхъ поръ, пока нашъ домъ, т.-е. наше тѣло...

— Не разрушится! Но развѣ нельзя помѣшать этому?

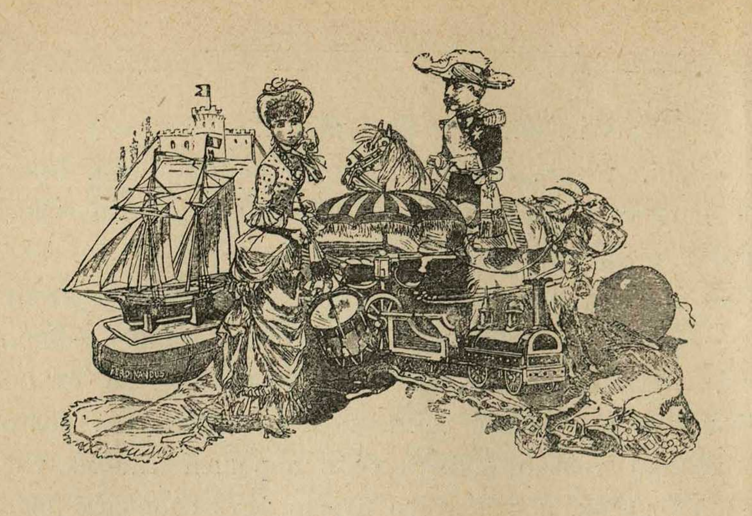
— Нѣтъ, — отвѣтилъ Сережа съ улыбкой.—Впрочемъ,—прибавилъ онъ серьезно,—есть средство, съ помощью котораго нашъ домъ можетъ держаться долго: необходимо только добыть себѣ хорошей глины, т.-е. хорошей крови, а для этого нужно ѣсть здоровую пищу въ опредѣленные часы и быть умѣреннымъ во время ѣды.

— Быть умѣреннымъ!—воскликнула Любочка.—Но вѣдь ты самъ знаешь, что я ѣмъ немного. Развѣ я виновата, что не всегда хочу ѣсть, когда мы садимся за столъ?

— Разумѣется, виновата! Когда ты не погуляешь или позавтракаешь плотнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, то не хочешь обѣдать. Къ тому же мама часто балуетъ тебя и даетъ тебѣ слишкомъ много лакомствъ, которыя портятъ тебѣ аппетитъ.

— Но сегодня я не виновата. Ты самъ видишь, какая погода,—возразила Любочка, указывая на аллеи, покрытыя снѣгомъ.—Развѣ я могла выйти гулять въ такую погоду?

— Правда, — сказалъ Сережа, сознаваясь, что его сестренка отчасти права;—въ такомъ случаѣ ты виновата только на половину, а въ остальномъ виновата погода.

ГЛАВА VII.

Канунъ сочельника

Наступало Рождество. Елена Николаевна приказала заложить экипажъ и поѣхала съ дочерью закупать подарки для родныхъ, знакомыхъ и маленькихъ друзей Любочки.

Онѣ побывали въ магазинахъ искусствъ, рѣдкостей, посѣтили мебельные, мануфактурные и игрушечные магазины, а также и кондитерскія. Всѣ эти магазины блестѣли золотомъ и хрусталемъ. Въ кондитерскихъ полки, прилавки и столы были уставлены роскошными коробочками, конфетами и вазами съ живыми цвѣтами. Посреди многочисленныхъ покупателей сновали мальчуганы, исполнявшіе приказанія приказчицъ.

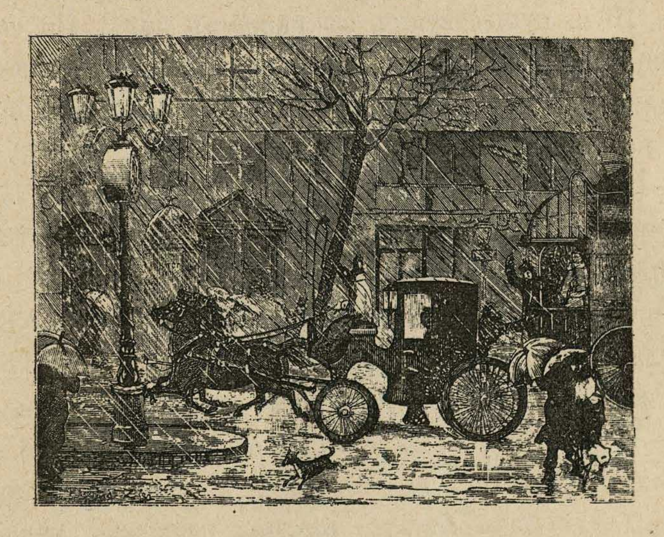
Приказчицы то и дѣло подходили къ Любочкѣ и предлагали полакомиться конфетами, и Любочка, не стѣсняясь, пользовалась этимъ случаемъ.

Елена Николаевна была слишкомъ занята покупками, чтобы услѣдить за дочерью, и маленькая лакомка съѣла больше конфетъ, чѣмъ слѣдовало.

Она только на мгновеніе прервала это пріятное занятіе и то только затѣмъ, чтобы спросить:

— Отчего конфеты такъ вкусны?

— Оттого, что онѣ изъ сахара,—отвѣтили ей.

И такъ какъ она знала, что сахаръ вкусенъ, то не сочла болѣе нужнымъ допытываться дальше.

Окончивъ закупки, Елена Николаевна отправилась съ дочерью домой. На пути вдругъ хлынулъ сильный ливень.

Сидя въ каретѣ, Любочка видѣла, какъ всѣ прохожіе и извозчики засуетились и поспѣшили укрыться подъ клеенчатыми плащами, зонтиками или подъ воротами домовъ.

— Бѣдные люди!—замѣтила она съ участіемъ.—Какъ же они высушатъ свое платье?

— Они развѣсятъ его дома у печки,—отвѣтила мать.

— У печки?

— Да, теплота превратитъ всю сырость въ платьѣ въ паръ, который улетучится.

— Превратится въ тучи?

— Да.

— А если дома нѣтъ печи?

— Печи существуютъ въ каждомъ домѣ. Но еслибы ихъ не было, то воздухъ высушилъ бы платье,—онъ суше и теплѣе мокраго платья и сдѣлаетъ то же, что теплая печь, но только не такъ быстро.

— Но все-таки многіе изъ этихъ бѣдныхъ людей навѣрное схватятъ насморкъ. Отчего, мамочка, получаешь насморкъ, когда промокнешь?

— Оттого, что испаренія отнимаютъ у тѣла необходимое для него тепло, а потеря тепла легко можетъ вызвать насморкъ или какую-нибудь другую болѣзнь.

— Но какъ уберечься отъ простуды, мамочка, если промокнешь въ лѣсу или въ полѣ, а домой идти далеко?

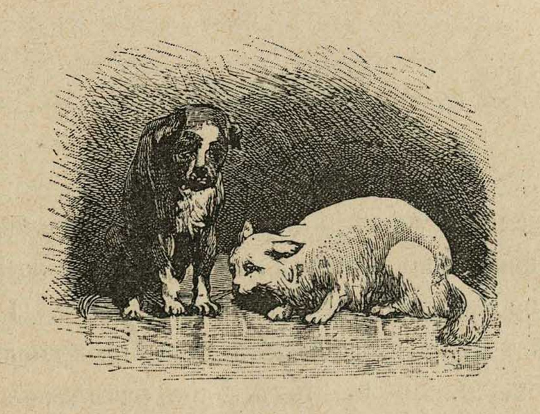
— Тогда надо бѣгать, быстро шевелить руками и ногами. Этимъ пополнится потеря тепла въ тѣлѣ.

Въ это время карета подъѣхала къ подъѣзду ихъ дома. Любочка отправилась въ свою комнату, но, проходя черезъ гостиную, услышала съ балкона тихій жалобный вой и мяуканье. Подбѣжавъ къ окну, она къ своему ужасу увидала тамъ своихъ друзей: Снѣжинку—маленькую кошечку съ розовой мордочкой, и Амишку—крошечную собачку, которую ей недавно подарили.

Вѣроятно, слуга во время дождя затворилъ дверь на

балконъ, не замѣтивъ тамъ бѣдныхъ животныхъ, которыя промокли до костей.

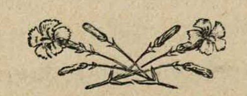
Любочка вскрикнула при видѣ жалкаго положенія своихъ любимцевъ. На ея крикъ прибѣжали слуги и впустили несчастныхъ животныхъ. Она отнесла ихъ въ свою комнату и уложила на мягкій коврикъ передъ пылающимъ каминомъ.

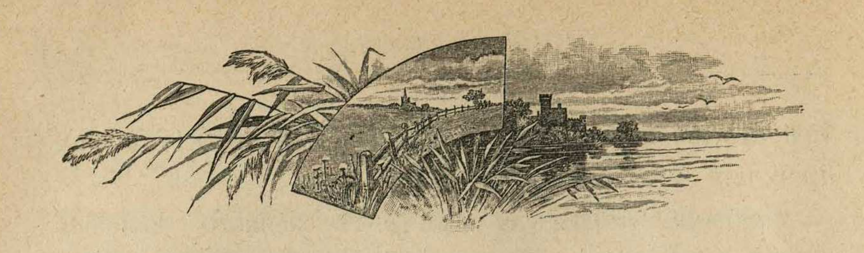

Амишка тотчасъ принялась усердно встряхивать свою длинную шерстку, а Снѣжинка утирать мордочку и уши лапкой. Видимо, имъ было очень пріятно погрѣться передъ каминомъ.

Глядя на нихъ, Любочка вспомнила недавній урокъ и пробормотала:

— Бѣдняжки, какъ онѣ промокли! Хорошо, что я принесла ихъ сюда. Теперь отъ нихъ пойдутъ испаренія, и онѣ скоро обсохнутъ.

ГЛАВА VIII.

Любочкино сердце.

Казалось, урокъ о пищевареніи и значеніи крови настолько убѣдилъ Любочку, что она рѣшилась не портить себѣ болѣе аппетита. И дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ дней она хорошо завтракала и обѣдала. Но въ этотъ день, разъѣзжая по магазинамъ и кондитерскимъ, она не устояла противъ соблазна и полакомилась чрезъ мѣру конфетами.

За обѣдомъ она не только отказалась отъ супа и жаркого, но не дотронулась даже до фруктовъ и пирожнаго.

— Что съ тобою, Любочка? — спросилъ дѣдушка. — Должно быть, ты сегодня опять поѣла конфетъ?

— Да, и больше, чѣмъ слѣдовало, — замѣтила Елена Николаевна недовольнымъ голосомъ.

— О, мамочка, я больше не буду ѣсть конфетъ, увѣряю тебя, — поспѣшно возразила Любочка; — у меня отъ нихъ и теперь болитъ немножко сердце.

— А позвольте узнать,—спросилъ Сережа съ улыбкой,—гдѣ у васъ сердце?

— Тутъ!—отвѣтила Любочка, указывая на желудокъ.

Всѣ разсмѣялись.

— А... вотъ гдѣ у васъ сердце!.. — продолжалъ смѣяться Сережа.—Въ такомъ случаѣ мнѣ нечего дальше спрашивать васъ, потому что, еслибы я захотѣлъ узнать, гдѣ находится вашъ носикъ, вы, вѣроятно, указали бы мнѣ на подбородокъ или на что-нибудь другое.

— Ты смѣешься надо мною!—обидѣлась Любочка.

— Конечно. Какъ же мнѣ не смѣяться, когда такая большая дѣвочка не знаетъ, гдѣ находится сердце? Неужели ты никогда не слышала, гдѣ оно бьется?

— Слышала; оно бьется вотъ тутъ...—отвѣтила въ смущеніи Любочка, указывая на лѣвую сторону груди.

— Прекрасно. Но если оно бьется тутъ, то какъ же оно можетъ быть тамъ, куда ты указала сначала?

— Я ошиблась, у меня болитъ не сердце, а желудокъ.

— Только маленькія дѣти могутъ такъ ошибаться.

— Но скажи мнѣ, къ чему служитъ сердце?

— Для жизни.

— А раньше ты говорилъ мнѣ, что для жизни намъ нужна кровь?

— Да; и я сравнивалъ ее съ штукатуркой, которая необходима для постройки и починки дома. Но неужели ты думаешь, что штукатурка сама явится къ зданію?

— Нѣтъ, ее приноситъ рабочій.

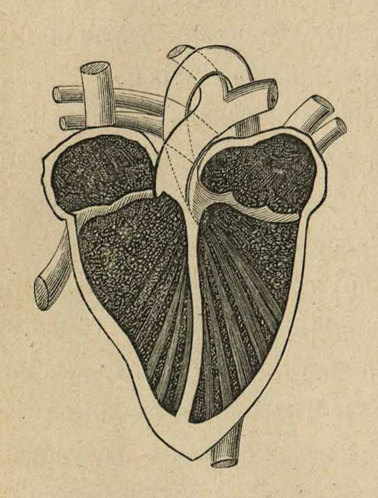
— Вѣрно, сестрица. Такъ вотъ сердце и есть тотъ самый рабочій, который разноситъ кровь по всему тѣлу.

— А я думала, что кровь не нуждается въ томъ, чтобы ее приносили.

— Ты думала, что она стоитъ тамъ такъ же неподвижно, какъ эта вода въ стаканѣ?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ ты ошибаешься: она находится въ постоянномъ движенiи и обѣгаетъ все наше тѣло въ 22 секунды.

— Какъ же это происходитъ, Сережа?

— Ты видѣла, какъ мы играемъ съ дѣдушкой въ карты, и навѣрное замѣтила карту съ однимъ краснымъ значкомъ, которую называютъ...

— Бубновымъ тузомъ? Да, дѣдушка?

— Нѣтъ, не угадала, милочка, вспомни другую.

— Червонный тузъ!

— Да, червонный тузъ. Эта фигура походитъ на наше сердце, но оно у насъ гораздо больше и внутри пусто. Представь себѣ резиновый шаръ, который сжимается и разжимается, а въ немъ четыре отдѣленiя: два внизу и два вверху. Отдѣленiе нижнее съ лѣвой стороны наполнено кровью, и когда оно сжимается, то кровь бросается въ длинную трубочку, артерiю, которая, подобно огромной вѣтви, расходится по всему нашему тѣлу

тысячами другихъ вѣточекъ, становящихся подъ конецъ даже невидными простому глазу.

— И по всѣмъ этимъ вѣточкамъ изъ сердца разносится кровь?

— Да. Черезъ всѣ эти безчисленныя вѣточки, или артеріи, кровь переносится по всему тѣлу, питаетъ всѣ его части, возобновляетъ повсюду ослабѣвшія силы, задѣлываетъ трещины, однимъ словомъ...

— Поправляетъ домъ,—поспѣшно добавила Любочка.

— Но это еще не все, — продолжалъ Сережа.—Исправляя зданіе, кровь уноситъ изъ него и всѣ излишніе матеріалы. Надо тебѣ сказать, что въ каждой каплѣ крови плаваютъ милліоны крошечныхъ шариковъ, которые придаютъ ей красный цвѣтъ. И вотъ, какъ работникъ употребляетъ штукатурку для исправленія трещинъ въ зданіи, такъ и кровь употребляетъ эти шарики для исцѣленія больныхъ мѣстъ. Но, разливаясь по нашему тѣлу, она на пути теряетъ такъ много этихъ шариковъ, что изъ алой становится подъ конецъ совсѣмъ темной отъ всѣхъ тѣхъ ненужныхъ старыхъ матеріаловъ, которые она на пути захватила съ собой. Подъ конецъ кровь до того переполнится старымъ матеріаломъ, что вынуждена избавиться отъ него.

— Какъ же она это дѣлаетъ?—спросила Любочка, слѣдившая съ величайшимъ интересомъ за разсказомъ.

— Очень просто, она сжигаетъ ихъ.

— Не можетъ быть, ты шутишь, Сережа!

— Нисколько. Слушай дальше: вернувшись, кровь бросается въ правое отдѣленіе верхняго этажа, а оттуда, че-

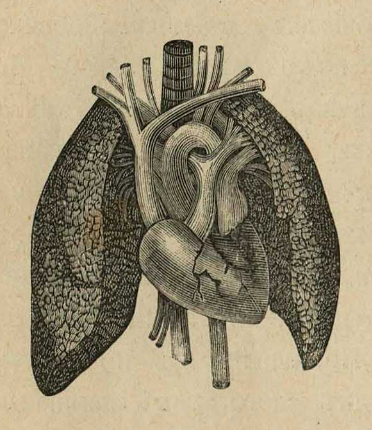
резъ дверцы, въ правое отдѣленіе нижняго этажа, которое тотчасъ сжимается и гонитъ кровь черезъ трубочку въ легкія.

— Въ легкія?

— Да, въ легкія. Это печь, въ которой кровь сжигаетъ весь ненужный матеріалъ.

— Развѣ у насъ внутри есть огонь?—удивилась Люба.

— Нѣтъ; но матеріалъ сгораетъ тамъ безъ огня. Когда ты меня въ слѣдующій разъ спросишь, отчего мы дышемъ, я разскажу тебѣ подробнѣе объ этомъ. На сегодня же довольно и того, что ты уже знаешь. Прибавлю ко всему еще слѣдующее: когда густая, темная кровь встрѣтится съ воздухомъ, то сразу очищается и становится снова жидкой и алой. Изъ легкихъ она спѣшитъ въ лѣвое отдѣленіе верхняго этажа сердца, а оттуда черезъ дверцу спускается въ нижній этажъ, въ то самое отдѣленіе, откуда вышла сначала. Но тамъ кровь остается недолго, потому что то отдѣленіе тотчасъ сильно сжимается и посылаетъ ее снова на работу.

— Бѣдная кровь, сколько дверей ей приходится самой отворять и затворять, при которыхъ даже нѣтъ швейцара!

— Кровь отлично обходится безъ швейцара,—замѣтилъ съ улыбкою Сережа.—Всѣ эти дверцы отворяются отъ одного толчка и затворяются сами.

— Теперь я чувствую, какъ оно у меня бьется,— сказала Любочка, приложивъ руку къ сердцу;—и всѣ эти удары происходятъ, должно быть, въ то время, какъ сжимаются отдѣленія сердца?

— Вѣрно, милочка, угадала!—воскликнули въ одинъ голосъ Сережа и дѣдушка.

— Итакъ, Сережа,—сказалъ Николай Степановичъ,— закончи теперь свой разсказъ и изслѣдуй, правильно ли течетъ кровь у Любочки.

— Развѣ онъ можетъ это узнать?—удивилась дѣвочка, глядя на дѣдушку.

Братъ молча взялъ руку своей маленькой сестрицы и, прижавъ у нея пальцемъ артерію, сталъ смотрѣть на свои часы.

— Ты дѣлаешь, какъ докторъ!—замѣтила она ему.

— Да, я щупаю пульсъ.

— Чтобы узнать, правильно ли течетъ у меня кровь?

— Да.

— Но какъ ты это узнаешь?

— Ты только-что сама сказала намъ, что біеніе сердца происходитъ оттого, что оно сжимается.

— Да, я это сказала.

— Ну, такъ каждый разъ, какъ сердце выгоняетъ кровь на работу, она разносится по всему тѣлу по вѣточкамъ, то-есть по артеріямъ, о которыхъ я тебѣ уже говорилъ. У тебя на рукѣ есть также множество такихъ вѣточекъ, и одна изъ нихъ, болѣе крупная, называется лучевой артеріей. Когда я сдавливаю эту артерію, то чувствую подъ пальцемъ толчки крови, которая, встрѣ-

тивъ препятствіе, стремится проникнуть дальше. Оттого они и называются по-латыни «pulsus», т.-е. толчки.

— Какой у нея пульсъ? Сколько ударовъ?—спросилъ дѣдушка.

— Семьдесятъ.

— Ну, такъ наша дѣвочка совсѣмъ здорова!

— Но какъ же вы можете это знать? — спросила изумленная Любочка.

— Очень просто. Доктора убѣдились, что когда у человѣка сердце бьется семьдесятъ разъ въ минуту, то онъ здоровъ. Если же пульсъ бьется быстрѣе или тише, то это указываетъ на какую-нибудь болѣзнь.

— Оттого-то доктора и называютъ пульсъ своимъ компасомъ,—замѣтилъ Николай Степановичъ.—Для нихъ пульсъ такой же вѣрный показатель, какъ для моряковъ компасъ, съ которымъ въ эту минуту, быть можетъ, совѣтуется въ морѣ твой отецъ.

Это напоминаніе не опечалило семью, потому что передъ тѣмъ было получено изъ морского министерства извѣстіе, что судно Бартенева благополучно окончило свое плаваніе.

ГЛАВА IX.

Рождество.

Въ сочельникъ послѣ обѣда Елена Николаевна съ Сережей и дѣдушкой принялись украшать елку для своей любимицы. Все это время Любочка находилась въ своей комнатѣ и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты, когда ее позовутъ.

Наконецъ, въ началѣ девятаго часа, горничная позвала ее въ гостиную, и Любочка стремглавъ бросилась бѣжать туда.

Посреди ярко освѣщенной гостиной стояла богато разукрашенная ёлка, на которой, среди множества свѣчей, висѣли роскошныя бонбоньерки съ конфетами и другія лакомства. Рядомъ стоялъ столъ, весь уставленный многочисленными подарками, изъ которыхъ многіе были присланы Любочкѣ родными и знакомыми.

Сіяя отъ радости, Любочка горячо расцѣловала свою дорогую мамочку, дѣдушку и «большого» брата, а затѣмъ весело принялась разбирать подарки.

Елена Николаевна, дѣдушка и Сережа едва успѣвали отвѣчать ей на ея безчисленные вопросы: «Кто подарилъ это? Изъ чего сдѣлана эта игрушка?» и т. д.

Такъ прошелъ вечеръ.

— Ну, довольно, Любочка, – сказала, наконецъ, Елена Николаевна, вставая.—Теперь пойдемъ чай пить, а потомъ ложись спать. Завтра утромъ Лиза принесетъ къ тебѣ въ комнату всѣ твои подарки.

Любочка съ сожалѣніемъ разсталась съ своими игрушками и, напившись чаю, отправилась въ свою комнату.

На другое утро она первымъ долгомъ поспѣшила поздравить съ праздникомъ свою дорогую мамочку, дѣдушку и «большого» брата, а затѣмъ, послѣ завтрака, снова побѣжала въ свою комнату любоваться полученными подарками, въ числѣ которыхъ находились роскошныя книги съ рисунками, разныя рѣдкія игрушки, коробки съ конфетами, ящички, говорящія подвижныя куклы въ роскошныхъ туалетахъ и т. д.

Любочка была вполнѣ счастлива, и до того увлеклась своими игрушками, что очень неохотно разсталась съ ними, когда наступилъ часъ обѣда.

Послѣ обѣда она снова вернулась въ свою комнату.

— Я думаю, Лиза,—замѣтила она вошедшей горничной,—что сегодня всѣ маленькія дѣвочки очень счастливы, не такъ ли?

Лиза молчала, не желая разочаровывать свою милую барышню.

— Отчего же ты не отвѣчаешь, Лиза?.. Развѣ не всѣ маленькія дѣвочки сегодня счастливы?

— О, нѣтъ, барышня, не всѣ!—отвѣтила горничная.

— Что ты говоришь! Неужели есть такія дѣвочки, которыя не рады подаркамъ?

— Нѣтъ, барышня. Но есть очень много такихъ, которыя вовсе не получили подарковъ.

Любочка выронила изъ рукъ книгу и съ изумленіемъ взглянула на горничную.

— Что ты сказала? Есть много такихъ дѣвочекъ, которыя вчера не получили никакихъ подарковъ, хотя бы весь годъ вели себя хорошо?

— Да, барышня.

— Отчего же это?

— Оттого, что родители ихъ бѣдны.

— Ахъ!.. Я совсѣмъ забыла, что есть бѣдныя дѣвочки,—пробормотала Любочка, и глядя на свои сокровища, она глубоко задумалась.

— Не знаешь ли ты, Лиза,—спросила она, наконецъ,—такихъ бѣдныхъ дѣвочекъ?

— Знаю, барышня,—отвѣтила горничная.

Наступило снова молчаніе. Какъ бы прощаясь съ своими подарками, Любочка бросила на нихъ долгій взглядъ, и затѣмъ сказала горничной, указывая на игрушки:

— Возьми все это и отнеси имъ!

Это внезапное рѣшеніе озадачило горничную: ей не вѣрилось, чтобы ея маленькая госпожа рѣшилась разстаться со всѣми своими сокровищами.

— Развѣ ты не поняла меня?—спросила Любочка.

— Что вы, барышня, неужели вы хотите...

Любочка утвердительно кивнула головой.

— Но что скажетъ барыня?—рѣшилась спросить горничная.

— О, мама скажетъ, что я сдѣлала хорошо. Возьми и отдай все это бѣднымъ дѣвочкамъ. Ну, торопись же, Лиза.

Горничная вышла подъ предлогомъ, что идетъ за корзинками для игрушекъ, но на самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобы предупредить свою госпожу.

Госпожа Бартенева выслушала ее внимательно, а затѣмъ спросила:

— Вы хорошо знаете тѣхъ дѣтей, о которыхъ говорите?

— Да, сударыня, это все дочери бѣдныхъ мастеровыхъ.

— Такъ исполните желаніе барышни и доложите мнѣ потомъ обо всемъ.

Лиза весело вернулась къ своей маленькой госпожѣ, которая принялась сама заботливо укладывать игрушки въ корзины. Изъ всѣхъ подарковъ она оставила себѣ только книги.

Признаться, она не безъ сожалѣнія разсталась съ нѣкоторыми подарками, которые доставили ей особенную радость; но когда все было уложено, и Лиза, схвативъ полныя корзины, воскликнула: «Ахъ, барышня, какъ онѣ будутъ счастливы! Какъ онѣ будутъ вамъ благодарны!» Любочка уже не жалѣла о своемъ великодушіи и весело отвѣтила ей:

— А ты думаешь, я менѣе довольна?

И дѣйствительно, въ эту минуту Люба была вполнѣ счастлива.

Когда горничная вышла, она подошла къ окну взглянуть, какъ та выйдетъ на улицу, а затѣмъ отправилась къ матери разсказать, что́ она сдѣлала съ своими подарками.

Елена Николаевна была очень тронута добрымъ поступкомъ дочери и горячо обняла ее.

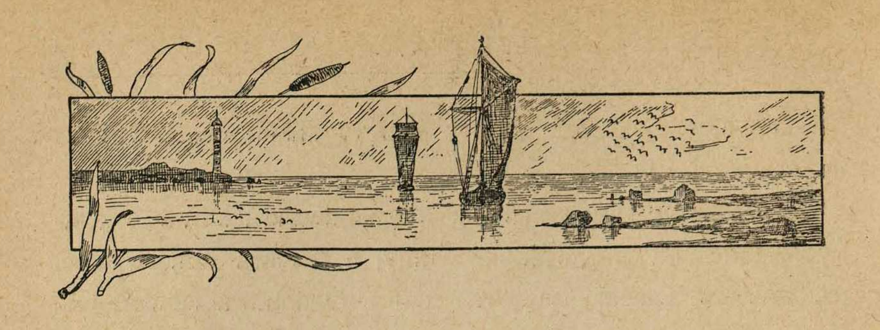
— Ты поступила хорошо, дитя мое!—сказала она.

При этихъ словахъ Любочка улыбнулась съ такимъ видомъ, который какъ бы говорилъ: «я такъ и знала, что мама будетъ довольна».

Черезъ часъ вернулась Лиза и поспѣшила описать Любочкѣ счастье бѣдныхъ дѣвочекъ, которыя не находили словъ, какъ благодарить добрую барышню. Затѣмъ Лиза отправилась къ своей госпожѣ. Елена Николаевна приказала ей притворить дверь и, выслушавъ ее, поручила ей сдѣлать какія-то закупки.

Когда дѣдушка и Сережа узнали, какъ ихъ любимица поступила съ своими подарками, то такъ горячо обласкали ее, что Люба невольно пожалѣла, что у нея не было больше подарковъ для раздачи.

ГЛАВА X.

Сюрпризъ.

На второй день праздника къ тремъ часамъ къ Бартеневымъ собрались гости. Одною изъ первыхъ прибыла съ матерью хорошенькая дѣвочка лѣтъ семи, съ длинными каштановыми волосами и густыми черными рѣсницами, изъ-подъ которыхъ смотрѣли большіе голубые глаза, казавшіеся всегда усталыми и сонными. То была Соня Райская, вялая, болѣзненная дѣвочка, засыпавшая даже въ гостяхъ, отчего подруги и прозвали ее въ шутку сонной царевной.

Она вошла въ комнату Любочки и, лѣниво опустившись въ кресло, какъ бы нехотя выговорила:

— Покажи мнѣ твои подарки!

Люба молча указала на лежавшія на столѣ книги.

— Только-то!..—протянула Соня.—И больше ничего?.. Мнѣ же подарили много... много...—и не договоривъ, она устало зѣвнула.

Это замѣчаніе встревожило Любочку. Она предвидѣла, что всѣ ея подруги, которыхъ она въ этотъ день ожидала, зададутъ ей тотъ же вопросъ.

Признаться имъ, куда она дѣвала свои подарки, ей не хотѣлось, а сказать, что она ничего больше не получила, не позволяло самолюбіе.

Сонной царевны она не опасалась болѣе, потому что та уже засыпала въ креслѣ; но что̀ отвѣтить другимъ?

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала черноглазая бойкая дѣвочка и пытливо осмотрѣлась.

Любочка чувствовала, что теперь ей не такъ легко будетъ уклониться отъ отвѣта.

И дѣйствительно, Маня Соловьева была очень рѣзвая, смѣлая дѣвочка; она болтала безъ умолку и своею живостью походила на школьника.

Осмотрѣвъ комнату, она подошла къ Любочкѣ.

— Гдѣ же твои подарки? — спросила она.

Любочка указала на книги.

— Только-то!... Не можетъ быть!... Ты вѣрно спрятала все и не хочешь намъ показать?

Любочка смутилась, не зная, что̀ отвѣтить. Ей казалось, что сдѣланное ею доброе дѣло потеряетъ всю свою цѣну, если она разскажетъ о немъ другимъ.

Не получивъ отвѣта, Маня подбѣжала къ сонной царевнѣ и принялась тормошить ее.

— Что̀?.. что̀ случилось? — спросила та, просыпаясь.

— Ты видѣла Любины подарки?

Вмѣсто отвѣта, сонная царевна лѣниво указала на столъ съ книгами.

— Тамъ только книги! А гдѣ же игрушки, подарки, конфеты? — И это все, что ты получила къ Рождеству? — спросила она, глядя съ удивленіемъ на Любочку.

Въ это время за дверьми послышались веселые голоса, и въ комнату вбѣжали еще нѣсколько дѣвочекъ. Онѣ также окружили Любочку и засыпали ее вопросами.

Не получая отвѣта, онѣ осмотрѣлись и затѣмъ обступили сонную царевну, которая уже успѣла снова заснуть въ креслѣ. Не добившись и отъ нея отвѣта, онѣ окружили Маню.

Не желая огорчить Любочку, Маня отвела одну изъ дѣвочекъ въ сторону и что-то шепнула ей, а минуту спустя, этотъ секретъ узнали всѣ другія, и со всѣхъ сторонъ послышались восклицанія участія и сожалѣнія.

Наконецъ одна изъ дѣвочекъ подошла къ Любочкѣ, разставлявшей для виду свои книги на столѣ, и спросила ее:

— Правда ли, Люба, что ты не получила подарковъ?

Эти вопросы до того взволновали Любу, что она почти сквозь слезы крикнула въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! получила!

— Такъ куда ты ихъ дѣвала?

Въ это время вошла Елена Николаевна, бывшая уже нѣсколько минутъ свидѣтельницей затруднительнаго положенія дочери.

— Это вы сейчасъ узнаете, дѣти,—сказала она.— Идите за мною.

Всѣ дѣвочки съ любопытствомъ послѣдовали въ гостиную, вмѣстѣ съ Любочкой, которая съ недоумѣніемъ посматривала на свою маму.

Но вотъ Елена Николаевна сдѣлала Лизѣ знакъ, и та поспѣшила отворить дверь въ переднюю, откуда, къ

«Развѣ ты не получила подарковъ?» спросили дѣвочки (стр. 56).

удивленію всѣхъ, вошли десять скромно, но опрятно одѣтыхъ дѣвочекъ. Впереди всѣхъ шла самая старшая, съ красивымъ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ.

— Мы пришли благодарить васъ, барышня, за ваши подарки,—сказала она въ смущеніи,—они доставили намъ такую радость... такую радость...

Говоря это, дѣвочка окончательно смутилась, забывъ, что сказать дальше, но стоявшія позади нея подруги стали подталкивать ее, и она продолжала:

— Наши родители сообща купили этотъ букетъ, чтобы мы могли поднести его вамъ... Мы будемъ вдвойнѣ счастливы, если вы примете его, какъ скромный знакъ нашей благодарности.

— Да, да, пожалуйста, примите его!—раздались наперерывъ голоса остальныхъ дѣвочекъ.

Любочка была до слезъ тронута этимъ подаркомъ и въ смущеніи не знала, что дѣлать.

— Ну, прими же букетъ, милочка,—сказала ей наконецъ Елена Николаевна, съ любовью глядя на свою дорогую дочь.

Любочка подошла къ дѣвочкѣ и, принявъ букетъ, обняла ее, послѣ чего всѣ другія также обступили и обняли ее съ такою искренней, шумной радостью, что Любины подруги пожалѣли въ душѣ, что не поступили такъ же съ своими подарками.

Маленькая Соня тотчасъ подошла къ своей матери.

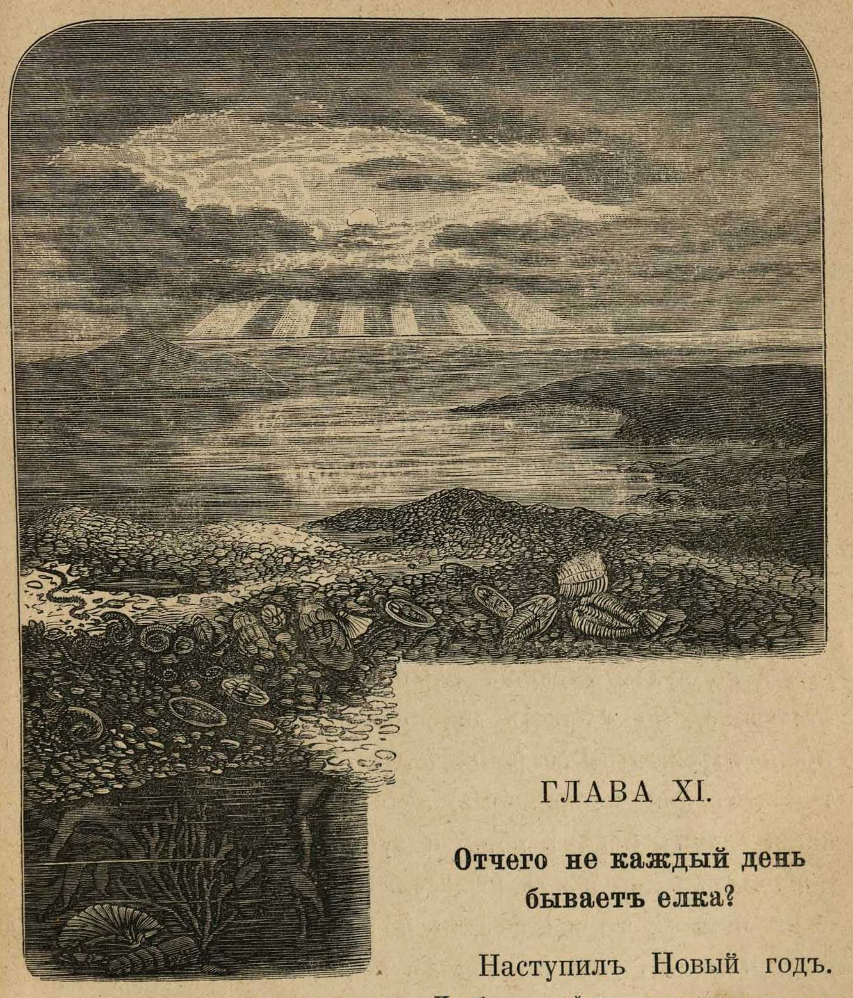
— Позволь мнѣ, мама, тоже отдать мои подарки бѣднымъ дѣвочкамъ?—тихо спросила она.

Госпожа Райская охотно согласилась.

Всѣ другія Любины подруги также послѣдовали примѣру Сони и получили позволеніе распорядиться своими подарками по своему усмотрѣнію.

Когда Елена Николаевна узнала отъ горничной, что дѣвочки хотятъ благодарить добрую барышню за богатые подарки, то собрала ихъ всѣхъ у себя, и чтобы еще болѣе обрадовать бѣдныхъ дѣтей, заказала каждой изъ нихъ по новому платью. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы великодушный поступокъ дочери послужилъ примѣромъ для ея подругъ, она сообщила о немъ своимъ гостямъ и съ ихъ одобренія созвала бѣдныхъ дѣтей.

Подали ужинъ, и Люба пригласила въ столовую также своихъ новыхъ подругъ. Сначала онѣ стѣснялись, но Маня скоро заразила всѣхъ своею живостью и веселымъ смѣхомъ, и вечеръ прошелъ такъ шумно и весело, что всѣ Любины подруги потомъ долго вспоминали о немъ.

ГЛАВА XI.

Отчего не каждый день бываетъ елка?

Наступилъ Новый годъ. Люба сидѣла задумчиво въ гостиной и вспоминала о елкѣ, которая доставила ей столько радостей.

— Отчего не каждый день бываетъ елка?—пробормотала она съ сожалѣніемъ.

Люба сказала это громче, чѣмъ хотѣла, не думая, что кто-нибудь услышитъ ее.

— Что ты спрашиваешь?—спросилъ, улыбнувшись, Николай Степановичъ, читавшій газету.

— Нѣтъ, нѣтъ... ничего... дѣдушка,—отвѣтила Люба, краснѣя.—Я сказала глупость. Елка не можетъ быть каждый день, оттого что... оттого что...

И къ своему изумленію, Люба не знала, что сказать дальше.

— Ну, говори, отчего же?

— Оттого, что... нѣтъ, я не знаю, дѣдушка. Разскажи мнѣ, отчего устраиваютъ елку?

— Ты задала мнѣ очень трудный вопросъ, дѣточка. Насколько я знаю, этотъ обычай остался со временъ язычества. Въ то время многіе народы вѣрили, что растенія—живыя существа и что въ каждомъ изъ нихъ обитаетъ духъ, имѣющій вліяніе на судьбу людей. Это вѣрованіе, по словамъ пророковъ, заставляло евреевъ приносить жертвы въ рощахъ и дубравахъ, подъ дубомъ, тополемъ или теривинѳомъ; греко-римляне также посвящали своимъ богамъ рощи и дубравы; древніе германцы поклонялись деревьямъ, зажигали на нихъ свѣчи и приносили жертвы; то же дѣлали и южные славяне, у которыхъ и теперь еще въ обычаѣ вырубать рождественское полѣно «баднякъ»; такъ же поступали и вотяки, которые молились передъ елкой и разставляли вокругъ нея свѣчи. У насъ въ предмѣстьяхъ Кіева уже четыре столѣтія существуетъ обычай украшать елку и развѣшивать на ней разныя лакомства, а потомъ зажигать свѣчи и плясать вокругъ нея. Изъ этого ты видишь, что обычай украшать елку и зажигать на ней свѣчи очень древній.

— Но отчего устраиваютъ елку въ Рождество?

— Этого я тебѣ не могу сказать точно; но въ средневѣковыхъ сказаніяхъ часто говорится о чудесномъ крестномъ деревѣ, символѣ христіанства, и, вѣроятно, отъ этого символа и языческаго обычая поклоняться деревьямъ и возникъ обычай устраивать рождественскую елку.

— А давно ли у насъ, дѣдушка, стали устраивать елку?

— Сравнительно очень недавно, только въ началѣ этого столѣтія. Сначала этотъ обычай ввели у насъ нѣмцы, а мы мало-по-малу перенимали его, и только въ 1852 г. у насъ въ первый разъ была устроена публично елка въ Петербургѣ въ Екатерингофскомъ вокзалѣ.

Люба слушала внимательно.

— А отчего всѣ народы справляютъ Новый годъ 1-го января, а не въ какой-нибудь другой день и мѣсяцъ?—спросила она.

— Чтобы объяснить тебѣ это, я долженъ буду говорить объ астрономіи. Знаешь ли ты, дѣточка, что такое астрономія?

— Это, должно быть, наука о звѣздахъ?

— Да. А что такое звѣзды?

— Звѣзды... звѣзды... это...

— Звѣздами называются всѣ тѣла, разсѣянныя по небу, какъ, напр., солнце, кометы, планеты и другія небесныя свѣтила.

— Ты забылъ насъ, дѣдушка.

— Кого?

— Нашу землю.

— А! Вамъ угодно давать мнѣ уроки, сударыня? Ну, такъ какъ вы больше меня знаете, то мнѣ нечего учить васъ.

И старикъ сдѣлалъ видъ, что собирается уйти.

Сначала Любѣ показалось, что ея добрый дѣдушка обидѣлся, но замѣтивъ, что ея мать и братъ переглядываются съ улыбкой, она весело подбѣжала къ старику.

— Прости, дѣдушка, я больше не буду,—сказала она.—Но скажи мнѣ, отчего ты не назвалъ нашу землю?

— Я назвалъ ее тоже.

Люба вопросительно взглянула на него.

— Развѣ я не говорилъ о планетахъ?

— Да, говорилъ.

— Ну, такъ какъ земля наша планета, то ты поймешь теперь, что я говорилъ также о ней, не назвавъ ее.

— Правда, дѣдушка. Но что такое планета?

— Планетами называются твердыя звѣзды, которыя вертятся вокругъ солнца, напр., такія, какъ наша земля. Названіе ихъ происходитъ отъ греческаго слова: блуждать.

— Неужели наше доброе солнышко грѣетъ и освѣщаетъ также и другія планеты? А я думала, что оно служитъ только нашей землѣ!—воскликнула Люба, и въ голосѣ ея послышалось разочарованіе.

— Нѣтъ, вокругъ нашего солнца вращаются еще семь большихъ планетъ и больше четырехъ сотъ маленькихъ, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, суть осколки какой-нибудь разорвавшейся планеты.

— Что ты говоришь, дѣдушка! Если планеты разрываются, то вѣдь и наша земля...

— Та планета была, вѣроятно, плохого качества, но земля и другія планеты, должно быть, просуществуютъ еще долго.

— Но зато наша земля навѣрное самая красивая и самая большая изъ всѣхъ! Не правда ли, дѣдушка?

— Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣтилъ Николай Степановичъ, и обращаясь къ Еленѣ Николаевнѣ и Сережѣ, продолжалъ съ улыбкой:—Вотъ посмотрите, куда завелъ Любу эгоизмъ! Она не только жалѣетъ, что солнце свѣтитъ не одной землѣ, но хочетъ, чтобы земля была лучше и краше другихъ міровъ. Это несправедливо, Любочка.

— Но какіе же эти другіе міры? Какъ они устроены? — спросила Люба, нѣсколько сконфуженная замѣчаніемъ дѣдушки.

— Ты слишкомъ много хочешь знать. Я могу тебѣ сказать только, что двѣ планеты, Меркурій и Венера, ближе къ солнцу, чѣмъ Земля. Меркурій меньше Земли, а Венера почти такъ же велика, какъ Земля. Другія пять планетъ: Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Уранъ и Нептунъ находятся дальше насъ отъ солнца, при чемъ Марсъ меньше Земли.

— Ну, вотъ видишь, дѣдушка! Значитъ наша земля больше другихъ планетъ.

— Подожди немного и увидишь, какъ ты сильно ошибаешься: Юпитеръ въ 1300 разъ больше нашей Земли, Сатурнъ—въ 735 разъ; Уранъ въ 82 раза, а Нептунъ въ 110 разъ!

— Неужели?—удивилась Люба.—Но далеко ли солнце отъ земли?

— 140 милліоновъ верстъ.

— Ахъ, какъ далеко!—воскликнула Люба, пораженная этой громадной цифрой.

— Совсѣмъ не такъ далеко. Нептунъ находится дальше всѣхъ, въ 4170 милл. верстъ отъ солнца.

— А Меркурій?—спросила Люба, вспомнивъ, что эта планета ближе всѣхъ къ солнцу.

— Меркурій? О немъ не стоитъ и говорить: отъ него до солнца всего 53 милліона верстъ.

— Это правда, немного въ сравненіи съ другими планетами,—замѣтила Люба.

— И такъ, помни, дѣточка, что царство нашего солнца состоитъ изъ восьми планетъ, начиная съ Меркурія и кончая Нептуномъ.

— Но отчего ты, дѣдушка, все говоришь «наше солнце»? Развѣ есть другія солнца, кромѣ нашего?

— Конечно.

— Гдѣ же они?

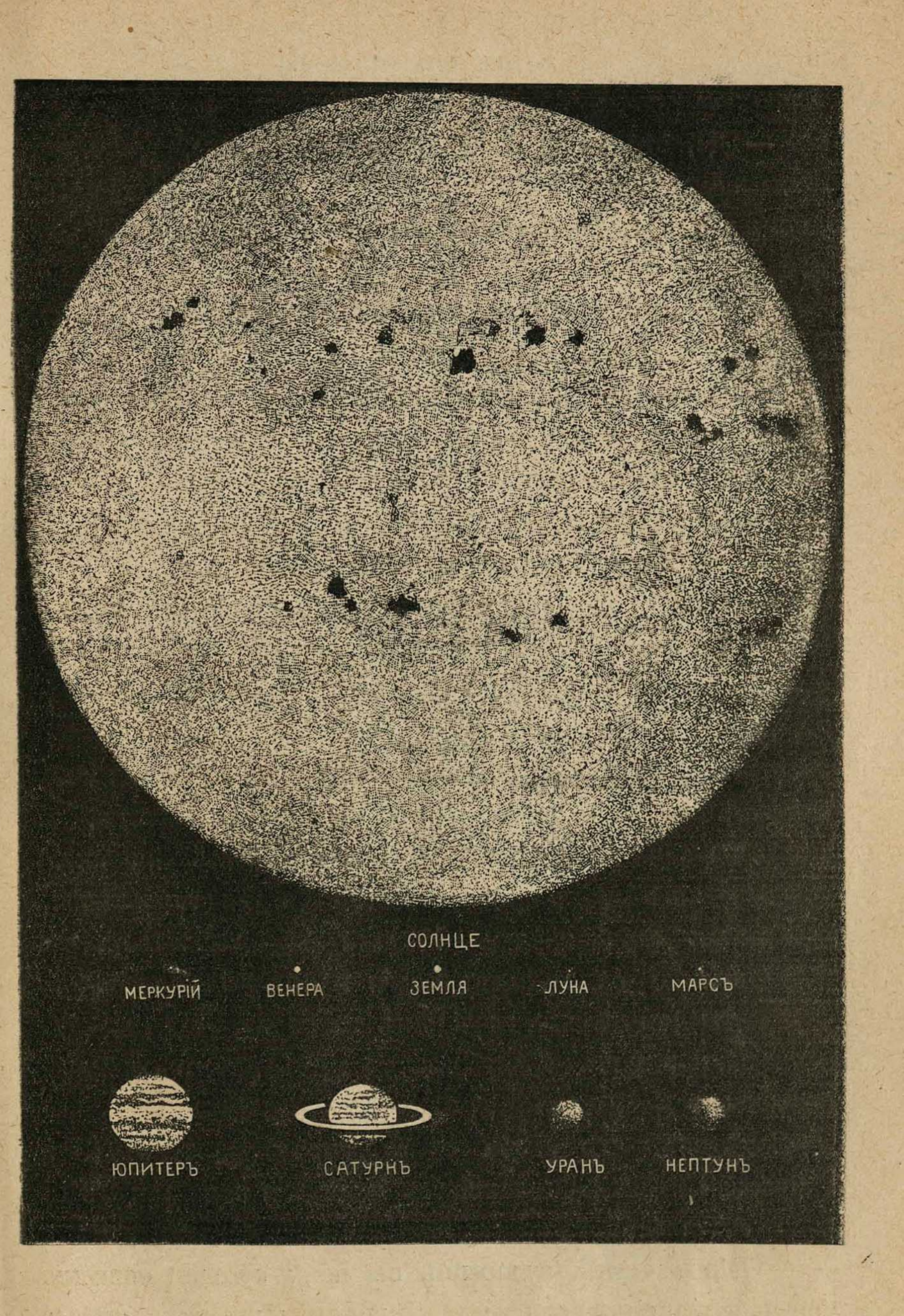
Николай Степановичъ укуталъ свою дорогую внучку въ шаль, отворилъ окно и, указавъ на безоблачное небо, усѣянное безчисленными звѣздами, сказалъ:

— Взгляни на небо; что ты тамъ видишь?

— Звѣзды.

— Да, но то, что ты называешь звѣздами, это солнца.

— Солнца!—удивилась Люба.—Такія же, какъ наше? Солнца, у которыхъ тоже есть планеты?

СОЛНЦЕ
МЕРКУРІЙ
ВЕНЕРА
ЗЕМЛЯ
ЛУНА
МАРСЪ
ЮПИТЕРЪ
САТУРНЪ
УРАНЪ
НЕПТУНЪ

— Да, это такія же солнца, какъ наше, и всѣ они тоже освѣщаютъ многія планеты; но эти солнца находятся такъ далеко отъ насъ, что мы не можемъ видѣть самыхъ планетъ.

— Отчего же нельзя видѣть тѣхъ планетъ, если видны ихъ солнца?

— Оттого, что планеты не свѣтятся, а только отражаютъ свѣтъ своего солнца, и этотъ отраженный свѣтъ слишкомъ слабъ, чтобы мы могли его видѣть.

Люба задумалась на минуту и затѣмъ снова обратилась къ своему дѣдушкѣ съ вопросомъ:

— Откуда же происходитъ свѣтъ нашего солнца?

— Конечно, отъ самого солнца; можешь быть увѣрена, что оно никому не обязано своимъ свѣтомъ. Солнце—это огромный раскаленный шаръ, ужасающая температура котораго доходитъ къ намъ въ видѣ прекрасныхъ лучей, полныхъ свѣта и тепла. Когда солнце охладѣетъ, то жизнь на землѣ исчезнетъ. Но эта опасность еще очень далека,—поспѣшилъ прибавить старикъ, увидавъ испуганное личико своей внучки.—Ученые люди высчитали, что наше солнце охладѣваетъ всего на одинъ градусъ въ четыре тысячи лѣтъ, а такъ какъ температура его имѣетъ нѣсколько тысячъ градусовъ, то намъ нечего особенно безпокоиться.

Замѣтивъ, что Люба снова готовится задать ему вопросъ, Николай Степановичъ поднялся и, взглянувъ на часы, сказалъ:

— Пора спать, сударыня, вы меня сегодня совсѣмъ замучили вашими вопросами. Видите, куда насъ завелъ

вашъ вопросъ: «отчего справляютъ елку и Новый годъ?» И все-таки я не успѣлъ еще объяснить вамъ этого. Разскажу вамъ завтра, если вы мнѣ напомните.

— О, дѣдушка, я не забуду напомнить! Будь увѣренъ! —воскликнула Люба.

И расцѣловавъ всѣхъ, она пожелала имъ покойной ночи и отправилась въ свою комнату.

ГЛАВА XII.

Земля и яблоко, солнце и лампа.

На другой день въ сумерки Люба принесла въ гостиную свои книги и тетради и принялась при лампѣ готовить уроки. Передъ каминомъ сидѣлъ дѣдушка и дремалъ съ газетой на колѣняхъ.

Въ теченіе часа ничто не нарушало царившей въ гостиной тишины. Наконецъ, Николай Степановичъ очнулся и увидалъ свою внучку за уроками.

Замѣтивъ, что дѣдушка не спитъ, Люба положила перо и сложила свои книги и тетради.

— Ну, на сегодня довольно. Я вѣдь утромъ тоже занималась,—сказала она.—Ахъ, какъ пить хочется! Не съѣсть ли мнѣ апельсинъ, дѣдушка?—спросила она, замѣтивъ на столикѣ вазу съ яблоками и апельсинами.

— Скушай, дѣточка.

Люба взяла апельсинъ и принялась чистить его.

Видъ этихъ фруктовъ внушилъ Николаю Степановичу хорошую мысль. Онъ подошелъ къ столу, взялъ яблоко и, проткнувъ въ него тонкій карандашъ Любы, поднесъ къ лампѣ, покрытой шарообразнымъ колпакомъ, а затѣмъ молча сталъ вертѣть карандашъ съ яблокомъ влѣво.

Люба смотрѣла съ недоумѣніемъ на своего дѣдушку. «Что́ это дѣдушка дѣлаетъ?» спрашивала она себя, ожидая, что онъ, наконецъ, заговоритъ.

Но Николай Степановичъ продолжалъ вертѣть яблоко передъ лампой, ожидая, въ свою очередь, что, наконецъ, его маленькая внучка произнесетъ свое обычное «отчего?»

— Что́ ты дѣлаешь, дѣдушка? — спросила она наконецъ.

Но Николай Степановичъ притворился, что не слышитъ этого вопроса и, продолжая вертѣть яблоко передъ лампой, медленно обходилъ столъ, пока не вернулся на прежнее мѣсто.

— Что́ же ты дѣлаешь, дѣдушка? — воскликнула Люба, слѣдившая съ величайшимъ любопытствомъ за всѣми его движеніями.

— Во-первыхъ, я изображаю день и ночь,—отвѣтилъ онъ.

Этотъ отвѣтъ еще болѣе смутилъ Любу.

— А во-вторыхъ?—спросила она, надѣясь, что послѣдуетъ разъясненіе этой загадки.

— А во-вторыхъ, я изображаю зиму, весну, лѣто и осень.

— Что́ ты говоришь, дѣдушка? Я тебя совсѣмъ не понимаю!—воскликнула печально Люба.

Эти слова убѣдили Николая Степановича, что онъ уже достаточно возбудилъ любопытство своей внучки.

— Я уже разсказывалъ тебѣ о землѣ и солнцѣ,— началъ онъ:—и ты уже знаешь, что земля вертится вокругъ него. Но развѣ тебѣ не любопытно узнать также, какъ она совершаетъ это путешествіе?

— О, да, конечно, дѣдушка! Разскажи, пожалуйста!

— Ну, такъ слушай, дѣточка. Представь себѣ, что этотъ ламповый шаръ солнце, а яблоко—земля. Смотри, вотъ я держу теперь передъ шаромъ яблоко. Чтó ты видишь на немъ?

Люба посмотрѣла на яблоко, но не замѣтила на немъ ничего особеннаго.

— Ничего не вижу, дѣдушка,—отвѣтила она.

— Какъ ничего! Развѣ ты не видишь, что одна сторона яблока освѣщена, а другая нѣтъ?

— Да, да, вижу, дѣдушка! Значитъ тамъ ночь.

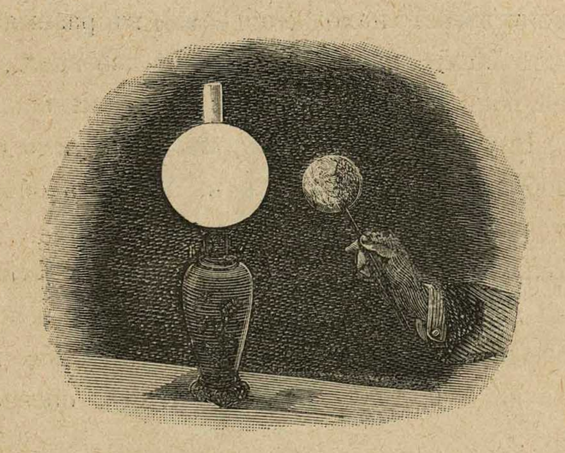
— Вотъ такого отвѣта я и ждалъ отъ тебя. Глядя на яблоко и на этотъ ламповый шаръ, изображающіе землю и солнце, ты видишь, что передняя половина освѣщена, а задняя находится въ темнотѣ. Иначе говоря, на этой половинѣ день, а на другой ночь. Но еслибы эта половина земли всегда находилась противъ солнца, то на другой половинѣ царила бы вѣчная ночь и вѣчный холодъ, среди котораго не могли бы существовать ни люди, ни звѣри, ни растенія.

— И та половина была бы совсѣмъ безполезна,—замѣтила Люба.

— Совершенно вѣрно, дѣточка! Но вѣдь это была бы

такая же несообразность, какъ еслибы только одна половина яблока была хорошей, а другая никуда негодной. Поэтому-то земля и не остается въ одномъ положенiи, а постоянно вращается вокругъ своей оси.

Говоря это, Николай Степановичъ сталъ снова вертѣть яблоко передъ лампой, и Люба увидала, что по мѣрѣ того, какъ освѣщенная половина скрывалась въ тѣни, другая, бывшая передъ тѣмъ темной, выступала на свѣтъ.

— Видишь, дѣточка, — сказалъ онъ, — теперь день на той половинѣ, гдѣ была ночь, и ночь тамъ, гдѣ былъ день!

— Вижу, дѣдушка; но теперь покажи мнѣ зиму, весну, лѣто и осень.

— Это не такъ легко, но я все-таки попытаюсь... Итакъ, наша земля не только вертится вокругъ себя, но въ то же время движется и вокругъ солнца. Отъ этого происходятъ времена года.

— Какъ же это дѣлается?

— Это дѣлается приблизительно такъ, — отвѣтилъ

старикъ, обводя яблоко вокругъ лампы;—но для большей наглядности я сдѣлаю тебѣ рисунокъ.

Бумага, перья и карандаши были у Любы подъ рукою. Николай Степановичъ прикрѣпилъ листъ бумаги двумя кнопками, привязалъ къ одной изъ нихъ ниткой карандашъ и начертилъ овальный кругъ, называемый эллипсомъ, изображавшій путь земли въ пространствѣ. На линіи этого круга онъ нарисовалъ двѣнадцать кружковъ, изображавшихъ мѣсто нахожденія земли въ разныя времена года, а подъ ними написалъ: январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь, октябрь, ноябрь, и декабрь. Внутри же эллипса онъ начертилъ большой кругъ, изображавшій солнце, а на кругахъ обозначилъ черными точками мѣсто сѣвернаго полюса.

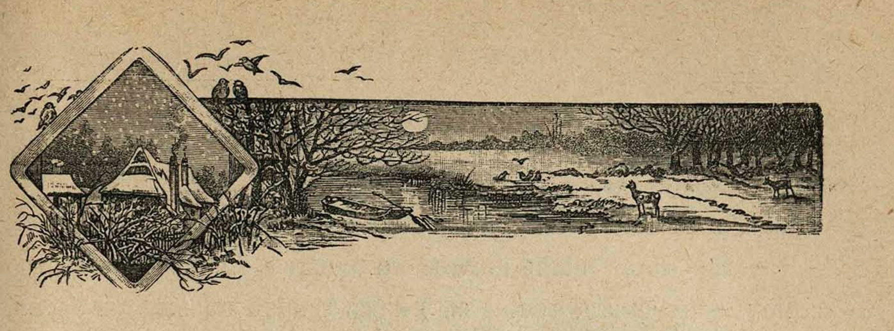
Въ заключеніе онъ начертилъ на всѣхъ двѣнадцати кругахъ по маленькому квадратику, которые изображали мѣстонахожденіе Одессы въ разныя времена года, и сдѣлалъ на яблокѣ такой же квадратикъ, обозначавшій тоже Одессу.

Люба все время съ любопытствомъ слѣдила за всѣми движеніями своего дѣдушки.

— Скоро ли ты кончишь, дѣдушка?—спросила она наконецъ, сгорая отъ нетерпѣнія.

— Сейчасъ, моя дорогая. Слушай же внимательно, и я объясню тебѣ какъ на землѣ, во время пути ея вокругъ солнца, происходитъ зима, весна, лѣто и осень.

— Я слушаю, дѣдушка, и не пропущу ни одного слова!—воскликнула Люба.

ГЛАВА XIII.

Весна, лѣто, осень и зима.

Въ этомъ восклицанiи послышалось столько любопытства и нетерпѣнiя, что Николай Степановичъ невольно улыбнулся.

— Видишь,—началъ онъ, указывая на рисунокъ,—подъ этимъ кружкомъ я написалъ *зима*.

— Развѣ земля оттуда отправляется въ путь?—спросила Люба.

— Нѣтъ, она движется вѣчно по одному и тому же пути. У ней нѣтъ вокзала для отхода и прихода. Но людямъ необходимо было распредѣлить времена года, т.-е. составить календарь, и потому они рѣшили называть *годомъ* то время, въ которое земля совершаетъ свой путь вокругъ солнца, а началомъ года считать тотъ день, когда она находится ближе всего къ солнцу. Взгляни на этотъ рисунокъ. Видишь, какой неправильный кругъ земля

описываетъ вокругъ солнца; такой кругъ называется эллипсомъ.

Люба посмотрѣла внимательно на рисунокъ.

— Но если земля зимою находится ближе всего къ солнцу,—замѣтила она,—то у насъ теперь должно бы было быть жарче, чѣмъ лѣтомъ.

— Твое замѣчаніе совершенно правильно; я вижу, что ты слушаешь меня внимательно. Теперь слѣди за маленькимъ квадратикомъ, который я нарисовалъ на землѣ, а также и за яблокомъ. Этотъ квадратикъ показываетъ мѣсто, гдѣ находится Одесса. Какъ я уже говорилъ тебѣ, земля зимою находится ближе къ солнцу, чѣмъ лѣтомъ. Это несомнѣнно, и передъ тѣмъ ты сама удивилась, отчего у насъ холоднѣе въ то время, когда мы находимся ближе всего къ огню, и теплѣе, когда мы дальше отъ него.

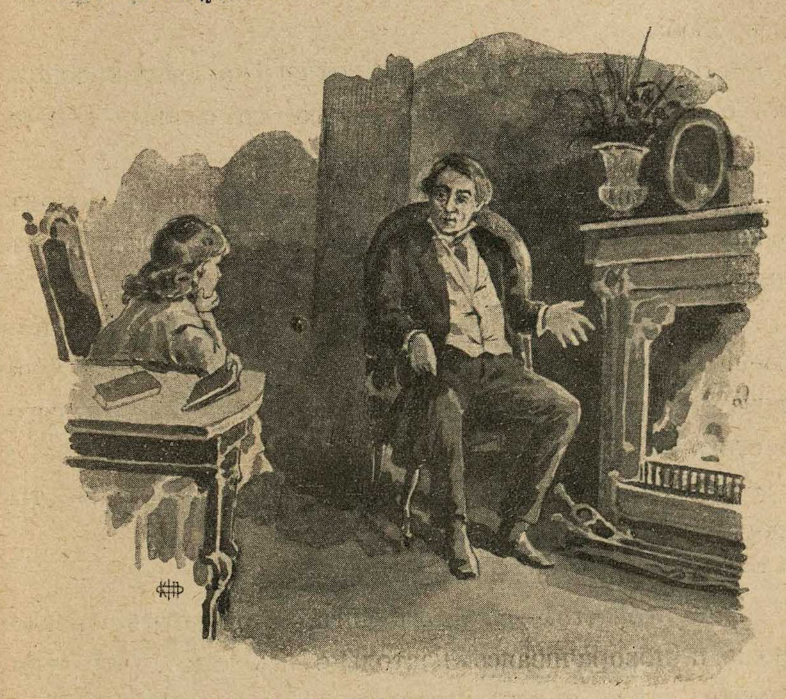
— Правда, дѣдушка, это меня очень удивляетъ!

— Но ты обрати вниманіе на положеніе, занимаемое на землѣ въ это время нашимъ городомъ и окружающей его мѣстностью, и тогда ты увидишь, что хотя нашъ городъ въ это время и ближе всего къ солнцу, но стоитъ не лицомъ къ нему, а бокомъ и потому солнечные лучи не прямо падаютъ на него, а только скользятъ вкось по немъ, едва согрѣвая его, и то только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Вотъ почему у насъ въ это время дни такъ коротки, а ночи долгія.

И чтобы пояснить внучкѣ рисунокъ, дѣдушка поднесъ яблоко къ лампѣ въ томъ положеніи, въ какомъ изображалась земля на рисункѣ.

Глядя на маленькій черный четырехугольникъ, изо-

бражавшій Одессу, Люба видѣла, что свѣтъ лампы едва задѣваетъ его, но тѣмъ не менѣе не поняла, почему теперь на землѣ такъ холодно, хотя она находится ближе всего къ солнцу.

— Какъ же мнѣ объяснить тебѣ это!—воскликнулъ разочарованный дѣдушка, замѣтивъ на лицѣ внучки недоумѣвающее выраженіе.

Онъ осмотрѣлся. Въ каминѣ трещало яркое пламя, а передъ нимъ стояло кресло, въ которомъ онъ передъ тѣмъ отдыхалъ.

У Николая Степановича мелькнула счастливая мысль.

— Нашелъ!—воскликнулъ онъ, улыбнувшись.

Люба взглянула вопросительно на своего дѣдушку; но тотъ подошелъ къ креслу и спокойно расположился въ немъ.

— Что же ты ушелъ, дѣдушка?—спросила, удивившись, Люба.

— Я сейчасъ объясню тебѣ, отчего на землѣ холодно, хотя она и находится ближе всего къ солнцу. Теперь ты поймешь меня.

И Николай Степановичъ повернулся лѣвымъ бокомъ къ камину настолько, что теплота отъ огня только вкось скользила по его платью.

— Видишь, дѣточка,—сказалъ онъ:—въ такомъ положеніи я могу сидѣть тутъ долго и почти не чувствовать тепла, а между тѣмъ, я теперь ближе всего къ огню.

— Понимаю, — замѣтила нерѣшительно Люба: — ты изображаешь теперь зиму!

— Угадала! Я изображаю зиму.

— А это что́?—спросилъ онъ, отодвинувъ кресло дальше и поворачиваясь настолько къ огню, что три четверти свѣта и тепла падали на него.—Вотъ такъ мнѣ и теплѣе,—сказалъ онъ, глядя на Любу.

— Поняла, поняла, это весна!—воскликнула Люба.

— Да, это весна!—отвѣтилъ Николай Степановичъ и, отодвинувъ еще дальше кресло, онъ сѣлъ совсѣмъ противъ камина, лицомъ къ огню.—О, какъ тутъ жарко!—замѣтилъ онъ.

— Это лѣто!—воскликнула Люба.

— Вѣрно, дѣточка!—сказалъ Николай Степановичъ:—

я радъ, что мнѣ удалось наглядно показать тебѣ это, и теперь ты понимаешь, почему бываетъ жарко, хотя находишься далеко отъ солнца, и холодно, хотя находишься близко къ нему.

— Поняла, дѣдушка.

— И ты не будешь больше удивляться тому, что у насъ холодно, когда мы ближе всего къ солнцу?

— Нѣтъ, дѣдушка.

Николай Степановичъ взялъ снова яблоко и поднесъ его къ лампѣ. Глядя на маленькій четырехугольникъ на яблокѣ, означавшій Одессу, Люба поняла теперь, какое положеніе занимаетъ земля относительно солнца въ разныя времена года.

— Когда на одной половинѣ земного шара лѣто, то на другой—зима, не такъ ли, дѣдушка?—спросила она, указывая на освѣщенную и на темную половину яблока.

— Вѣрно, милочка.

— Значитъ, еслибы земля не вертѣлась вокругъ своей оси и въ то же время вокругъ солнца, то на одной половинѣ было бы вѣчное лѣто, а на другой вѣчная зима?

— Да, и это было бы очень несправедливо.

— Такимъ образомъ,—сказала Люба, указывая на рисунокъ, — Одесса въ январѣ и февралѣ находится тутъ, а потомъ движется дальше и весною, въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ занимаетъ вотъ это положеніе, поворачиваясь все болѣе къ солнцу. Вотъ наступаетъ и лѣто, іюнь, іюль и августъ, и нашъ городъ мало-по-малу становится лицомъ совсѣмъ къ солнцу, а затѣмъ осенью,

въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ, онъ снова исподволь отворачивается отъ него и въ январѣ занимаетъ опять прежнее мѣсто. Теперь я понимаю, дѣдушка, отчего не каждый день можетъ быть Новый годъ.

— И при этомъ земля, — замѣтилъ дѣдушка, — во время своего далекаго пути вокругъ солнца вертится съ необычайною быстротой, оборачиваясь въ теченіе года 365 разъ вокругъ своей оси. Поэтому годъ и дѣлится на 365 дней, или, вѣрнѣе, на 365¼. Но для большей точности изъ этихъ четвертей образуютъ цѣлый день и прибавляютъ его къ каждому четвертому году, который, такимъ образомъ, состоитъ изъ 366 дней и называется високоснымъ.

ГЛАВА XIV.

Обитаема ли луна?

Ты сказалъ, дѣдушка, что земля совершаетъ далекое путешествіе вокругъ солнца. Сколько же верстъ она проходитъ въ годъ?

— Верстъ? Ты, вѣроятно, хотѣла сказать сколько милліоновъ верстъ? На пути своемъ вокругъ солнца земля ежегодно совершаетъ 883 милліона верстъ.

— Значитъ ей приходится очень спѣшить!—замѣтила Люба.

— Да, она мчится съ быстротою около двухъ съ половиною милліоновъ верстъ въ сутки, или около 1680 верстъ въ минуту.

Эти слова до того поразили Любу, что въ первую минуту ей показалось, будто дѣдушка разсказываетъ ей сказку изъ тысячи и одной ночи.

— Значитъ, она мчится быстрѣе желѣзнодорожнаго поѣзда?—спросила она, съ трудомъ представляя себѣ ту ужасающую быстроту, съ которою земля совершаетъ свой путь.

— Она мчится, моя дорогая, въ триста разъ быстрѣе самаго скораго поѣзда!

— Даже быстрѣе пушечнаго ядра?

— Да. Въ семьдесятъ пять разъ быстрѣе ядра и съ тою разницею, что ядро, наконецъ, падаетъ, земля же мчится вѣчно, безъ остановки.

— Но отчего же мы не чувствуемъ этого?—спросила Люба.—Если смотрѣть на небо, то кажется, напротивъ, что звѣзды движутся вокругъ насъ!

— Правда; но не казалось ли тебѣ иногда во время путешествія по желѣзной дорогѣ, когда поѣздъ мчался быстро и безъ толчковъ, что ты какъ бы стоишь на мѣстѣ, а мимо тебя быстро мчатся деревья и дома?

— Да, дѣдушка, я замѣчала это.

— Ну, вотъ видишь ли, если тебѣ можетъ казаться, что твой вагонъ во время быстраго хода стоитъ на мѣстѣ, то ты и подавно не можешь чувствовать вращенія земли, которая устроена съ такимъ совершенствомъ, что ни одинъ толчокъ не укажетъ тебѣ на то, что ты мчишься на ней по необъятному пространству съ неимовѣрной быстротой.

Люба призадумалась.

— Но если земля шаръ,—возразила она послѣ минутнаго молчанія,—то бываетъ же время, когда мы находимся внизъ головою. Отчего мы тогда не падаемъ?

— Положимъ, что земля по временамъ принимаетъ такое положеніе, когда мы находимся какъ будто внизъ головой, но мы не падаемъ потому, что она удерживаетъ насъ при себѣ такъ называемой силой тяжести, т.-е. притягиваетъ насъ къ себѣ. Видѣла ли ты когда-нибудь, чтобы что-нибудь падало въ воздухъ?

— Нѣтъ. Но что̀ же заставляетъ землю вѣчно вертѣться вокругъ солнца? Развѣ она когда-нибудь не можетъ уйти отъ него и отправиться дальше?

— Нѣтъ; какъ для насъ существуетъ сила тяжести. такъ и у земли и у другихъ планетъ есть такая сила, которая заставляетъ ихъ двигаться вокругъ солнца по одному и тому же пути.

— Но вѣдь это насиліе!—воскликнула Люба.

— Да, но разумное насиліе, — возразилъ Николай Степановичъ,—потому что еслибы земля могла разстаться съ солнцемъ и отправиться дальше, то лишила бы насъ благотворнаго тепла солнца, безъ котораго мы не можемъ жить, а сама столкнулась бы на пути съ какой-нибудь другой планетой и разбилась бы. Тогда насталъ бы конецъ нашей землѣ, которую мы цѣнимъ такъ высоко, но которая въ сущности ничтожна въ сравненіи съ вселенной.

— И тогда наступилъ бы конецъ всякой жизни на землѣ? Да, дѣдушка? А много ли на землѣ животныхъ?

— Безчисленное множество. Не только въ дремучихъ лѣсахъ, въ водѣ и на поляхъ, но повсюду живетъ и копошится цѣлый міръ животныхъ и насѣкомыхъ, который, какъ и мы, веселится, страдаетъ и умираетъ.

И воображенію Любы представился цѣлый міръ жи-

вотныхъ и насѣкомыхъ съ такими же обычаями, радостями и горемъ, какіе бываютъ у людей.

— Но если солнце притягиваетъ къ себѣ землю,— спросила она послѣ минутнаго молчанія,—значитъ оно больше и сильнѣе земли?

— Да. Оно въ милліонъ триста тысячъ разъ больше земли.

— Въ милліонъ триста тысячъ разъ!—воскликнула Люба, пораженная этой огромной цифрой. — Тогда мы въ самомъ дѣлѣ ничтожны въ сравненіи съ нимъ! А далеко ли оно отъ насъ?

— Сто сорокъ милліоновъ верстъ.

Въ это время въ гостиную вошелъ Сережа. Онъ слышалъ конецъ этого разговора и въ видѣ утѣшенія сказалъ своей сестрицѣ:

— Но хотя земля и ничтожна въ сравненіи съ солнцемъ, подъ ея властью также находится одинъ изъ міровъ.

— Какой же?—спросила Люба.

— Луна.

— Развѣ луна принадлежитъ намъ?

— Да. По крайней мѣрѣ она должна вращаться вокругъ насъ и свѣтить намъ ночью. Это—спутникъ земли, нѣчто въ родѣ лампочки, которую оставляетъ намъ солнце, когда скрывается отъ насъ.

— Значитъ, это тоже солнце въ маленькомъ видѣ?

— Нѣтъ! Луна не солнце. Это планета, твердое тѣло безъ свѣта, которое не раскалено до-бѣла, какъ солнце.

— Какъ же она можетъ тогда свѣтить намъ?

— Она передаетъ намъ свѣтъ солнца.

— Я не понимаю тебя, Сережа.

— Ну, такъ слушай: вращаясь вокругъ насъ, луна, какъ и мы, получаетъ свой свѣтъ отъ солнца и по ночамъ, какъ зеркало, отражаетъ его на землю.

— Хорошо!—согласилась Люба:—но отчего же мы днемъ не видимъ луны?

— По той же причинѣ, какъ не видимъ звѣздъ. Свѣтъ солнца такъ ослѣпителенъ и силенъ, что затмѣваетъ не только свѣтъ звѣздъ, но и луны. Это то же, что огромный электрическій фонарь въ сравненіи съ крошечнымъ ночникомъ, свѣтъ котораго совсѣмъ теряется среди сильнаго освѣщенія.

— А далеко ли отъ насъ луна?

— Нѣтъ, очень близко. Всего триста шестьдесятъ тысячъ верстъ.

— Триста шестьдесятъ тысячъ верстъ!—воскликнула Люба.—Какъ же ты сказалъ, что она очень близко?

— Я хотѣлъ сказать, что она близко въ сравненіи съ солнцемъ и другими планетами.

— А велика ли она?

— Въ пятьдесятъ разъ меньше земли.

— Ну, это еще немного!—замѣтила Люба.—А луна тоже шаръ?

— Да.

— И остается всегда цѣлой?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Я хочу спросить, отчего мы видимъ иногда только половину ея, четверть или серпикъ?

— Вполнѣ разумный вопросъ. Это я тебѣ сейчасъ

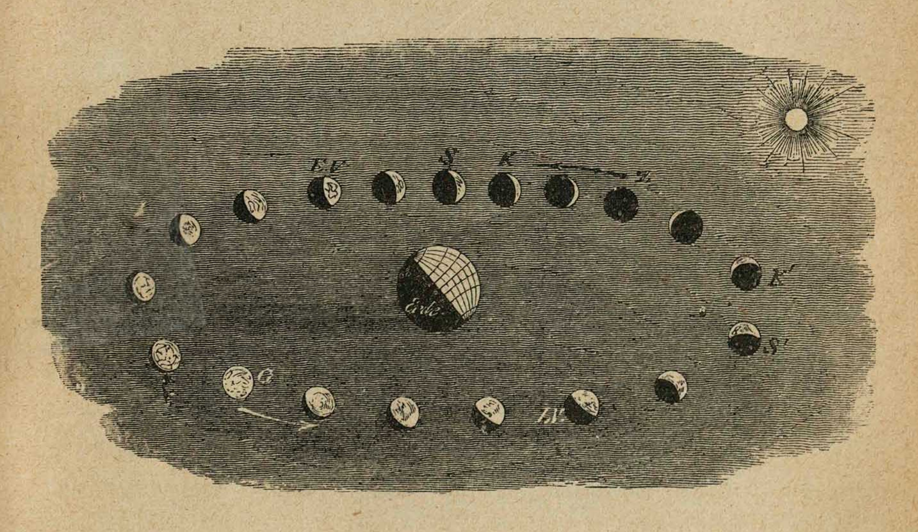
объясню. Еслибы земля и луна всегда стояли на одномъ мѣстѣ, и солнечные лучи могли бы постоянно падать на ту половину луны, которая смотритъ на землю, то мы всегда имѣли бы полнолуніе. Но луна вѣчно вертится вокругъ земли и совершаетъ свой путь вокругъ нея въ двадцать девять сутокъ. Во время этого пути она занимаетъ относительно солнца и земли различныя положенія и солнечные лучи не всегда освѣщаютъ всю ту сторону ея, которая обращена къ землѣ. Когда во время новолунія мы видимъ только небольшой серпъ луны, сама луна вовсе не сдѣлалась меньше, какъ думаютъ простые люди. Это значитъ только, что солнечные лучи освѣщаютъ другую сторону луны и лишь небольшую часть той ея стороны, которая обращена къ намъ. Остальная же, обращенная къ землѣ, часть луны намъ не видна, потому что солнце ея не освѣщаетъ, а своего свѣта луна, какъ ты знаешь, не имѣетъ. Иначе бываетъ въ полнолуніе, т.-е. когда луна кажется намъ въ видѣ полнаго свѣтлаго круга: тогда та сторона луны, которая обращена къ землѣ, въ то же время обращена и къ солнцу, которое освѣщаетъ всю эту сторону цѣликомъ, почему мы и видимъ на небѣ полный свѣтящійся кругъ.

— Но отчего мы иногда совсѣмъ не видимъ луны? Развѣ она исчезаетъ?

— Оттого, что солнце въ эти дни не освѣщаетъ той ея стороны, которая обращена къ землѣ. Въ старину люди наивно спрашивали, куда же дѣваются старыя луны, и совсѣмъ не подозрѣвали, что у насъ только одна луна.

— И намъ довольно одной луны?

— Приходится довольствоваться одной, по той простой причинѣ, что мы не можемъ добыть себѣ другой. Но еслибы мы имѣли нѣсколько лунъ, то у насъ ночи были бы свѣтлѣе. Впрочемъ, что я говорю! У насъ тогда совсѣмъ не было бы ночей, и наши луны отлично замѣняли бы намъ газъ и электричество.

— Развѣ есть такія планеты, у которыхъ по нѣскольку лунъ?

— Есть; напримѣръ, у Юпитера четыре луны.

— Четыре луны! А у насъ только одна, и то маленькая! — воскликнула съ сожалѣніемъ Люба.

Ей часто приходилось лѣтомъ на дачѣ видѣть луну, и въ полнолуніе она всегда замѣчала на ней какъ бы черты круглаго смѣющагося лица. Объ этомъ наблюденіи она сообщила теперь дѣдушкѣ и брату.

— Эти пятнышки въ видѣ лица не что иное, какъ лунныя горы,—отвѣтилъ дѣдушка.

— Горы! Развѣ на лунѣ есть горы?—воскликнула, изумившись, Люба.

— Да, есть.

— Какъ же люди узнали объ этомъ?

— Ученые люди наблюдали ихъ съ помощью телескоповъ.

— Телескоповъ? Это что такое?

— Это огромныя подзорныя трубы.

— И черезъ такую трубу тамъ видѣли горы?

— Да, милочка, видѣли,—сказалъ Сережа;—онѣ всегда видны, и такъ ясно, что ихъ даже срисовали, сосчитали и измѣрили.

— Правда?—спросила недовѣрчиво Люба.

— Правда,—подтвердилъ дѣдушка.

— А есть ли тамъ люди, города, дома, животныя?..

- Это еще неизвѣстно. Наши лучшіе телескопы еще не настолько сильны, чтобы можно было видѣть тамъ дома и жителей.

— Ахъ, какъ жалко! Но отчего же не дѣлаютъ лучшихъ телескоповъ?

— Весьма разумный вопросъ,—замѣтилъ Сережа.— Надо тебѣ сказать, милочка, что астрономія или наука о звѣздахъ дѣлаетъ съ каждымъ днемъ такіе огромные успѣхи, что можно ожидать, что въ скоромъ времени, вѣроятно, можно будетъ убѣдиться, обитаема ли луна или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, теперь ученые уже убѣдились, что на лунѣ есть горы, долины и вулканы, но полагаютъ,

что тамъ совсѣмъ нѣтъ воздуха, т.-е. такой атмосферы, какая окружаетъ нашу землю и которая дѣлала бы луну обитаемой для такихъ существъ, какъ мы. Одинъ знаменитый астрономъ вызвался рѣшить этотъ вопросъ, но съ условіемъ, чтобы ему дали средства построить

огромный телескопъ, который обошелся бы милліоны рублей.

— Милліоны!—воскликнула Люба, невольно опуская руку въ карманъ.

Но тамъ не оказалось милліоновъ, однако, еслибы Люба имѣла такую сумму, то, безъ сомнѣнія, охотно отдала бы ее, чтобы знать, есть ли люди на лунѣ.

ГЛАВА XV.

Холодныя и горячія руки.

Казалось, зимѣ не предвидѣлось конца.

Николай Александровичъ все еще не возвратился. Послѣднія вѣсти отъ него были получены изъ Адена, при входѣ въ Красное море, и вѣсти эти были хорошія.

Черезъ двѣнадцать дней Люба надѣялась обнять своего дорогого отца, если ничто не задержитъ его въ пути.

Въ это время земля въ своемъ путешествіи вокругъ солнца находилась въ первыхъ числахъ февраля.

Просыпаясь, Люба по утрамъ подходила къ окну взглянуть, не измѣнилась ли погода. Но, увы! дурная погода все еще не покидала Одессы.

Съ нѣкотораго времени Люба уже не могла ничего видѣть въ окно. Окна были сплошь покрыты разными ледяными узорами, изображавшими травы, деревья и другія причудливыя фигуры.

— Что это такое?—спросила она горничную.

— Это ледъ,—отвѣтила Лиза.

Люба поцарапала пальцемъ окно.

— Какъ же можетъ быть ледъ въ теплой комнатѣ?—спросила она.

Не зная, что отвѣтить, Лиза промолчала.

Это непонятное явленіе возбудило любопытство Любы.

— Сережа, поди сюда! Взгляни, что это?—крикнула она, заслышавъ шаги брата въ сосѣдней комнатѣ.

Братъ вошелъ къ ней въ комнату, и Люба указала ему на ледяные узоры въ окнѣ.

— Это что такое?—спросила она.

— Ледъ.

— Ты мнѣ отвѣчаешь, какъ Лиза!—воскликнула съ досадою Люба.—Я сама знаю, что это ледъ, но отчего онъ можетъ быть въ теплой комнатѣ? Вотъ чего я не понимаю!

— Скажи мнѣ сначала, знаешь ли ты, что такое ледъ?—спросилъ спокойно Сережа.

Не зная, что отвѣтить, Люба взглянула вопросительно на брата.

— Не знаешь?.. Ну такъ я тебѣ объясню. Когда вода совсѣмъ остываетъ, то переходитъ въ твердое состояніе, т.-е. превращается въ ледъ.

Это объясненіе показалось Любѣ недостаточно яснымъ.

— Значитъ, у воды есть теплота, если она можетъ терять ее?

— Да; но это зависитъ отъ внѣшней температуры. Припомни, когда ты моешься лѣтомъ, то не дѣлаешь такихъ гримасъ, какъ зимой, когда моешься ледяной водой.

— Да, правда, лѣтомъ вода теплѣе.

— Ну, то же бываетъ и со всѣми другими предметами: они лѣтомъ не теряютъ своей теплоты, зимою же холодъ отнимаетъ у нихъ тепло.

— Но какъ же холодъ можетъ отнять эту теплоту?

— Это я тебѣ сейчасъ объясню. Скажи-ка мнѣ, развѣ у тебя никогда не зябли руки?

— Какъ же, зябли.

— И развѣ не случалось, что мама согрѣвала ихъ въ своихъ рукахъ?

— Случалось.

— Ну, теперь, надѣюсь, ты поняла, какъ холодъ отнимаетъ теплоту.

— Нѣтъ, нисколько.

— Вѣдь твои холодныя ручонки согрѣлись въ рукахъ мамы, не такъ ли? А если онѣ согрѣлись, то отняли часть теплоты отъ маминыхъ рукъ.

— Что ты говоришь?—воскликнула Люба, огорчившись.—Неужели я тогда отнимала теплоту у мамы, когда согрѣвала свои руки въ ея рукахъ?

— Разумѣется. Между вами происходилъ обмѣнъ. «Дайте мнѣ ваше тепло, говорили твои руки маминымъ рукамъ, а я дамъ вамъ свой холодъ».

— Но вѣдь этимъ я обижала мою добрую мамочку?

— Нисколько. Мамины руки съ удовольствіемъ подѣлились своимъ тепломъ съ твоими. Это служитъ тебѣ новымъ доказательствомъ, что между холодомъ и тепломъ происходитъ постоянный обмѣнъ. Такимъ образомъ, нагрѣтый солнцемъ воздухъ нашей земли постоянно охлаждается, а когда охладится, то снова стремится нагрѣться. Изъ этого ты поймешь, что холодный воздухъ охлаждаетъ теплую воду, а въ сильные морозы отнимаетъ у нея столько тепла, что она переходитъ въ твердое состояніе.

— Превращается въ ледъ?

— Да.

— Но отчего ледъ въ рѣкѣ совсѣмъ прозраченъ, а на моемъ окнѣ онъ весь въ узорахъ?

— Рѣчной ледъ также состоитъ весь изъ узоровъ, только въ такой сплошной массѣ ихъ нельзя замѣтить простымъ глазомъ. Эти узоры, какъ ты называешь ихъ, называются кристаллами; они хорошо видимы въ ледяныхъ парахъ, образующихъ снѣгъ, потому что не составляютъ такую сплошную массу, какъ ледъ.

— Но ты все еще не сказалъ мнѣ, отчего въ моей комнатѣ, гдѣ такъ тепло, на окнѣ образовался ледъ?

— Ты, вѣроятно, уже знаешь, отчего образуются облака?

— Да, знаю. Дѣдушка разсказывалъ мнѣ, что облака образуются изъ водяныхъ паровъ.

— Отлично!—воскликнулъ Сережа.—Въ такомъ случаѣ ты почти уже знаешь все, что я хотѣлъ тебѣ объяснить. Въ твоей комнатѣ находятся теплые водяные пары:

они выходятъ изъ твоего графина, умывальника, изъ твоего дыханія. Снаружи холодный воздухъ стремится проникнуть въ твою теплую комнату, но такъ какъ стекла преграждаютъ ему путь, то онъ трется около нихъ и отнимаетъ у нихъ теплоту, которая образуется въ твоей комнатѣ отъ топки камина. Такимъ образомъ, стекла не успѣваютъ нагрѣться отъ теплыхъ паровъ, которые осаждаются на нихъ въ видѣ капель, а когда эти капли охладѣваютъ отъ внѣшняго холоднаго воздуха, то переходятъ въ твердое состояніе, т.-е. превращаются въ ледъ. Теперь, надѣюсь, ты поняла, Любочка, отчего на окнахъ твоей теплой комнаты появился ледъ?

— Да, поняла.

Хотя Сережа и не сомнѣвался вообще въ способностяхъ своей маленькой сестренки, но на этотъ разъ недовѣрчиво улыбнулся.

— Ты думаешь я не поняла! — воскликнула Люба, обидѣвшись.—О, я тебѣ сейчасъ докажу это. Когда лѣтомъ приносятъ изъ погреба бутылки, то онѣ въ теплѣ становятся влажными, не правда ли?

— Правда, но къ чему ты говоришь это?

— Къ тому, что это происходитъ оттого, что теплые пары воздуха осаждаются на холодныхъ бутылкахъ. Оттого и окна у насъ потѣютъ въ холодную погоду. Теперь ты вѣришь, что я поняла тебя?

— Вѣрю, моя милая, вѣрю! — сказалъ Сережа, убѣдившись, что сестра поняла его объясненіе.

— Оттого и вино сохраняется лѣтомъ холоднымъ, когда бутылки обертываютъ въ мокрыя полотенца.

— Вѣрно милочка. Вода мокрыхъ полотенецъ испаряется отъ жары и, переходя въ паръ, отнимаетъ часть теплоты отъ бутылокъ. Впрочемъ, если держать вино въ пористыхъ, глиняныхъ сосудахъ, то оно также остается холоднымъ.

— Развѣ такіе сосуды охлаждаютъ?

— Да. Вино и вообще всякая жидкость проникаетъ въ поры сосуда и сохраняетъ его внѣшнюю поверхность влажною, а эта влага постоянно испаряется въ воздухѣ; при этомъ она расходуетъ тепло, отнятое отъ жидкости въ сосудѣ, и, такимъ образомъ, охлаждаетъ самую жидкость. Въ Испаніи и другихъ жаркихъ странахъ употребляютъ для охлажденія воды такъ называемыя алькарацы, — очень пористые, глиняные сосуды, которые наполняются водой и вывѣшиваются на открытый воздухъ.

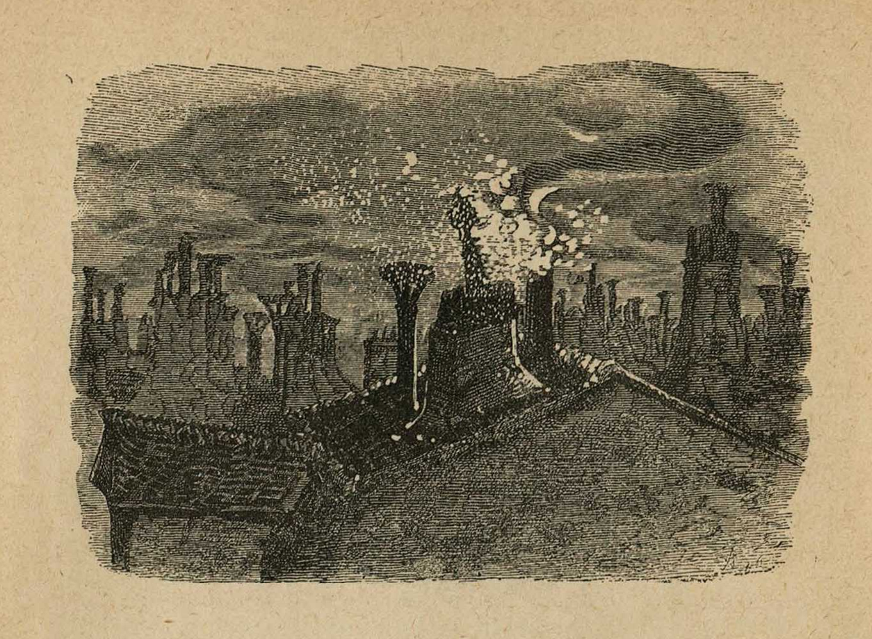
— Но отчего ледъ плаваетъ, а не тонетъ? Вѣдь онъ гораздо тяжелѣе воды? — спросила Люба.

— Нѣтъ, онъ легче воды.

— Не можетъ быть! — усумнилась Люба.

— Это безъ сомнѣнія вѣрно. Вода имѣетъ такое свойство, что, превратившись въ ледъ, не сжимается, а напротивъ, расширяется настолько, что извѣстное количество воды занимаетъ на $^1/_{13}$ часть меньше мѣста, чѣмъ ледъ. Но теперь съ тебя довольно! Ты совсѣмъ замучила меня своими вопросами, а мнѣ давно пора на службу.

И схвативъ обѣими руками голову своей сестренки, Сережа крѣпко поцѣловалъ ее и вышелъ.

ГЛАВА XVI.

Огонь.

Прошло дня два. Люба сидѣла въ своей комнатѣ и читала интересную книжку.

Вдругъ огонь въ каминѣ затрещалъ какъ-то особенно. Люба быстро обернулась, и увидѣла, что пламя ярко пылаетъ въ каминѣ и огненные языки втягиваются въ трубу, въ которой раздается глухой трескъ, похожій на раскаты отдаленнаго грома.

«Что это?» подумала Люба, и въ испугѣ побѣжала въ комнату матери.

— Что случилось, дѣточка? — спросила Елена Николаевна, замѣтивъ встревоженное личико дочери.

— Мамочка! мамочка! — восклицала Люба.

— Что съ тобою, моя дорогая? Чѣмъ ты такъ взволнована?

— Иди, мамочка, посмотри, что у меня дѣлается въ комнатѣ!

Елена Николаевна поспѣшила въ комнату дочери и тотчасъ поняла причину ея испуга.

— Это пожаръ! — сказала она, поспѣшно хватаясь за звонокъ.

— Пожаръ!..—воскликнула въ ужасѣ Люба.

— Да, но ты не бойся, дѣточка, онъ не опасенъ! Это въ трубѣ загорѣлась сажа.

Тѣмъ временемъ сбѣжались слуги.

— Позвоните скорѣе въ пожарный звонокъ!—приказала Елена Николаевна.

Одинъ изъ слугъ побѣжалъ исполнить приказаніе, а другіе принялись тѣмъ временемъ поспѣшно отставлять мебель отъ пылавшаго камина.

Комната стала наполняться дымомъ, и Люба собралась-было уже уйти, какъ пріѣхали пожарные. Вспомнивъ слова матери, что опасности нѣтъ, Люба изъ любопытства осталась посмотрѣть, какъ пожарные будутъ тушить пожаръ.

Они начали съ того, что заперли всѣ двери и вытащили изъ камина пылающія головешки, которыя бросили въ принесенный ушатъ съ водой. Затѣмъ потребовали мокрую простыню, растянули ее и такъ плотно закрыли со всѣхъ сторонъ отверстіе камина, что въ трубу не могъ проникнуть воздухъ изъ комнаты.

Когда это было сдѣлано, одинъ изъ пожарныхъ быстрымъ движеніемъ сначала вдавилъ средину простыни въ каминъ, а затѣмъ мгновенно вытащилъ ее оттуда, послѣ чего изъ трубы посыпался настоящій огненный дождь. То была горѣвшая въ трубѣ сажа. Въ то время какъ слуги тушили сажу, пожарные снова намочили простыню и повторили тотъ же маневръ. Но на этотъ разъ изъ трубы выпало всего нѣсколько искръ, доказывавшихъ, что тамъ сажи не осталось и пожаръ потушенъ.

Сначала Елена Николаевна хотѣла-было увести Любу, но замѣтивъ, съ какимъ интересомъ дѣвочка слѣдила за работой пожарныхъ, осталась съ нею въ комнатѣ.

Когда пожарные удалились, въ Любочкиной головкѣ возникъ цѣлый міръ вопросовъ.

Елена Николаевна замѣтила, что ея дорогая дѣвочка сильно задумалась, и съ улыбкою сказала ей:

— Ну, Любочка, кажется, ты сегодня задашь дѣдушкѣ и Сережѣ большую работу?

— О, да, мамочка, сегодня я закидаю ихъ моими «отчего?»

Въ это время раздался звонокъ. Люба выглянула въ окно и, увидѣвъ у подъѣзда дѣдушку и Сережу, побѣжала къ нимъ навстрѣчу.

— Знаете ли, — крикнула она имъ еще издали, — у насъ былъ пожаръ!

— Пожаръ! Гдѣ же?

— Въ моей комнатѣ!

Дѣдушка и Сережа встревожились.

— Опасность уже миновала. Все потушено. Это у меня загорѣлась только сажа въ каминѣ.

— Однако, этотъ маленькій пожаръ могъ сдѣлаться большимъ. Посмотримъ!—сказалъ Николай Степановичъ.

Они направились въ Любочкину комнату и застали тамъ Елену Николаевну, подъ присмотромъ которой слуги возстановляли порядокъ въ комнатѣ.

— Я жалѣю васъ больше, чѣмъ Любу,—сказала она съ улыбкой отцу своему и сыну.

— Отчего?—спросили они въ одинъ голосъ.

— Оттого, что Люба сегодня замучаетъ васъ.

— Да, да, мнѣ надо о многомъ спросить васъ! — воскликнула Люба, видимо съ нетерпѣніемъ ожидавшая минуты, когда ей можно будетъ спросить дѣдушку и брата, почему пожарнымъ удалось потушить такъ скоро пожаръ съ помощью мокрой простыни.

И она разсказала имъ все, что́ видѣла.

Николай Степановичъ терпѣливо выслушалъ внучку, и когда она кончила, замѣтилъ Сережѣ:

— Это «отчего» заведетъ насъ далеко!

— Да,—согласился Сережа,—но сначала надо спросить Любу, знаетъ ли она, что́ такое огонь?..

— Огонь... огонь... это огонь! — отвѣтила Люба, не зная, что́ сказать дальше.

— Вѣрно, огонь есть огонь, мясо есть мясо, и такъ далѣе. Но знаешь ли ты, откуда берется мясо?

— Отъ животныхъ.

— А огонь откуда?

— Огонь?..—переспросила, смутившись, Люба.

— Не знаешь? Ну, такъ я разскажу тебѣ это въ нѣсколькихъ словахъ. Въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ, есть газъ, называемый кислородомъ, дерево же содержитъ въ себѣ углеродъ...

— Углеродъ... кислородъ...—повторила Люба,—это не трудно запомнить.

— И когда соединить кислородъ съ углеродомъ, то изъ нихъ тотчасъ возникаетъ огонь.

— Какъ же соединяютъ кислородъ съ углеродомъ?

— Нагрѣваніемъ. У тебя дрова въ каминѣ могутъ пролежать всю зиму и не загорѣться, хотя они содержатъ

въ себѣ углеродъ и окружены кислородомъ. Чтобы добыть огонь, надо нагрѣть ихъ.

— Какъ же ихъ нагрѣть?

— Развѣ ты не видѣла, какъ зажигаютъ дрова спичками?

— Видѣла.

— Ну, чтò же дѣлаетъ эта спичка?.. Она нагрѣваетъ углеродъ до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ соединяться съ кислородомъ и образуетъ огонь.

— Но откуда же берется огонь спички?

При этомъ новомъ, вполнѣ логичномъ вопросѣ Николай Степановичъ обмѣнялся съ дочерью взглядомъ, выражавшимъ похвалу внучкѣ.

— Ты права,—замѣтилъ Сережа,—что хочешь знать, откуда берется огонь у спичекъ? Онъ вызывается фосфоромъ, которымъ натерты концы спичекъ.

— Я знаю, что такое фосфоръ, — замѣтила самоувѣренно Люба.

— Въ такомъ случаѣ ты знаешь также, что достаточно слегка потереть его, чтобы онъ, какъ говорятъ ученые, соединился съ кислородомъ воздуха. Еслибы ты стала тереть одно полѣно о другое, они никогда не нагрѣлись бы настолько, чтобы углеродъ ихъ могъ соединиться съ кислородомъ воздуха, между тѣмъ какъ при помощи фосфора для этого достаточно чиркнуть спичку!

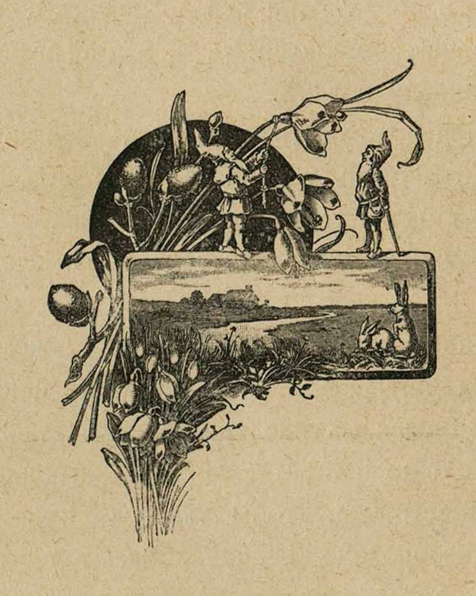
— Какое странное тѣло фосфоръ! — прошептала Люба.

— Но очень удобное, чтобы добывать огонь. Теперь ты знаешь, откуда берется огонь?

Люба задумалась на минуту и затѣмъ утвердительно кивнула головой.

— Признаться, Сережа,—сказала Елена Николаевна:— всѣ эти громкія названія, соединенія и свойства тѣлъ не легко понятны ребенку.

— Согласенъ, мамаша, — весело отвѣтилъ Сережа, нагибаясь къ своей маленькой сестренкѣ, желавшей поцѣловать его,—но я не виноватъ въ этомъ, не я придумалъ всѣ эти названія.

ГЛАВА XVII.

Давленіе и тяжесть воздуха.

Слова эти вызвали улыбку у Николая Степановича.

— Если Любочка заявила, что она поняла, —сказалъ онъ,—то сомнѣваться въ этомъ нечего. Не такъ ли, дѣточка?

— Да, дѣдушка, я жду только, чтобы мнѣ объяснили дѣйствія пожарныхъ.

— Ты права, я совсѣмъ-было забылъ, съ чего мы начали,—засмѣялся Сережа.—Отчего пожарные сначала намочили полотно? Для того, чтобы сдѣлать его непроницаемымъ для воздуха и предохранить его отъ огня. Какъ ты видѣла, они плотно закрыли каминъ со всѣхъ

сторонъ и такимъ образомъ совсѣмъ отдѣлили твою комнату отъ внѣшняго воздуха и пылавшей трубы.

— Они сдѣлали перегородку?

— Да, но упругую перегородку; оттого пожарный и могъ сначала вдавить полотно въ каминъ, а затѣмъ быстрымъ движеніемъ выдернуть его оттуда, чѣмъ и вызвалъ паденіе горѣвшей сажи изъ трубы.

— Но отчего сажа тамъ потухла?

— Оттого, что пожарный, вдавивъ въ каминъ полотно, выдавилъ изъ трубы воздухъ, т.-е. образовалъ въ ней пустоту.

— Пустоту?—повторила съ недоумѣніемъ Люба.

— Да, пустоту. Скажи, не случалось ли тебѣ когда-нибудь втягивать въ себя воздухъ изъ стакана или флакона, послѣ чего они тотчасъ прилипали къ твоимъ губамъ.

— Случалось, Сережа.

— Такъ вотъ, втягивая въ себя воздухъ, ты, сама того не замѣчая, образуешь пустоту въ флаконѣ.

— Но отчего флаконъ прилипаетъ къ губамъ?

— Оттого, что внѣшній воздухъ давитъ его со всѣхъ сторонъ и прижимаетъ къ твоимъ губамъ такъ же, какъ еслибы я прижалъ его рукою.

— Давитъ его?—удивилась Любочка.—Значитъ воздухъ имѣетъ вѣсъ?

— Да, и весьма значительный! Слой воздуха или атмосфера, окружающая землю, имѣетъ около 75 верстъ вышины, и на твое маленькое тѣло приходится около 380 пудовъ тяжести.

— Не можетъ быть!—воскликнула недовѣрчиво Любочка.—У меня на плечахъ 380 пудовъ? Отчего же такая тяжесть давно не раздавила меня?

— Оттого, что ты не одними плечами, а всѣмъ тѣломъ несешь эту тяжесть. Она давитъ тебя со всѣхъ сторонъ равномѣрно, какъ изнутри, такъ и снаружи, и потому ты не замѣчаешь этого давленія.

— Развѣ нужно, чтобы такая страшная тяжесть воздуха давила насъ?

— Да. Еслибы съ насъ хотя бы на минуту сняли эту тяжесть, наша кровь выступила бы изъ-подъ кожи.

— Не можетъ быть! — пробормотала недовѣрчиво Любочка.

— Доказать тебѣ это?

— Докажи, Сережа!

— Приложи губы къ рукѣ и начни сильно втягивать въ себя воздухъ.

Люба взглянула на мать и на дѣдушку, чтобы убѣдиться, что надъ нею не смѣются, и приложилась губами къ рукѣ.

— Ну, вотъ взгляни теперь,—сказалъ Сережа, взявъ ея руку, которая съ чмоканьемъ отстала отъ губъ,—что́ ты видишь?

— Красный кружокъ.

— Вотъ этотъ кружокъ и есть кровь, которая поднялась къ кожѣ, лишенной давленія воздуха. Въ этомъ случаѣ ты поступила такъ, какъ съ флакономъ. Когда ты приложила губы къ рукѣ, у тебя во рту былъ еще воздухъ, производившій давленіе на кожу, но когда ты втянула его въ себя, тамъ тотчасъ показалась кровь. Еслибы ты продолжала долго и сильно втягивать въ себя воздухъ, то на рукѣ выступили бы капли крови. Но это опасно,—поспѣшилъ сказать Сережа, замѣтивъ, что его сестренка хочетъ продолжать опытъ.

— Значитъ, я образовала такую же пустоту, какъ въ флаконѣ?

— Да, — вмѣшался въ разговоръ Николай Степановичъ. — Для большей наглядности я приведу тебѣ примѣръ давленія воздуха съ двухъ сторонъ. Представь себѣ, что твоя подруга Маня хочетъ затворить эту дверь, а ты хочешь, чтобы она была открыта. И вотъ вы обѣ съ одинаковой силой начинаете толкать дверь, одна съ одной стороны, а другая — съ другой, и дверь не двигается съ мѣста, хотя вы толкаете ее со всѣхъ силъ. Но вотъ тебѣ наскучило это, и ты отошла отъ двери...

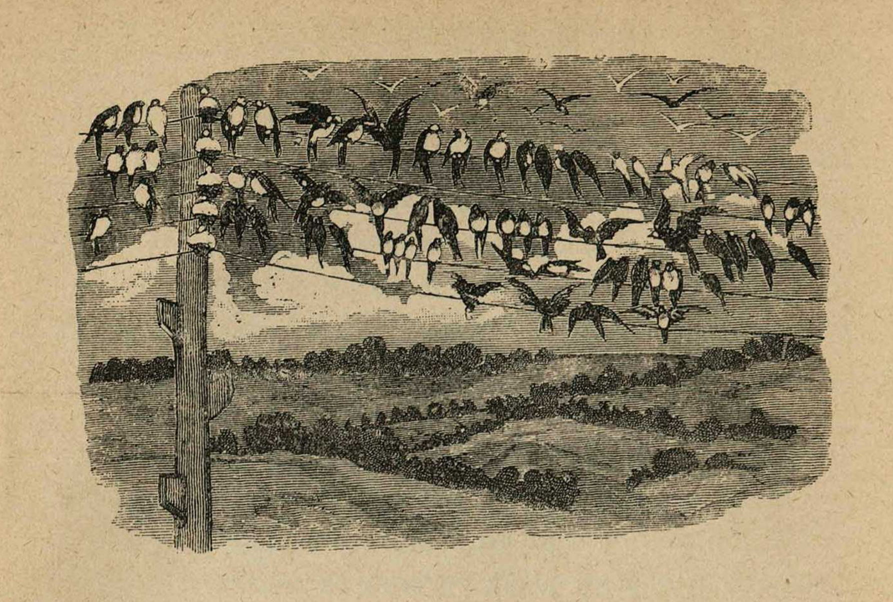
— И этимъ образовала пустоту? — замѣтила Любочка.

— Да; какъ только ты перестала напирать на дверь, она подъ напоромъ Мани тотчасъ затворилась.

— Значитъ, Маня играла роль внѣшняго воздуха, дѣдушка?

— Да, милочка.

ГЛАВА XVIII.

Телеграмма и электричество.

Настало 15 февраля. Одѣвшись, Любочка поспѣшила въ комнату матери, гдѣ застала дѣдушку и своего старшаго брата. Глядя на радостныя, довольныя лица родныхъ, она тотчасъ догадалась, что, вѣроятно, они получили пріятную вѣсть. Всѣ взглянули съ улыбкой на Любочку, ожидая, что она обратится къ нимъ съ вопросомъ и угадаетъ причину общей радости. Но раньше, чѣмъ спросить, Любочка задумалась на минуту и затѣмъ быстро подбѣжала къ матери.

— Папа пріѣхалъ?—воскликнула она.

— Нѣтъ, дѣточка, — отвѣтила съ улыбкой мать. —

Твой отецъ еще не пріѣхалъ, но онъ уже въ Россіи и сегодня вечеромъ...

— Будетъ здѣсь?

— Да.

— О, какое счастье!—воскликнула Любочка, захлопавъ отъ радости въ ладоши.

— Вотъ прочти телеграмму, которую я получила сегодня ночью въ 2 часа и 10 минутъ, когда ты уже спала.

Любочка прочла слѣдующее:

Севастополь, $^{14}/_2$ *11 веч.*

«Я выѣзжаю съ курьерскимъ поѣздомъ и буду въ Одессѣ завтра въ 5 часовъ 44 м. вечера.

Бартеневъ.

— Папа пріѣдетъ въ 5 час. 44 минуты!—воскликнула Любочка.—Мамочка, мы поѣдемъ на вокзалъ встрѣчать его, не такъ ли?

— Разумѣется, дѣточка!

Елена Николаевна вышла, чтобы приготовить все необходимое для пріема главы семейства, а Сережа отправился къ Гурьевымъ сообщить пріятную вѣсть о скоромъ пріѣздѣ отца.

Оставшись одна съ дѣдушкой, Любочка прочла снова телеграмму и повернула ее нѣсколько разъ.

— Значитъ, эта телеграмма вышла изъ Севастополя въ 1 часъ 10 минутъ; не такъ ли, дѣдушка?

— Да, милочка. За 19 минутъ до отхода поѣзда, на которомъ пріѣдетъ твой отецъ.

Любочка принялась считать по пальцамъ.

— Значитъ, она была 2 часа и 10 минутъ въ дорогѣ?

— Да.

- А сколько времени нужно папочкѣ на дорогу?

— Онъ прiѣдетъ сюда въ 5 часовъ 44 минуты. Значитъ, будетъ находиться въ дорогѣ 17 часовъ 25 минутъ.

— Ахъ, какъ долго!

— Но подумай только, вѣдь ему надо проѣхать около 600 верстъ!

— Шестьсотъ верстъ!—повторила съ презрительной усмѣшкой Любочка, вспомнивъ объ огромныхъ разстоянiяхъ, отдѣлявшихъ отъ земли солнце и другiя планеты.

— Эта вѣсть прибыла по телеграфу?—спросила она.

— Да, дѣточка.

— Такъ отчего же папочка не прiѣхалъ тоже по телеграфу?

Николай Степановичъ улыбнулся этому новому «отчего» своей внучки, но при этомъ нашелъ этотъ вопросъ совершенно логичнымъ.

— Оттого, что не нашли еще способа путешествовать со скоростью электричества!—отвѣтилъ онъ.

— Ахъ, какъ жалко!—замѣтила Любочка.—Неужели не найдутъ такой способъ?

— Можетъ быть и найдутъ, милочка.

— Но отчего электричество можетъ посылать клочокъ бумаги и не можетъ прислать намъ папочку?

И говоря это, Люба подумала, что, вѣроятно, электричество очень слабая сила для пересылки тяжести.

— Ты сильно ошибаешься, милочка,—возразилъ дѣдушка,—если думаешь, что электричество прислало этотъ клочокъ бумаги!

— Такъ откуда же взялась эта бумажка?

— Телеграмма—это значки, начертанія, а не бумажка. Еслибы возможно было посылать письма по телеграфу, то мы не посылали бы ихъ по почтѣ, потому что телеграфъ передаетъ съ необычайною быстротою.

— А что значитъ телеграфъ?

— Телеграфъ и телеграмма греческія слова, означающія: писать издалека.

— Писать издалека съ помощью электричества? Но что такое электричество?

— Электричество это одна изъ силъ природы, извѣстная намъ только по своимъ проявленіямъ, какъ, напр., громъ и молнія, и такихъ неизвѣстныхъ силъ еще много въ природѣ, какъ, напр., магнитная сила А знаешь ли ты, милочка, что такое магнитъ?

— Знаю; это кусочекъ желѣза, который имѣетъ странное свойство притягивать къ себѣ разныя желѣзныя вещи. Помнишь, дѣдушка, ты самъ же подарилъ мнѣ маленькихъ японскихъ рыбокъ изъ желѣза, которыхъ я ловила изъ акваріума маленькой удочкой! Тогда ты мнѣ сказалъ, что это одно изъ любимыхъ развлеченій маленькихъ японскихъ дѣвочекъ моихъ лѣтъ.

— Помню, помню! И крючокъ той удочки былъ магнитъ. Но не одно желѣзо имѣетъ свойство притягивать къ себѣ вещи; это дѣлаетъ также янтарь.

— Янтарь?

— Да, желтоватое вещество, которое служитъ мундштукомъ твоему брату.

— Подожди минутку, дѣдушка, я сейчасъ вернусь.

И выбѣжавъ изъ комнаты, Любочка побѣжала въ кабинетъ брата, откуда вернулась съ янтарнымъ мундштукомъ, который подала дѣдушкѣ.

— Янтарь,—сказалъ дѣдушка, — становится магнитомъ отъ тренія. Нарви побольше маленькихъ бумажекъ на столъ, я сейчасъ покажу тебѣ это.

Любочка нарвала бумажекъ, а дѣдушка тѣмъ временъ потеръ кончикъ янтаря о рукавъ своего сюртука и затѣмъ приблизилъ его къ бумажкамъ, которыя тотчасъ запорхали какъ бабочки на столѣ и прилипли къ янтарю.

— Видишь, милочка, это электричество.

— Электричество? Ты сказалъ мнѣ, дѣдушка, что значатъ телеграмма и телеграфъ, но не объяснилъ, откуда происходитъ слово электричество.

— Ты спросила кстати; это слово означаетъ янтарь.

— Янтарь?

— Да. Около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ одинъ грекъ замѣтилъ это свойство янтаря, который по-гречески называется *электронъ*, а изъ слова электронъ мы образовали...

— Электричество!

— Совершенно вѣрно.

— Но я все-таки не понимаю, какъ можетъ телеграфъ посылать телеграммы?—спросила Любочка.

Чтобы понять это, надо знать, какъ устроенъ телеграфный аппаратъ. Хочешь, я разскажу тебѣ это въ краткихъ словахъ.

— Пожалуйста, разскажи, дѣдушка!

— Телеграфный аппаратъ состоитъ изъ двухъ ча-

стей: одна часть отправляетъ телеграммы, а другая принимаетъ ихъ. Въ первой части находится батарея съ электричествомъ и такъ называемая клавиша.

— А что такое батарея?

— Батарея—это склянка; въ ней находится сѣрная

кислота, цинкъ и мѣдь, которые вырабатываютъ электричество. Батарея соединяется съ клавишей проволокой, и когда клавишу нажмутъ, то она соединяетъ эту проволоку съ другой проволокой, которая тянется по телеграфнымъ столбамъ, и съ помощью электрическаго тока передаетъ телеграмму на другую станцію. Поняла, милочка?

— Да, дѣдушка; но какъ же получаютъ телеграмму?

— Это дѣлается съ помощью другого аппарата, который находится на той станціи, куда послана телеграмма. Этотъ аппаратъ состоитъ изъ желѣзнаго стержня, вокругъ котораго обмотанъ конецъ телеграфной проволоки, и когда электричество приходитъ по проволокѣ, то тотчасъ намагничиваетъ этотъ стержень. Надъ нимъ находится якорекъ, т.-е. кусочекъ желѣза, придѣланный къ желѣзной пластинкѣ, къ которой съ другого конца придѣлана пружинка и штифтикъ. И вотъ, когда стержень намагнитится и притянетъ къ себѣ якорекъ, то пружинка вытягивается, а штифтикъ дотрогивается до валика съ бумагой и оставляетъ на бумагѣ знаки. Когда же перестанутъ нажимать клавишу на станціи, откуда отправлена телеграмма, то стержень тотчасъ перестаетъ быть магнитомъ, самая пружинка сжимается и отрываетъ якорекъ отъ стержня, а штифтикъ отъ валика съ бумагой. При этомъ валикъ этотъ вертится съ помощью такого же механизма, какой имѣютъ наши часы.

— И этотъ штифтикъ пишетъ на бумагѣ буквы?

— Нѣтъ, онъ ставитъ только черточки, которыя получаются, смотря по тому, какъ нажимали клавишу: если до нея только дотронулись, то штифтикъ оставляетъ ко-

роткую черточку, если же ее нажимали дольше, то получалась длинная черта.

— Но что́ же означаютъ эти черточки?

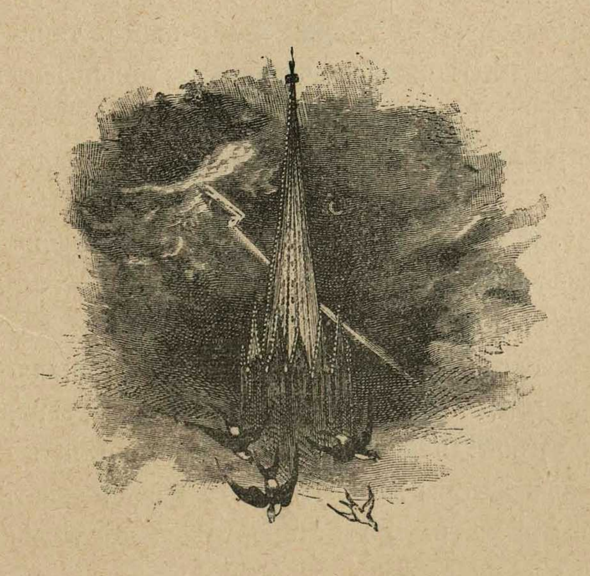
— Ими обозначаются буквы; такъ *а* изображается короткой и длинной черточкой: - — ; *б* - одной длинной и тремя короткими черточками: — - - - и т. д..

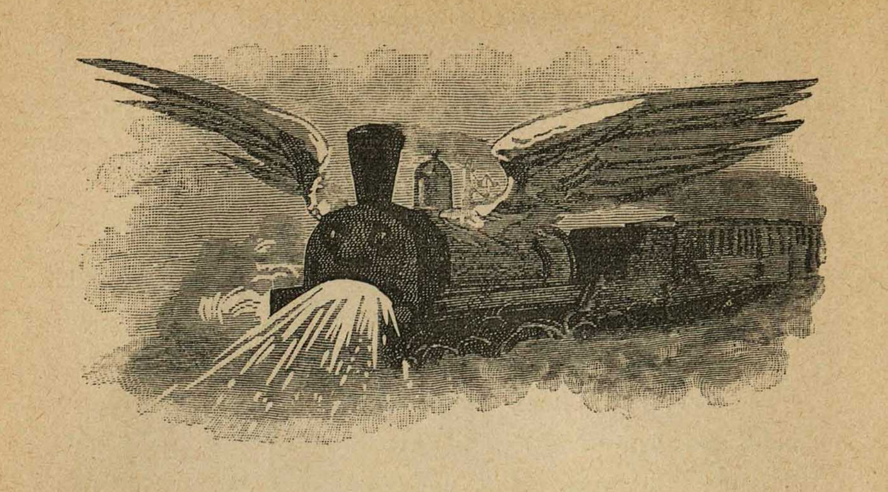
— И такимъ образомъ телеграмма шла два часа?

— Нѣтъ, это время потребовалось чиновникамъ телеграфа на то, чтобы передать, получить и доставить телеграмму на домъ. Для электричества же нѣтъ разстояній,—оно въ одно мгновеніе проходитъ 160,000 верстъ.

— 160,000 верстъ!—воскликнула Любочка, пораженная этой огромной цифрой.

Въ это время вошелъ слуга и доложилъ, что завтракъ поданъ.

ГЛАВА XIX.

Паръ въ тюрьмѣ.

Остальную часть дня Любочка съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала часа, когда она поѣдетъ на вокзалъ встрѣчать своего папочку, что Елена Николаевна приказала подать экипажъ задолго до прихода поѣзда.

Пріѣхавъ на вокзалъ, всѣ вышли на платформу, чтобы дать Любочкѣ возможность обнять отца, какъ только онъ выйдетъ изъ вагона.

Очутившись на платформѣ, Любочка широко открыла глаза при видѣ локомотивовъ, которые, маневрируя, прицѣпляли вагоны, переходили съ однихъ рельсъ на другіе и подводили вагоны къ платформѣ. Рѣзкіе свистки заставляли ее зажимать уши и сторониться, когда локомотивъ проходилъ мимо нихъ.

Любочкѣ часто приходилось ѣздить по желѣзной дорогѣ, но она никогда не обращала вниманія на локомотивъ. Всмотрѣвшись теперь въ первый разъ въ эту могучую машину, она недоумѣвала, какъ онъ можетъ катиться по рельсамъ и къ тому же тащить за собою такъ много вагоновъ.

Она хотѣла-было обратиться съ вопросомъ къ брату, но тотъ задумчиво смотрѣлъ въ даль. Мать также находилась въ какомъ-то взволнованномъ состояніи, и Любочка рѣшила не безпокоить ее. Но увидавъ, что дѣдушка подошелъ къ локомотиву и видимо заинтересовался имъ, она подбѣжала къ нему и взяла его за руку.

Николай Степановичъ не обратилъ на это вниманія.

Постоявъ съ минуту, Любочка рѣшилась обратиться къ нему съ вопросомъ.

— Это локомотивъ?—спросила она —Онъ тащитъ вагоны?

— Да,- отвѣтилъ старикъ односложно, продолжая осматривать машину.

— Онъ одинъ ходитъ?

— Да.

— Отчего?

— Что́ ты спросила?

— Я спрашиваю, отчего локомотивъ ходитъ?

— Оттого, что его двигаетъ паръ.

— Паръ?—повторила Любочка, видимо не удовлетворенная этимъ отвѣтомъ.

— Да, онъ поворачиваетъ колеса, а когда колеса завертятся, то онъ ѣдетъ. Это очень просто.

— Да, просто для тебя, но не для меня! Отчего паръ поворачиваетъ колеса?

— Охъ, ужъ эти мнѣ вѣчные вопросы!—вздохнулъ дѣдушка съ такимъ видомъ, какъ будто ему тяжело отвѣчать, но на самомъ дѣлѣ готовый съ радостью удовлетворить любопытство своей внучки.

— Скажи, скажи мнѣ, дѣдушка!—настаивала Любочка, не обращая вниманія на его недовольный видъ.— Ты говоришь, паръ поворачиваетъ колеса. Значитъ, у него есть сила?

— Да, очень большая сила.

— Откуда же она?

— Помнишь, мы какъ-то говорили о тучахъ, и я спросилъ тебя, видѣла ли ты, какъ вода кипитъ на огнѣ?

— Помню, дѣдушка, и ты тогда показалъ мнѣ, какъ пары приподнимали крышку котла, точно ее толкали снизу.

— Ну, теперь скажи мнѣ сама, что́ же толкало крышку?

Любочка задумалась на минуту.

— Конечно, паръ!—отвѣтила она.

— Ну, такъ если онъ могъ поднимать крышку, то, разумѣется, имѣетъ силу.

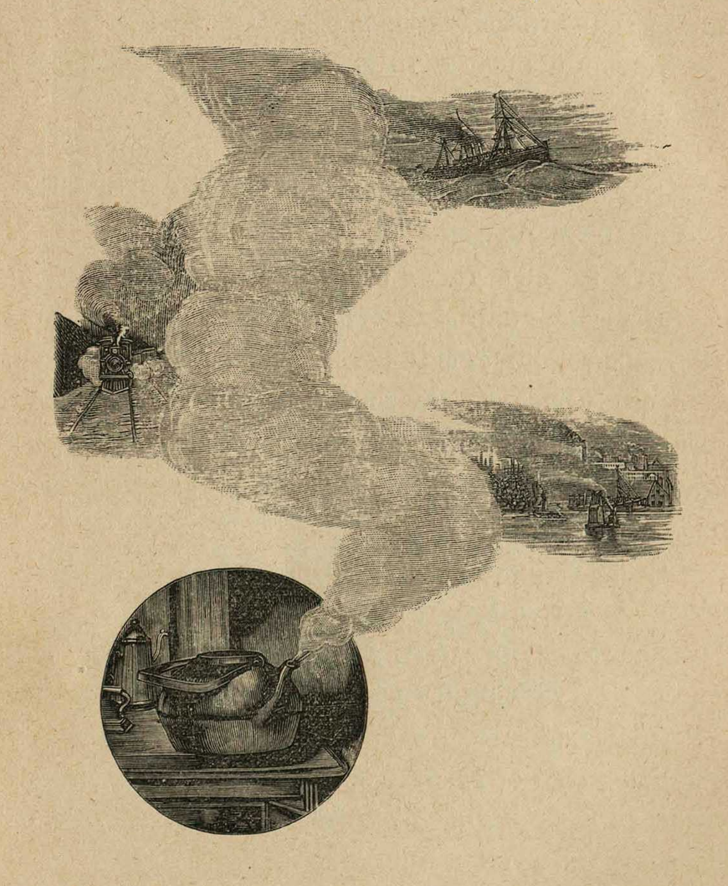
— Но поднимать легкую крышку и поворачивать колеса такого тяжелаго локомотива—большая разница!

— Согласенъ; но если малое количество пара можетъ приподнять легкую крышку, то отчего бы большому количеству пара не повернуть тяжелое колесо?

— Ахъ, дѣдушка, я и не подумала объ этомъ!—

воскликнула Любочка.—Разскажи мнѣ, какъ устроенъ локомотивъ?

— Это заняло бы много времени, и ты поняла бы немного, еслибы я сталъ объяснять подробно.

— Такъ разскажи мнѣ въ короткихъ словахъ.

— Хорошо. Скажи мнѣ, изъ чего получается паръ?

— Изъ воды и огня!—отвѣтила Любочка.

— Прекрасно! Теперь я долженъ показать тебѣ сна-

чала, гдѣ находится вода въ локомотивѣ и гдѣ разводятъ огонь. Вода помѣщается вотъ въ этомъ большомъ котлѣ, который играетъ роль той же кастрюли, а на концѣ его находится печь. И вотъ, когда вода въ котлѣ закипитъ, тамъ образуется паръ...

— Который будетъ толкать крышку?—спросила Любочка, прервавъ дѣдушку.

— Нѣтъ, онъ будетъ толкать не крышку, а нѣчто другое. Еслибы онъ поднималъ крышку, то выходилъ бы изъ котла безъ пользы.

— Что же онъ тогда будетъ толкать?

— Конечно, паръ хочетъ вырваться на волю изъ своей темницы, но стѣны котла очень крѣпки и не поддаются его усиліямъ. Поэтому онъ ищетъ себѣ другого выхода и бросается въ толстую трубочку, въ надеждѣ этимъ путемъ вырваться на волю. Но тамъ онъ встрѣчаетъ...

— Сторожа, который преграждаетъ ему путь?—воскликнула Любочка.

— Да, паръ бросается въ эту трубочку, но встрѣчаетъ тамъ чугунную преграду, такъ называемый поршень.

— Поршень? Это что такое?

— Это долго объяснять. Но представь себѣ, что этотъ поршень та же крышка отъ чайника. И вотъ паръ остановился передъ этой крышкой...

— И началъ толкать ее?

— Конечно. Но такъ какъ эта крышка соединяется при помощи особаго механизма съ колесами локомотива, то, толкая ее, паръ...

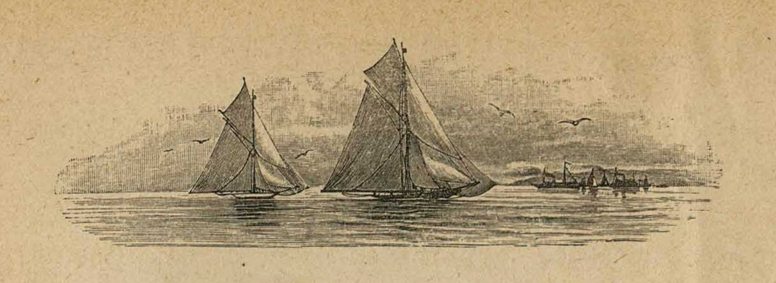
— Толкаетъ колеса, не такъ ли дѣдушка? А потомъ что̀?

— Потомъ выходитъ на волю, черезъ эту трубку. Такимъ образомъ, паръ, толкая поршень, поворачиваетъ колеса и двигаетъ локомотивъ, который тащитъ за собою тяжелые вагоны.

— Поѣздъ ѣдетъ!—сказалъ Сережа, подходя къ нимъ.

И въ ту же минуту издали раздался рѣзкій свистъ, а нѣсколько минутъ спустя поѣздъ подошелъ къ станціи.

ГЛАВА XX.

Пріѣздъ отца.

Но вотъ поѣздъ остановился, и пассажиры стали выходить изъ вагоновъ съ сакъ-вояжами и пакетами. Вскорѣ показался и отецъ Любочки; она первая увидала его.

— Вотъ папа! — крикнула она такъ громко, что обратила на себя вниманіе пассажировъ.

И вырвавшись отъ матери, она бросилась къ отцу, который схватилъ ее въ свои объятія.

— Дитя мое! Моя Любочка! Какъ ты выросла! Какъ похорошѣла! — говорилъ онъ, цѣлуя ее, жену, сына и дѣдушку.

И весело разговаривая, вся семья направились къ выходу, гдѣ ихъ ожидала карета.

Этотъ вечеръ походилъ на праздникъ. Къ Николаю Александровичу собралось много друзей и знакомыхъ поздравить его съ пріѣздомъ.

Но Любочка была очень недовольна этимъ вниманіемъ гостей; она разсчитывала провести вечеръ только въ обществѣ отца и потому при входѣ гостей дѣлала недовольныя гримаски.

Отецъ замѣтилъ это и, подозвавъ ее къ себѣ, шепнулъ ей:

— Завтра я прикажу не принимать никого, и мы одни проведемъ весь вечеръ. Вѣдь тебѣ этого хочется?

— Да, папочка!—отвѣтила радостно Любочка.

И дѣйствительно, на другой день Николай Александровичъ приказалъ слугѣ не принимать никого и расположился со всей семьей въ гостиной.

Всѣ слушали съ живѣйшимъ интересомъ его разсказъ о далекомъ путешествіи, прерывая его иногда вопросами. Сидя у него на колѣняхъ, Любочка чувствовала себя счастливой и не прервала его ни однимъ вопросомъ.

— Ну, теперь ваша очередь разсказать мнѣ, какъ вы поживали все это время. Положимъ, я многое уже знаю; напримѣръ, то, что Любочка постоянно надоѣдаетъ дѣдушкѣ и брату своими вѣчными «отчего?», на которыя они вынуждены отвѣчать «оттого!» Въ этомъ она не измѣнилась, и я радъ этому, потому что она своими «отчего» узнаетъ многое легче, чѣмъ изъ книгъ. Что касается твоей службы Сережа, то я знаю, что начальство очень довольно тобою и что ты скоро получишь повышеніе, но изъ твоихъ послѣднихъ писемъ я догадываюсь, что у тебя есть какая-то тайна.

Эти слова ободрили Сережу; онъ хотѣлъ-было сказать отцу, что намѣренъ посвататься къ Вѣрѣ Алексан-

дровнѣ Гурьевой, но, вспомнивъ вдругъ приписку въ письмѣ отца, сильно встревожился.

-- Ну, что же ты не говоришь, Сережа?—спросилъ Николай Александровичъ, съ любовью глядя на сына.

— Да, я долженъ сообщить тебѣ важное для меня дѣло. Прошлое лѣто мама встрѣтила въ Ялтѣ свою хорошую подругу по пансіону. У этой дамы есть дочь...

— Вѣра, мой лучшій другъ!—воскликнула Любочка.

— Вотъ какъ! У тебя есть другъ?

— Да, папочка, я ее очень люблю!

— Надежда Петровна Гурьева вдова...—продолжалъ Сережа, но вдругъ остановился, замѣтивъ, что отецъ его поблѣднѣлъ и провелъ рукою по лбу, какъ бы желая отогнать тяжелое воспоминаніе.

Всѣ удивились и съ недоумѣніемъ посмотрѣли на Николая Александровича.

— Продолжай, Сережа!—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Увидавъ Вѣру Александровну, я невольно почувствовалъ къ ней глубокое влеченіе, и мама и дѣдушка одобрили мой выборъ. Госпожа Гурьева также изъявила согласіе на этотъ бракъ, который составитъ счастье моей жизни, и я надѣюсь, что Вѣра Александровна также не откажетъ мнѣ.

— Конечно, конечно! —заявила Любочка, знавшая мысли своей большой подруги.

Николай Александровичъ быстро поднялся съ кресла и, очевидно, взволнованный чѣмъ-то, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

Не понимая волненія отца, Сережа съ тревогой ожидалъ отвѣта.

— Дорогой Сережа, — сказалъ наконецъ Николай Александровичъ, подходя къ сыну.—Раньше, чѣмъ отвѣтить тебѣ, я хочу имѣть свѣдѣнія о семьѣ Гурьевыхъ. Помнишь, о чемъ я спрашивалъ въ послѣднемъ письмѣ?

— Помню, папа. Ты хотѣлъ знать, служилъ ли членъ этой семьи мичманомъ въ 1855 году.

— Ну, и что́ ты узналъ?

— Надежда Петровна сообщила мнѣ, что братъ ея мужа, котораго она, впрочемъ, никогда не видала, служилъ въ то время во флотѣ.

Николай Александровичъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Какъ его звали?—спросилъ онъ.

— Петръ Сергѣевичъ.

— Это онъ!—пробормоталъ Николай Александровичъ упавшимъ голосомъ.

Никто не понималъ причины горя главы семейства, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали разгадки этого непонятнаго для всѣхъ допроса.

— И что́... съ нимъ сталось?—спросилъ дрогнувшимъ голосомъ Николай Александровичъ.

— Онъ погибъ во время Крымской кампаніи, — отвѣтилъ Сережа грустно, предчувствуя, что его счастью грозитъ опасность.

— Да, это онъ!.. въ 1855 году!.. Какое несчастье!..— бормоталъ Николай Александровичъ, предавшись тяжелымъ воспоминаніямъ.

Когда онъ наконецъ поднялъ голову, на глазахъ его блеснула слеза.

— Бѣдный Сережа!—сказамъ онъ, подходя къ сыну и обнимая его.—Этотъ бракъ невозможенъ.

Сережа уже ожидалъ этого ужаснаго отвѣта, но не желая еще болѣе опечалить отца, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, чтобы дать волю своему горю.

Прошло нѣсколько тяжелыхъ минутъ, какъ вдругъ сдержанныя рыданія вывели Николая Александровича изъ мрачнаго раздумья.

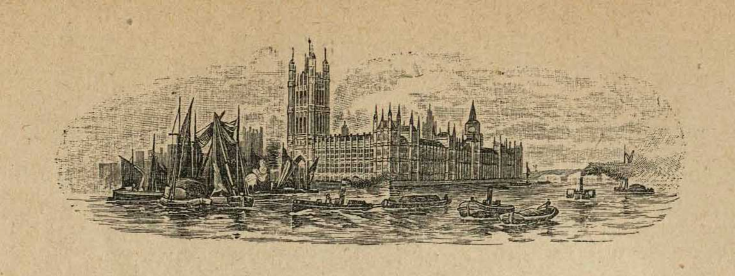
То была Любочка; она слышала все и, прижавшись къ матери, заливалась теперь горькими слезами.

— Неужели Любочка была тутъ? Какъ могъ я говорить при ней?...—удивился Николай Александровичъ, въ душѣ упрекая себя.—Не плачь, моя дорогая, — сказалъ онъ, вытирая ей глаза,—у меня и безъ того большое горе!..

Любочка хотѣла-было спросить отца, какое у него горе, но не посмѣла, и послушно отправилась съ матерью въ свою спальню.

— Вернись потомъ сюда, Елена,—шепнулъ Николай Александровичъ женѣ,—я долженъ сообщить тебѣ и дѣдушкѣ ключъ къ этой печальной тайнѣ.

ГЛАВА XXI.

Тайна.

Елена Николаевна поспѣшила вернуться въ гостиную, гдѣ ее молча ожидали отецъ и мужъ.

— Вы только-что были свидѣтелями тяжелой сцены, во время которой я вынужденъ былъ отказать Сережи въ своемъ согласіи на этотъ бракъ; но вы легко поймете, что у меня на это есть очень важная причина. Чтобы объяснить вамъ причину этого отказа, я долженъ вернуться къ своему прошлому. То случилось весною 1855 г., во время Крымской кампаніи, когда я съ моимъ судномъ находился въ Севастополѣ. Утромъ 20 мая— число которое навсегда останется у меня въ памяти, одинъ мичманъ сильно оскорбилъ меня. Какъ старшій, я могъ бы наказать его, но какое-то рыцарское чувство не допустило меня до этого, и я потребовалъ у него удовлетворенія за оскорбленіе. То было во время войны, и потому дуэль должна была состояться тайно.

Мы выбрали преданныхъ секундантовъ и явились въ условленное мѣсто. Тамъ мы скрестили шпаги и, послѣ недолгой борьбы, я глубоко ранилъ его въ грудь. Секунданты тотчасъ увели его. Вечеромъ того же дня я получилъ приказъ уѣхать, а черезъ нѣсколько дней узналъ, что мой несчастный противникъ скончался. Это глубоко поразило меня, и этотъ несчастный случай до сихъ поръ лежитъ тяжелымъ камнемъ на моей совѣсти.

Кончивъ разсказъ, Николай Александровичъ печально поникъ головой, вспоминая ужасную сцену той дуэли.

Наконецъ онъ очнулся и грустно взглянулъ на жену.

— Вы, вѣроятно, уже догадываетесь, кто былъ этотъ несчастный мичманъ, и поймете, почему этотъ бракъ невозможенъ и почему мой сынъ не можетъ вступить въ семью, членъ которой погибъ отъ моей руки?

— Мы понимаемъ, дорогой мой,—сказала Елена Николаевна, подходя къ мужу,—какъ тебѣ должно быть тяжело теперь, и жалѣемъ тебя отъ всего сердца!

— Теперь надо пожалѣть Сережу, потому что онъ невинно страдаетъ изъ-за меня!..

— Надо пожалѣть тоже и Любочку!—замѣтилъ дѣдушка, никогда не забывавшій свою внучку.—Вы видѣли, какъ велико было горе бѣдняжки. Она обожаетъ Вѣрочку, и лучше ей теперь не говорить всей правды.

— Вы правы, Николай Степановичъ; поговорите съ Любочкой и не откажите сообщить Надеждѣ Петровнѣ Гурьевой причину, почему бракъ этотъ невозможенъ.

— Объявить это Надеждѣ Петровнѣ!—воскликнула Елена Николаевна.—Что́ ты ей скажешь, отецъ?

— Правду!—сказалъ спокойно Николай Степановичъ.

— Правду?—испугалась Елена Николаевна.

— Твой отецъ правъ!—замѣтилъ Николай Александровичъ.—Самое лучшее сказать правду.

Кромѣ того, на семейномъ совѣтѣ рѣшили сообщить Сережѣ также правду.

На слѣдующее утро Любочка, по обыкновенію, пришла къ своему дѣдушкѣ. Глаза ея были красны отъ слезъ, и она грустно поцѣловала его.

Старикъ, напротивъ, держался такъ, какъ будто ничего не случилось. Онъ тотчасъ замѣтилъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела вчерашняя вѣсть на его внучку, и рѣшилъ заставить ее забыть свое горе.

Поэтому Любочка очень удивилась, заставъ своего дѣдушку въ веселомъ настроеніи, и невольно спрашивала себя, не сонъ ли все то, что́ она слышала вчера.

Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, она обратилась къ старику съ вопросомъ:

— Значитъ, все уладилось, дѣдушка?

— Что́ уладилось? — спросилъ онъ, показывая видъ, что не понимаетъ вопроса.

— Ну, ты вѣдь знаешь... свадьба Сережи съ Вѣрочкой.

— А, вотъ что́ тебя интересуетъ!

— Ну да, конечно!

И Любочкѣ показалось даже невѣроятнымъ, чтобы ея дѣдушка могъ не интересоваться этимъ вопросомъ.

— Ну, это дѣло, вѣроятно, уладится! – отвѣтилъ онъ.

— Правда, дѣдушка?!—вскричала Любочка, внѣ себя отъ радости.

— Правда, милочка. Я думаю, что эти препятствія скоро исчезнутъ.

Но Любочка не удовлетворилась этимъ уклончивымъ отвѣтомъ и пристально посмотрѣла на своего дѣдушку, какъ бы желая узнать, правду ли онъ говоритъ.

Теперь старикъ находилъ, что дѣвочкѣ слѣдуетъ сказать правду, но, опасаясь за ея здоровье, рѣшилъ исподволь подготовить ее, и потому уклончиво отвѣтилъ:

— И отчего бы Вѣрочкѣ не выйти замужъ за Сережу, если не будетъ препятствій? Вѣдь ты сама же знаешь, что папа и мама желаютъ счастья Сережи. Надо только подождать.

— А долго придется ждать?

— Не думаю, что долго.

— Значитъ, мнѣ позволятъ видѣться съ Вѣрочкой, какъ прежде? Говори же, дѣдушка?

Голосъ Любочки дрожалъ отъ волненія. Желая разсѣять ея подозрѣнія, Николай Степановичъ рѣшилъ обѣщать ей, что она будетъ видѣться съ своей подругой.

— Конечно, конечно, тебѣ позволятъ!—сказалъ онъ, съ любовью гладя ее по головкѣ.

— Теперь я вѣрю тебѣ, дѣдушка!—воскликнула Любочка.—Мы съ тобой скоро уничтожимъ эти противныя препятствія; не такъ ли? Вѣдь ты поможешь мнѣ, да?

— Да, дорогая моя, въ этомъ ты можешь быть увѣрена.

— О, какой ты добрый!—сказала Любочка, обнимая его.—Не даромъ всѣ называютъ тебя добрымъ дѣдушкой!

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Николай Степановичъ отправился къ Гурьевымъ. Надежда Петровна и Вѣрочка

встрѣтили его съ радостью; но когда они замѣтили его серьезный, грустный видъ, въ нихъ тотчасъ зародились опасенія, что онъ явился съ недоброю вѣстью.

— Позвольте мнѣ поговорить съ вами наединѣ,— сказалъ онъ Надеждѣ Петровнѣ.

По знаку матери Вѣрочка тотчасъ вышла изъ гостиной, сильно встревоженная.

— Я вижу, что вы предчувствуете цѣль моего визита,—началъ печально Николай Степановичъ.

— Что́ вы хотите сказать? — спросила Надежда Петровна взволнованнымъ голосомъ.

— Я пришелъ сказать вамъ, что бракъ нашихъ дѣтей не можетъ состояться.

— О, Боже мой! Но какая же ужасная причина можетъ мѣшать счастью моей дочери?

— Вы вѣрно сказали: причина ужасная! И вы не повѣрите, какъ велико было горе моего зятя, когда онъ долженъ былъ отказать сыну въ своемъ согласіи.

— Горе вашего зятя?—удивилась Надежда Петровна.— Я этого не понимаю! Отецъ отказываетъ сыну, и самъ же огорченъ своимъ отказомъ? Тутъ есть какая-то тайна!

— Вы угадали, Надежда Петровна, и я пришелъ сообщить вамъ эту тайну отъ его имени.

Эти слова глубоко взволновали Надежду Петровну; она собрала всѣ свои силы и попросила Николая Степановича продолжать.

Онъ подробно разсказалъ все, что́ зналъ о несчастной дуэли своего зятя, послѣдствія которой сдѣлались роковыми для обоихъ семействъ.

Выслушавъ разсказъ, Надежда Петровна глубоко задумалась. Она сознавала, что счастье ея дочери потеряно навсегда и раздѣляла горе Бартенева, который невольно сдѣлался виновникомъ несчастья своего сына и ея дочери.

— Благодарю васъ, Николай Степановичъ,—сказала она печально,—что вы рѣшились сказать мнѣ правду. Къ несчастью, вы правы: бракъ этотъ не можетъ состояться.

Наступило тяжелое молчаніе.

— Я не знала несчастнаго брата моего мужа,—продолжала она,—потому что вышла замужъ послѣ его смерти. Къ тому же мужъ мой никогда не говорилъ мнѣ объ этой дуэли!.. Онъ сказалъ мнѣ только, что его братъ погибъ во время Крымской войны!

— Дорогая Надежда Петровна, это весьма понятно: зачѣмъ ему было смущать вашъ покой?

— Вы правы! — согласилась Надежда Петровна, и изъ груди ея вырвался глубокій вздохъ.—О, Боже мой!—застонала она, поднося платокъ къ глазамъ.—Бѣдная, бѣдная Вѣрочка!.. Что́ будетъ съ тобою?..

Николай Степановичъ выждалъ, когда утихнетъ горе несчастной матери, и когда она, наконецъ, овладѣла собою, сказалъ ей:

— Вы не удивляйтесь, дорогая Надежда Петровна, если Любочка попрежнему будетъ навѣщать вашу дочь. Она случайно слышала, что́ говорилъ отецъ, и это такъ сильно поразило ее, что мы, въ видѣ утѣшенія, увѣрили ее, что все скоро уладится. Предупредите объ этомъ Вѣру Александровну и скажите ей, что Любочка знаетъ не всю правду и надѣется, что скоро все уладится.

— Но когда-нибудь вы должны же будете сказать ей правду!—замѣтила Надежда Петровна.

— Да, но предоставимъ это времени.

— Вы правы, время излѣчиваетъ всякія раны!— сказала печально Надежда Петровна, вспомнивъ какое горе ожидаетъ ея дочь.

Послѣ ухода Николая Степановича въ гостиную тотчасъ вошла Вѣрочка. Лицо ея было блѣдно, и она, повидимому, уже догадалась, какое несчастье ее постигло.

Мать и дочь поняли другъ друга съ перваго взгляда, и Вѣрочка, рыдая, бросилась въ открытыя объятія матери, чтобы облегчить свое горе слезами.

Наконецъ, она подняла голову и тихо спросила:

— Отчего его отецъ не согласенъ?

Надежда Петровна осторожно передала дочери всю правду. Эта вѣсть поразила Вѣрочку, тѣмъ болѣе, что она раньше никогда не слышала объ этой дуэли. Сердечное участіе Любочки отчасти смягчило ея горе, и обѣщанные визиты ея маленькой подруги показались ей добрымъ предзнаменованіемъ.

Въ домѣ Бартеневыхъ также водворилась печаль, хотя всѣ старались не выказывать этого при Любочкѣ.

Тѣмъ не менѣе Любочка замѣтила, что ея родные очень молчаливы и серьезны; но она надѣялась, что все скоро уладится.

Черезъ нѣсколько дней она попросила у матери позволенія повидать свою большую подругу.

Елена Николаевна не знала, что́ отвѣтить дочери; ей было извѣстно, что отецъ ея обѣщалъ это Любочкѣ,

но она надѣялась, что дочь не вспомнитъ такъ скоро объ этомъ.

Молчаніе матери встревожило Любочку.

— Мамочка, развѣ ты не хочешь, чтобы я ходила къ Вѣрочкѣ?—спросила она съ безпокойствомъ.—Вѣдь дѣдушка обѣщалъ мнѣ, что я буду ее навѣщать!

Замѣтивъ на лицѣ дочери тревогу и слезы, Елена Николаевна, скрѣпя сердце, позвала горничную и велѣла ей проводить дочь къ Гурьевымъ, съ тѣмъ, чтобы она оставалась тамъ недолго.

При видѣ подруги Любочка бросилась ей на шею.

— О, моя дорогая Вѣрочка,—говорила она,—какъ я рада, что снова вижу тебя! Мнѣ казалось, что мы никогда не увидимся!.. Ты, кажется, плакала? Но успокойся, моя дорогая! Скоро все уладится, все устроится! Это мнѣ обѣщалъ мой добрый дѣдушка!

Бѣдная Вѣрочка не знала, что́ отвѣтить на эти утѣшенія. Она улыбалась сквозь слезы и горячо цѣловала своего маленькаго друга. Тѣмъ не менѣе вопросы Любочки сильно смущали ее; но, къ счастью, пришла Надежда Петровна и отвлекла Любочку отъ этого разговора, а вслѣдъ затѣмъ явилась горничная, чтобы увести ее домой.

Уходя, Любочка обѣщала подругѣ скоро снова навѣстить ее и, цѣлуя ее, утѣшала словами:

— Будь спокойна, скоро все уладится, все устроится!

ГЛАВА XXII.

Сны.

Нѣсколько дней спустя Любочка съ крикомъ проснулась утромъ и приподнялась на постели. Глаза ея были полны слезъ и блуждали по комнатѣ, повидимому, не узнавая знакомыхъ предметовъ.

— Мамочка!—закричала она, внѣ себя отъ ужаса.

Елена Николаевна прибѣжала на этотъ крикъ, подняла поспѣшно шторы и увидала испуганное личико дочери.

— Чтó съ тобою, милочка? — спросила она съ безпокойствомъ, садясь на край постели.

Увидавъ мать, Любочка бросилась къ ней въ объятія съ такимъ видомъ, какъ будто искала защиты отъ страшной опасности.

Въ это время яркій солнечный лучъ освѣтилъ комнату, и Любочка пришла въ себя.

Сначала она обвела глазами свою постель, стѣны и мебель, а затѣмъ со вздохомъ облегченія обняла свою мать.

— Ахъ, мама, какой сонъ! Какой гадкій сонъ я видѣла!—сказала она.—Ты здѣсь!.. Это моя комната, и я лежу въ моей постели!.. Какое счастье!..

— Что́ же тебѣ приснилось, дѣточка?

— Ахъ, мама! То былъ ужасный сонъ!

— Какой сонъ, милочка?

— Ахъ, мама, мнѣ страшно, какъ вспомню о немъ.

— Ну, успокойся, дѣточка. Разскажи свой сонъ.

— Представь себѣ, мамочка, я видѣла, будто я была непослушна и огорчила тебя... И вотъ тогда вдругъ какая-то злая, старая колдунья спустилась въ мою комнату черезъ дыру въ потолкѣ...

При этихъ словахъ Любочка остановилась и взглянула на потолокъ, какъ бы желая убѣдиться, что онъ цѣлъ.

— Эта гадкая колдунья,—продолжала она,—спустилась въ мою комнату верхомъ на метлѣ и подбѣжала прямо къ моей постели!.. Я такъ сильно испугалась, мамочка, что даже не могла кричать! И вотъ она взглянула на меня своими злыми глазами, въ которыхъ, вмѣсто зрачковъ, сверкали раскаленные уголья, потомъ придавила меня и вцѣпилась мнѣ въ грудь костлявыми пальцами, на которыхъ торчали огромные кривые когти. «Ты была непослушна, и я теперь накажу тебя за это!» сказала она страшнымъ голосомъ, а когда я спряталась, она крикнула мнѣ: «Ты не уйдешь отъ меня, я унесу тебя съ со-

бой!» И въ ту же минуту я почувствовала, что она подняла меня съ постели, посадила къ себѣ на метлу и вылетѣла со мною въ окно, хотя оно было совсѣмъ закрыто. Затѣмъ мы вихремъ поднялись за тучи, такъ что у меня со страху голова закружилась, и вдругъ я почувствовала, что падаю съ страшной высоты... Проснувшись, я не знала, сплю ли я или нѣтъ, и оттого закричала.

И Любочка снова нѣжно прижалась къ матери, которая, лаская ее, все время задумчиво слушала ея разсказъ.

— О чемъ ты задумалась, мамочка? — спросила она.

— Это я скажу тебѣ послѣ, за завтракомъ. Теперь же, милочка, пора вставать. Дай, я помогу тебѣ одѣться.

Елена Николаевна откинула въ сторону одѣяло, изъ-подъ котораго послышалось странное чиханье.

— Это что́ такое?—спросила она, съ изумленіемъ глядя на дочь.

— Я ихъ забыла тамъ, мамочка.

— Кого забыла?

И приподнявъ одѣяло, Елена Николаевна увидала на постели Снѣжинку и Амишку.

— Ахъ, Любочка!—сказала она съ упрекомъ.—Вѣдь я запретила тебѣ брать ихъ въ постель!

— Прости, мамочка! — отвѣтила въ смущеніи Любочка.—Но вчера вечеромъ Лиза забыла ихъ здѣсь, а я подумала, что имъ будетъ холодно.

— Обѣщай мнѣ впредь никогда не дѣлать этого!

— Обѣщаю, мамочка!

И Любочка закрѣпила свое обѣщаніе такимъ горячимъ поцѣлуемъ, что ея мать не могла не улыбнуться.

Наступилъ часъ завтрака, и вся семья собралась въ столовой. Горе Сережи наводило грусть на всѣхъ и въ особенности на отца, невольнаго виновника его несчастія.

Одна только Любочка надѣялась, что «все устроится», и своими «отчего?» нѣсколько оживляла всѣхъ.

Въ концѣ завтрака Елена Николаевна разсказала всѣмъ, какой сонъ приснился ночью Любочкѣ.

— Мы условились,—сказала она въ заключеніе,—никогда не разсказывать ей глупыхъ сказокъ, между тѣмъ она, вѣроятно, слышала вчера отъ кого-нибудь разсказъ о колдуньяхъ. Скажи мнѣ, дѣточка, кто разсказалъ тебѣ эту исторію? Должно быть, Лиза?

— О, нѣтъ, мамочка!—поспѣшно отвѣтила Любочка.

— Я запретила Лизѣ разсказывать тебѣ сказки, и очень удивилась бы, еслибы она ослушалась. Такъ кто же, дѣточка?

— Марья,—пробормотала нехотя Любочка, чувствуя, что подвергаетъ кухарку строгому выговору.

— Марья!..

— Да, она пришла вчера въ мою комнату къ Лизѣ, а когда Лиза вышла за чѣмъ-то, Марья разсказала мнѣ про коддунью, которую я потомъ видѣла во снѣ.

— Я сдѣлаю Марьѣ за это выговоръ,—сказала Елена Николаевна.—Если же тебѣ, дѣточка, кто-нибудь впредь будетъ разсказывать такія глупыя исторіи, то ты будь умницей и не слушай ихъ, или же посмѣйся надъ ними.

— Да, да, мамочка, я буду умницей, потому что не хочу больше видѣть такіе гадкіе сны. Но скажи мнѣ, папочка, отчего видишь сны?

Отецъ улыбнулся.

— Я такъ и думалъ, что ты задашь намъ этотъ вопросъ,—сказалъ онъ;—но спроси-ка лучше брата: у него для твоихъ «отчего?» всегда наготовѣ «оттого!».

— Ну, скажи, Сережа, отчего бываютъ сны?

— А отчего спятъ?—спросилъ онъ сестру.

— Отчего спятъ? Оттого, что днемъ устаютъ.

— Вѣрно. Наше тѣло отдыхаетъ ночью отъ дневной работы такъ же, какъ и нашъ мозгъ.

— Мозгъ?

— Да, мозгъ. Это цѣлая связка нервовъ, которая находится за твоимъ маленькимъ лбомъ. Мозгъ работаетъ весь день, потому что обязанъ перерабатывать твои впечатлѣнія и приводить мысли въ исполненіе. Онъ очень нуждается въ отдыхѣ, и этотъ отдыхъ мы называемъ сномъ. Однако, наше тѣло не вполнѣ отдыхаетъ во время сна. Сердце наше продолжаетъ биться, а легкія не перестаютъ дышать. Но за этимъ слѣдитъ главнымъ образомъ спинной мозгъ, который съ помощью нервовъ заставляетъ сердце биться не такъ сильно, какъ днемъ, и позволяетъ легкимъ дышать слабѣе и ровнѣе.

— А еслибы спинной мозгъ совсѣмъ отдыхалъ,—замѣтила Любочка,—то легкія перестали бы дышать, сердце не стало бы биться и...

— И насъ быстро постигла бы смерть. Но какъ ни важенъ для нашего тѣла спинной мозгъ, онъ все же не болѣе, какъ слуга головного мозга.

— Отчего же?

— Оттого, что отъ него идутъ къ спинному мозгу

тоненькія нити, т.-е. нервы; а оттуда уже они расходятся по всему нашему тѣлу и оканчиваются въ кожѣ, составляя такимъ образомъ органы осязанія, обязанность которыхъ узнавать жаръ, холодъ, форму и тяжесть предметовъ. Теперь представь себѣ, что ты находишься въ темной комнатѣ, изъ которой хочешь перейти въ другую. Ты идешь ощупью и вдругъ наталкиваешься на запертую дверь. Ты начинаешь искать ручку и, наконецъ, нервы, находящіеся на кончикахъ твоихъ пальцевъ, находятъ ее. Чтó же они тогда дѣлаютъ? Они тотчасъ даютъ знать спинному мозгу, что нашли ручку, а спинной мозгъ, въ свою очередь, немедленно увѣдомляетъ объ этомъ головной мозгъ и спрашиваетъ его, чтó дѣлать? На этотъ вопросъ головной мозгъ отвѣчаетъ, что надо отворить дверь, и спинной мозгъ тотчасъ передаетъ это приказаніе нервамъ, которые, въ свою очередь, приказываютъ мускуламъ руки повернуть ручку и отворить дверь.

— О, сколько хлопотъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ отворить дверь!—воскликнула Любочка.

— Ты права, милочка. Но вернемся теперь къ твоему сну. Когда ты легла, тебѣ хотѣлось спать или, другими словами, твоему мозгу нуженъ былъ отдыхъ. Но онъ никогда не отдыхаетъ вполнѣ. Самыя сильныя впечатлѣнія, поразившія его днемъ, остаются въ немъ и во время отдыха еще достаточно живы, и вотъ разсказъ о колдуньѣ произвелъ на него, очевидно, сильное впечатлѣніе.

— О, да!—пробормотала Любочка.

— И это впечатлѣніе длилось и во время сна. Кромѣ того, засыпая, ты сознавала, что провинилась передъ мамой...

— Въ чемъ же?—удивилась Любочка.

— Въ томъ, что взяла на постель своихъ друзей!

— Да, правда!—согласилась Любочка, краснѣя, глядя на мать.

— Это сознаніе безпокоило тебя, и ты закрыла глаза съ мыслью, что виновата передъ мамой. Ночью твой мозгъ отдыхалъ; но подъ утро, когда сонъ бываетъ уже не такъ крѣпокъ, онъ въ полудремотѣ смутно вспомнилъ разсказъ о колдуньѣ и о томъ, что ты была непослушна—и ты увидала гадкій сонъ. Но это еще не все. Ты помнишь, какъ колдунья придавила тебѣ грудь и вцѣпилась въ тебя когтями?

— Помню, Сережа!

— А я думаю, что та колдунья была не что иное, какъ твои друзья, Амишка и Снѣжинка, которые вздумали ночью прогуляться по твоему тѣлу. Это ощущеніе воспринялъ спинной мозгъ и передалъ его головному, но послѣдній не сознавалъ еще, въ чемъ дѣло, и, спутавъ впечатлѣнія о колдуньѣ и твоемъ непослушаніи, не могъ приказать рукѣ снять давившую тебя тяжесть. Вотъ отчего, милочка, видишь сны.

— Прекрасно!—воскликнулъ дѣдушка.

— Очень понятно!—замѣтилъ отецъ.—Ты выяснилъ тайну сновидѣній, какъ древній ассирійскій жрецъ.

ГЛАВА XXIII.

Воздушные шары.

Наступила весна. Вся природа проснулась послѣ долгаго зимняго сна, и деревья покрылись зелеными листьями. Любочка съ радостью встрѣтила это теплое время года и ходила гулять.

Между тѣмъ, въ семьѣ Бартеневыхъ ничто не измѣнилось; но Любочка была увѣрена, что скоро всѣ препятствія къ счастью брата исчезнутъ.

Однако Вѣрочки она уже давно не видала, потому что каждый разъ, какъ она собиралась навѣстить ее,

являлся какой-нибудь благовидный предлогъ, и она вынуждена была отложить посѣщеніе до другого дня, а тогда опять что-нибудь мѣшало ей побывать у подруги.

Возвращаясь съ дѣдушкой вечеромъ съ прогулки, она опять вспомнила свою большую подругу.

— Взгляни-ка наверхъ, милочка!—сказалъ ей дѣдушка, прервавъ ея думы.

Любочка подняла голову.

— Воздушный шаръ!—вскричала она.

Дѣйствительно, надъ церковью поднимался большой воздушный шаръ, плавно направлявшійся къ югу.

Любочка слѣдила за нимъ съ такимъ живымъ интересомъ, что дѣдушка поневолѣ долженъ былъ приготовиться къ цѣлому ряду новыхъ «отчего?».

И дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ съ языка Любочки сорвался вопросъ:

— Отчего, дѣдушка, шаръ поднимается?

— Оттого, что онъ легче воздуха. Если тяжесть какого-нибудь тѣла равняется вѣсу воздуха, какъ, напримѣръ, тучи, то оно свободно держится въ немъ; если же тѣло тяжелѣе воздуха, то оно падаетъ, а если легче, то поднимается, какъ, напримѣръ, дымъ и газъ.

— А воздушные шары?

— Они поднимаются оттого, что наполнены газомъ.

— А какъ дѣлаютъ воздушный шаръ?

— Это крѣпкая оболочка, наполненная газомъ.

— Изъ чего же дѣлаютъ эту оболочку?

— Обыкновенно ее дѣлаютъ изъ тафты и покрываютъ лакомъ, чтобы она не пропускала изъ себя газъ.

— А лодочка?

— Лодочку дѣлаютъ изъ легкаго, гибкаго матеріала, чтобы она не была тяжела и не сломалась отъ толчковъ во время спуска шара.

— Развѣ во время спуска шара бываютъ толчки?

— Да. Когда воздухоплаватель спускается къ землѣ, онъ бросаетъ съ лодки якорь на крѣпкой веревкѣ, чтобы зацѣпиться за дерево или за что-нибудь другое и такимъ образомъ остановить шаръ. Но если якорь не тотчасъ крѣпко зацѣпится, то вѣтеръ продолжаетъ гнать воздушный шаръ, и тогда лодочка тащится по землѣ и можетъ ударяться о деревья или дома.

— Это очень опасно для того, кто сидитъ въ лодкѣ?

— Да, очень опасно, и многіе изъ этихъ путешественниковъ уже поплатились жизнью за свою смѣлость. Это мученики науки.

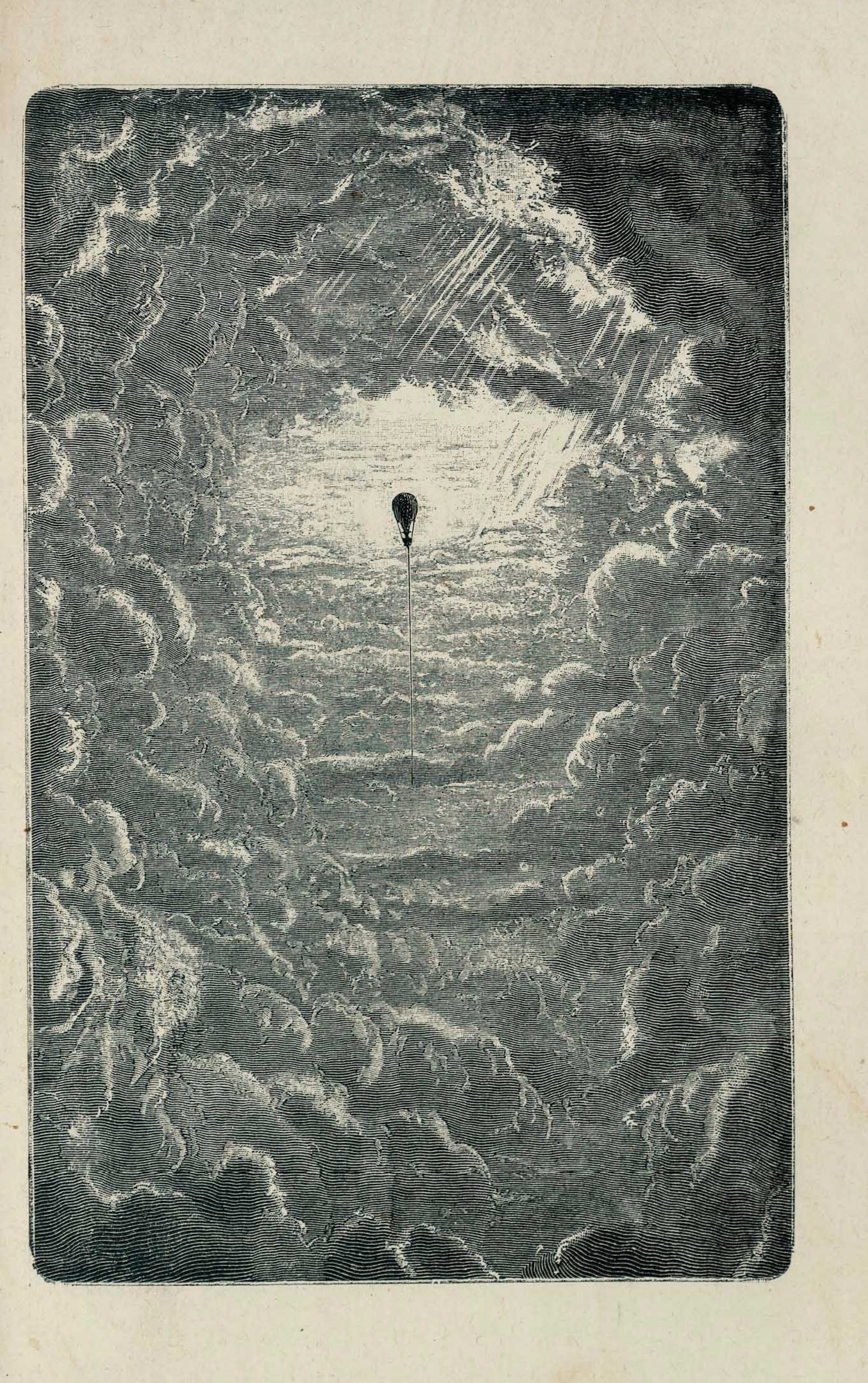
— А я думала, что они дѣлаютъ это только ради удовольствія!

— Правда, милочка, есть много такихъ, которые промышляютъ этимъ только изъ-за денегъ, но рядомъ съ ними есть много ученыхъ, какъ, напримѣръ, астрономы, физики, химики, которые поднимаются на воздухъ только ради научныхъ опытовъ.

— Теперь я знаю, дѣдушка, отчего шаръ поднимается; но ты не объяснилъ мнѣ, отчего онъ опускается? Вѣдь не можетъ же онъ навсегда остаться наверху.

— Вѣрно, дѣточка. Но скажи мнѣ, что́ заставляетъ воздушный шаръ подниматься?

— Газъ.

— А если выпустить газъ?

— Тогда шаръ упадетъ. Но какъ выпускаютъ газъ?

— Съ помощью клапана.

— Какого клапана? — спросила Любочка.

— Это маленькая металлическая форточка, придѣланная къ воздушному шару, отъ которой спускается въ лодочку веревка. Когда воздухоплаватель захочетъ спуститься, онъ потянетъ эту веревку и открываетъ форточку, черезъ которую газъ быстро вылетаетъ, послѣ чего шаръ начинаетъ опускаться.

— Въ прошломъ году, дѣдушка, я тоже видѣла воздушный шаръ. Но онъ поднимался очень медленно, и тогда человѣкъ, сидѣвшій въ лодочкѣ, выбросилъ оттуда два или три мѣшка съ чѣмъ-то. Отчего онъ это сдѣлалъ, и что́ было въ тѣхъ мѣшкахъ?

— Песокъ.

— Зачѣмъ же онъ бралъ съ собою песокъ, а потомъ выбросилъ его?

— Воздушные шары всегда нагружаютъ мѣшками съ пескомъ, чтобы они сначала не слишкомъ быстро поднимались. Когда же хотятъ подняться скорѣе и выше, то выбрасываютъ излишнюю тяжесть.

— А для чего еще употребляютъ воздушные шары?

— Ихъ употребляютъ также во время войны, чтобы наблюдать за дѣйствіями непріятеля. Въ такихъ случаяхъ его держатъ на привязи, чтобы онъ не улетѣлъ.

— Развѣ нельзя иначе удержать воздушный шаръ?

— Къ сожалѣнію, нельзя. Тотъ, кто поднимается на воздушномъ шарѣ, не знаетъ, гдѣ онъ очутится, потому

что вѣтеръ можетъ унести его совсѣмъ не въ ту сторону, куда онъ хочетъ направиться. Но въ настоящее время ученые люди изучаютъ воздушныя теченія, и если имъ удастся изучить ихъ такъ же хорошо, какъ они изучили морскія теченія, то управлять воздушными шарами можно будетъ съ бо́льшимъ успѣхомъ.

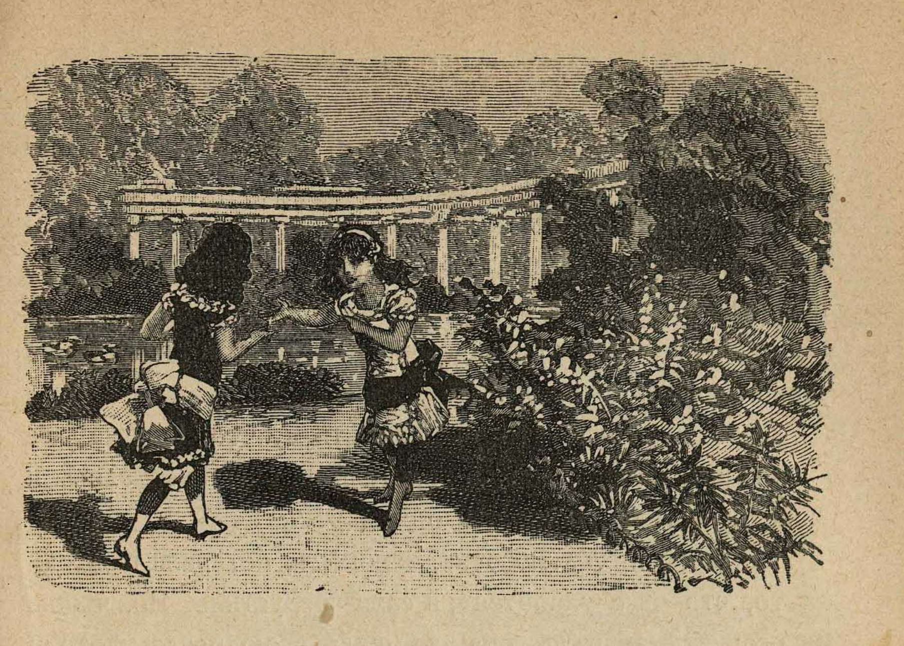
— Ахъ, какъ жаль,—вздохнула Любочка,—что ими нельзя управлять, какъ лошадьми. Тогда бы, вмѣсто экипажей, у насъ были воздушные шары, и я могла бы навѣщать моихъ подругъ, садясь изъ окна въ воздушный экипажъ, а швейцары наши стояли бы на крышахъ, а не внизу у дверей! Ахъ, какъ это было бы интересно!

— И пятый этажъ былъ бы тогда первымъ, а чердаки очутились бы на мѣстѣ подваловъ!—сказалъ дѣдушка, заканчивая мысль своей внучки.

— Какъ это было бы странно, дѣдушка! Но неужели не придумаютъ, какъ управлять воздушными шарами?

— Можетъ быть, и придумаютъ; въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Можетъ быть, ученые современемъ изобрѣтутъ, вмѣсто воздушныхъ шаровъ, такіе аппараты, на которыхъ можно будетъ путешествовать по воздуху даже противъ вѣтра. Тогда они замѣнятъ не только наши экипажи, но и желѣзныя дороги, и пароходы...

— Вотъ было бы хорошо!—воскликнула Любочка.— Тогда бы папѣ не надо было ѣздить по этому гадкому морю, и мы бы не безпокоились такъ много, когда онъ уѣзжаетъ!

ГЛАВА XXIV.

Свиданіе съ Соней.

Съ наступленіемъ весны городской садъ снова оживился подъ теплыми лучами майскаго солнца. Цвѣты, распустились на лужайкахъ пестрымъ ковромъ, и зазеленѣла темная листва каштановъ, подъ сѣнью которыхъ вѣяло прохладой.

Любочка вышла изъ дому въ сопровожденіи Лизы и поспѣшно направилась по большой аллеѣ, гдѣ собралось множество дѣтей съ своими нянькалми и кормилицами.

На этотъ разъ Любочка не обратила никакого вниманія на нарядныхъ дѣвочекъ. Она спѣшила къ каменному мостику, который находился въ концѣ аллеи и возвышался

надъ маленькимъ прудомъ, въ прозрачной водѣ котораго весело плескались утки.

Тамъ она встрѣчалась съ своей подругой Соней, которая наканунѣ обѣщала ей узнать отъ матери важную новость.

Любочка была теперь очень озабочена и имѣла на то уважительныя причины.

Дѣло въ томъ, что она замѣтила, что Сережа все время такъ же грустенъ, а родители ея очень молчаливы и даже перестали упоминать о свадьбѣ.

Глядя на нихъ, Любочка, наконецъ, потеряла надежду на то, что «все уладится», и сама загрустила. Но, чтобы не огорчать другихъ, она скрывала свою печаль дома и предавалась ей только тогда, когда уходила съ Лизой въ садъ, гдѣ уже нѣсколько дней сряду встрѣчалась съ своей подругой Соней.

Въ первые дни она задумчиво садилась на скамью и, несмотря на просьбы Сони, отказывалась даже играть съ ней, а иногда была до того разсѣяна, что не слышала вопросовъ подруги.

Несмотря на всю свою вялость, Соня очень любила Любочку, и происшедшая съ ней перемѣна сильно удивила и заинтересовала ее.

— Чтó съ тобою?—спрашивала она неоднократно.

— Ничего,—отвѣчала обыкновенно Любочка.

Однако, наканунѣ Соня такъ настойчиво пристала къ ней, что Любочка, наконецъ, рѣшилась подѣлиться своимъ горемъ съ подругой.

Соня съ участіемъ выслушала разсказъ Любочки.

— Отчего же ты раньше не сказала мнѣ объ этомъ? Вѣдь все это я давно знала!

— Ты давно знала все это!—удивилась Любочка.— Кто же тебѣ сказалъ?

— Я слышала, какъ мамѣ разсказывали это.

Любочка задумалась.

— Боже мой!—вздохнула она:—какъ я была бы

счастлива, еслибы все это уладилось! Но я вижу, что на это нѣтъ надежды. Мнѣ даже не позволяютъ сходить обнять бѣдную Вѣрочку!

— Какое же это препятствіе?

— Не знаю. Когда папа узналъ, что Вѣрочкинъ дядя убитъ въ Крыму, онъ объявилъ, что свадьбѣ этой не бывать.

И Любочка сообщила подругѣ подробности сцены, при которой она присутствовала.

— Это очень странно!—замѣтила Соня, выслушавъ разсказъ.—И ты не знаешь, отчего этотъ случай мѣшаетъ свадьбѣ брата?

— Не знаю. Я спрашивала всѣхъ, но даже дѣдушка не хочетъ сказать мнѣ причину отказа папы. А мнѣ все кажется, что еслибы я это знала, то все бы уладилось! Ты не вѣришь мнѣ? Но увѣряю тебя, я такъ люблю папу, маму, брата и Вѣрочку, что мнѣ навѣрное удалось бы уничтожить это препятствіе!

— Сначала надо узнать причину,—замѣтила Соня.

— Легко сказать—узнать причину; но какъ узнать, когда никто не хочетъ сказать?

— Хочешь, я узнаю?

— Ты узнаешь?! Отъ кого же?

— Можетъ быть, отъ мамы.

— О, добрая, милая Соня! Какъ я буду тебѣ благодарна за это!—воскликнула Любочка, горячо обнимая подругу.

— Погоди благодарить меня, Любочка,—остановила ее Соня,—можетъ быть, новость будетъ такая, что ты

пожалѣешь, что узнала ее. Приходи сюда завтра въ это время, и я разскажу тебѣ все, чтó узнаю.

Вотъ почему Любочка была такъ сильно озабочена въ этотъ день и спѣшила повидаться съ своей подругой.

Не встрѣтивъ подругу на обычномъ мѣстѣ, Любочка осмотрѣлась съ безпокойствомъ и взглянула въ ту сторону, откуда она обыкновенно приходила. Вскорѣ она увидала издали Соню въ сопровожденіи горничной. Вѣроятно, вѣсти были невеселыя, потому что Соня шла неторопясь, а когда Любочка подбѣжала къ ней, то замѣтила въ ея томныхъ глазахъ оттѣнокъ грусти.

— Ты ничего не узнала?—спросила Любочка.

— Я узнала все.

— Такъ говори же скорѣй!

Соня грустно взглянула на свою подругу.

— Бѣдная Любочка,—сказала она,—лучше бы ты ничего не знала.

— Боже мой! чтó же ты узнала?

— Я узнала, что свадьба эта дѣйствительно невозможна.

Узнавъ отъ подруги причину препятствія къ свадьбѣ брата, Любочка горько заплакала, потерявъ всякую надежду на счастливый исходъ.

Соня молча, съ участіемъ смотрѣла на свою подругу, не желая мѣшать ей выплакать свое горе.

Вдругъ крупныя капли дождя зашумѣли въ листвѣ деревъ, и вдали раздались раскаты грома. Разразилась гроза, и кормилицы, бонны, няньки и остальная публика поспѣшили открыть свои зонтики и побѣжали укрыться

въ бесѣдкахъ, павильонахъ или подъ густою листвой деревъ.

Дождь полилъ, какъ изъ ведра, блескъ молніи становился ярче, а раскаты грома сильнѣе.

Любочка и Соня съ своими горничными также поспѣшили укрыться подъ густою листвой большого каштана.

Вдругъ ослѣпительный блескъ молніи заставилъ Любочку закрыть глаза, и раздался такой страшный громовой ударъ, что задрожала земля, а вслѣдъ затѣмъ въ сторонѣ послышался раздирающій душу вопль.

Любочка сильно испугалась и, взглянувъ въ ту сторону, увидала лежавшаго на землѣ человѣка, въ котораго, очевидно, ударила молнія.

Оказалось, что то былъ сторожъ сада. Всѣ бросились помогать несчастному и приводить его въ чувство.

Гроза и несчастный случай со сторожемъ сильно испугали дѣвочекъ, и онѣ въ страхѣ прижимались къ своимъ горничнымъ.

ГЛАВА XXV.

Молнія.

Вскорѣ гроза миновала. На главной аллеѣ показался Николай Степановичъ. Онъ былъ сильно встревоженъ и пришелъ отыскивать свою внучку.

— Дѣдушка, дѣдушка!—вскричала она, увидавъ его и бросаясь къ нему.—Какъ мнѣ было страшно!

— Я тоже очень безпокоился за тебя, дѣточка,— сказалъ онъ;—ты находилась около того мѣста, куда ударила молнія. Къ счастью, ты здорова и невредима.

— Но, къ несчастью, молнія убила бѣднаго сторожа.

— Нѣтъ, милочка, онъ только раненъ: я видѣлъ, какъ его уносили.

— Пойдемъ, дѣдушка, узнаемъ, что́ съ нимъ?

— Послѣ, дѣточка; сначала надо вернуться домой и успокоить маму.

— Да, правда, дѣдушка! Пойдемъ скорѣе!

Любочка простилась съ подругой и поспѣшно отправилась съ дѣдушкой домой.

Елена Николаевна уже знала, что Любочка цѣла и невредима, но мысль объ опасности, которой подвергалась ея дорогая дочь, сильно взволновала ее, и потому она съ нетерпѣніемъ поджидала Любочку.

Мать и дочь обнялись нѣжно, и Любочка, занятая еще всецѣло мыслью о бѣдномъ сторожѣ, тотчасъ разсказала матери объ этомъ несчастномъ случаѣ. Елена Николаевна утѣшила дочь обѣщаніемъ помочь этому бѣдному человѣку, а Любочка дала себѣ слово на другой же день навѣстить его.

Подъ впечатлѣніемъ этого происшествія она подошла къ дѣдушкѣ, усадила его въ кресло и сама сѣла рядомъ съ нимъ.

— Ну, дѣдушка, я слушаю!—сказала она.

— Что́ ты хочешь этимъ сказать?—спросилъ онъ, съ удивленіемъ глядя на нее и не понимая, зачѣмъ она усадила его въ кресло.

— Я жду объясненія.

— Какого?

— О молніи, разумѣется!—воскликнула она такимъ тономъ, который показывалъ, что въ эту минуту ни о чемъ другомъ не могло быть рѣчи.

— А! о молніи! Хорошо, хорошо!—сказалъ онъ, улыбаясь.—Я совсѣмъ забылъ о твоихъ вѣчныхъ «отчего?». Ты хочешь знать, что́ такое громъ?

— Ну да, дѣдушка!

— Хорошо. Громъ это шумъ и больше ничего. Ну, довольна ли ты?

И старикъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ подняться.

— Нѣтъ, нѣтъ! этого мнѣ мало! — вскричала Любочка. — Вѣдь ты это знаешь, дѣдушка! Зачѣмъ же смѣешься надо мной? Шумъ не можетъ причинять боль, значитъ, громъ не могъ ранить сторожа!

— Это сдѣлалъ не громъ.

— Такъ что́ же?

— Молнія.

— О, дѣдушка, какъ ты сегодня неясно отвѣчаешь,— сказала Любочка недовольнымъ голосомъ.—Вѣдь такъ я ничего не пойму.

— Ну, хорошо, хорошо!—засмѣялся старикъ, довольный, что немного подшутилъ надъ своей любимицей.— Я тебѣ сейчасъ объясню это, и подшутилъ надъ тобою только затѣмъ, чтобы ты потомъ не спутала громъ съ молніей. Скажи мнѣ, что́ ты видѣла и слышала во время грозы?

— Я слышала громъ... видѣла молнію и бѣлую огненную полоску, которая зигзагами упала въ ту сторону, гдѣ находился сторожъ.

— Вотъ эта огненная полоска и есть молнія, а громъ— это шумъ, который она производитъ.

— А что́ такое ударъ молніи?—спросила Любочка.

— Развѣ я тебѣ не объяснялъ, когда говорилъ о телеграфѣ, что электричество это одна изъ силъ природы, но что сила эта извѣстна намъ только по своимъ проявленіямъ, и что одно изъ этихъ проявленій и есть ударъ молніи.

— Да, дѣдушка, это ты говорилъ.

— Помнишь ли ты, какъ янтарь притягивалъ къ себѣ кусочки бумаги?

— Помню, дѣдушка!

— Въ этомъ опытѣ ты уже видѣла проявленіе электричества, и еслибы я потеръ тотъ янтарь и дотронулся имъ до твоего уха, ты услышала бы легкій трескъ, происшедшій отъ выдѣленія маленькой искры.

— Искры?

— Да, электрической искры, отдѣлившейся отъ янтаря при соприкосновеніи съ твоимъ тѣломъ. Но такая искра слишкомъ слаба, чтобы причинить тебѣ боль, и ее даже не видно. Но представь себѣ, что изъ янтаря или изъ другого тѣла выходитъ большая искра; тогда ты замѣтила бы ее, и она причинила бы тебѣ боль, а молнія не что иное, какъ огромная электрическая искра. Поняла, дѣточка?

— Да, дѣдушка. Но откуда происходитъ эта искра? Вѣдь въ воздухѣ нѣтъ ни янтаря, ни другого тѣла, которое выдѣляло бы электричество.

— А тучи?

— Правда. На небѣ есть тучи.

— Вотъ изъ этихъ грозовыхъ тучъ и выдѣляются электрическія искры, причемъ происходитъ сотрясеніе воздуха, т.-е. шумъ...

— Громъ?

— Да, громъ, а искра — это молнія.

— Развѣ молнія всегда ударяетъ въ землю?

— Нѣтъ, только тогда, когда тучи, насыщенныя

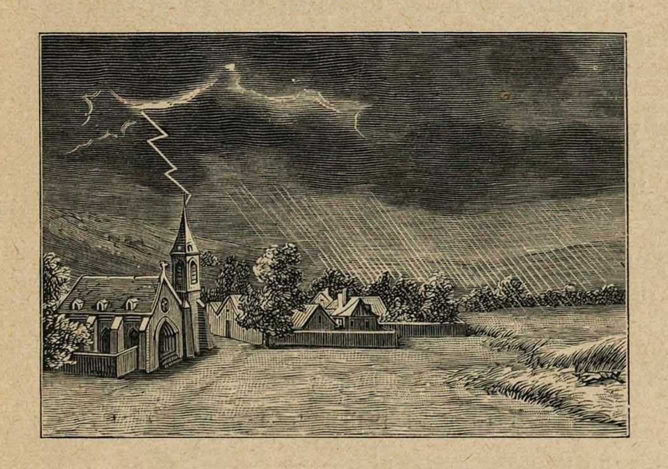
электричествомъ, спускаются низко къ землѣ. Если же гроза разражается высоко надъ землей, то электрическая искра поднимается вверхъ и теряется въ воздухѣ.

Любочка задумалась на минуту.

— Значитъ, когда нѣтъ тучъ, то пе можетъ быть молніи?

— Разумѣется!

— Однако, иногда лѣтомъ на небѣ бываютъ видны молніи, хотя тучъ совсѣмъ нѣтъ.

— Ты, вѣроятно, говоришь о зарницахъ, отблескахъ молніи?

— Да, дѣдушка.

— Однако, эти зарницы также происходятъ отъ тучъ, которыхъ мы не видимъ, потому что онѣ находятся такъ далеко за горизонтомъ, что мы даже не слышимъ грома.

— Скажи, дѣдушка, правда ли, что когда громъ загремитъ послѣ молніи, то уже нѣтъ опасности?

— Правда, дѣточка.

— Отчего?

— Оттого, что ты видишь молнію почти въ то же мгновеніе, какъ возникаетъ искра. Свѣтъ несется къ намъ съ быстротою 380.000 верстъ въ секунду, между тѣмъ какъ звукъ въ сравненіи съ нимъ лѣнивъ и проходитъ всего около 160 саженъ въ секунду. Поэтому громъ гремитъ всегда послѣ молніи.

— А черезъ сколько времени послѣ молніи начинаетъ гремѣть громъ?

— Это зависитъ отъ того, далеко ли отъ насъ тучи. Чтобы узнать это, слѣдуетъ, увидавъ молнію, тотчасъ считать «разъ, два, три» и т. д. со скоростью секунды, до того момента, когда загремитъ громъ, и если ты успѣешь сосчитать до пяти, то, значитъ, тучи находятся отъ насъ въ 5 разъ 160 саженъ, т.-е. на разстояніи 800 саженъ; если же ты успѣла насчитать только одну секунду, то онѣ отстоятъ отъ земли всего въ 160 саженяхъ.

— Но развѣ нельзя ничѣмъ отвести отъ себя ударъ молніи?—спросила Любочка.

— Этотъ вопросъ занималъ съ древнихъ временъ всѣ народы, которые въ то время жили почти подъ открытымъ небомъ. Громъ наводилъ на нихъ ужасъ, потому что они въ этомъ непонятномъ для нихъ явленіи видѣли гнѣвъ своихъ боговъ, угрозы и зловѣщія предсказанія.

— Развѣ они не знали причины грома?

— Нѣтъ, милочка, тогда еще не знали. Наука объ этихъ явленіяхъ была въ то время въ Римѣ и Аѳинахъ на весьма низкой ступени, и самые великіе философы гово-

рили вздоръ, разсуждая о молніи. Одинъ изъ нихъ даже утверждалъ, что молнія падаетъ съ планетъ Юпитера, Сатурна и Марса.

— Неужели! — улыбнулась Любочка.—Какъ же они охраняли себя отъ молніи?

— Разными пустяками. Вѣшали на двери летучихъ мышей, звонили въ колокольчики и украшали себя лавровыми вѣнками.

— Но вѣдь это не спасало ихъ отъ ударовъ молніи?

— Нисколько.

— А у насъ есть средство защиты отъ молніи?

— Есть. Одинъ великій ученый, Франклинъ, придумалъ громоотводъ.

— Это острые желѣзные шесты на крышахъ домовъ?

— Да, дѣточка.

— Жалко, что въ саду не было громоотвода! Тогда молнія не ударила бы въ бѣднаго сторожа.

Въ это время въ гостиную вошла Елена Николаевна

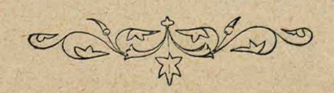
— Ты говоришь о сторожѣ?—спросила она дочь.

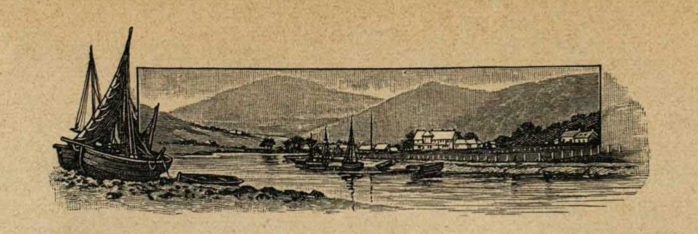
— Да, мамочка. Въ какомъ онъ положеніи? — спросила съ участіемъ Любочка.

— Бѣдный человѣкъ пораженъ параличемъ; но докторъ надѣется, что онъ поправится.

— А мнѣ можно будетъ, мамочка, навѣстить его?

— Можно, дѣточка. Кстати ты снесешь ему кое-что отъ насъ.

ГЛАВА XXVI.

Послѣднее «отчего» Любочки.

Любочка стала каждый день навѣщать больного сторожа въ его домикѣ. Дѣдушка Пахомычъ, какъ его звали обыкновенно, находился при смерти. Молнія опалила только его платье, но сотрясеніе мозга было такъ сильно, что кончилось параличемъ правой стороны тѣла.

Когда отецъ Любочки замѣтилъ, что его любимица сильно интересуется судьбой бѣднаго сторожа, то послалъ къ нему своего доктора, благодаря заботамъ котораго Пахомычъ сталъ быстро поправляться, и когда Любочка черезъ нѣсколько дней навѣстила своего больного, то застала его сидящимъ въ креслѣ. Онъ уже владѣлъ рукой, и одна только нога была еще скована параличемъ.

— Ахъ, дѣдушка Пахомычъ!—вскричала она.—Нѣтъ, нѣтъ, сидитс, не вставайте! Ахъ, какъ я рада! Вы уже

можете подниматься! Значитъ, вы скоро совсѣмъ поправитесь.

— Я тоже радъ, барышня, что скоро смогу пойти благодарить вашихъ добрыхъ родителей. Пока же позвольте благодарить васъ отъ всего сердца!

Съ этими словами старикъ притянулъ дѣвочку къ себѣ и сквозь слезы нѣжно поцѣловалъ ее.

Съ того несчастнаго дня Любочка ежедневно навѣщала бѣднаго сторожа и всегда приносила ему отъ матери или отца что-нибудь.

Старикъ Пахомычъ былъ старый солдатъ. На груди его красовался георгіевскій крестъ и множество другихъ медалей. Подъ суровою, грубою внѣшностью этого одинокаго старика скрывалось теплое, отзывчивое сердце, и онъ всей душой привязался къ своей маленькой покровительницѣ, которая такъ сердечно заинтересовалась его несчастіемъ.

Въ это утро, чувствуя себя почти здоровымъ, онъ думалъ о томъ, какъ бы ему отблагодарить этого милаго ребенка, и при этомъ воображеніе рисовало ему, что она находится въ опасности, а онъ съ радостью жертвуетъ своею жизнью ради ея спасенія.

Уже во время болѣзни онъ замѣчалъ грусть на ея миломъ личикѣ, но въ это утро его особенно поразилъ ея печальный видъ, и онъ невольно спрашивалъ себя, какое горе могло быть у этого ребенка, который, казалось, утопалъ въ счастьѣ и довольствѣ.

— Чтó съ вами, барышня?—спросилъ онъ наконецъ.

— Ничего, дѣдушка Пахомычъ!—отвѣтила Любочка.

И желая перемѣнить разговоръ, она указала пальцемъ на крестъ и медали, украшавшіе его грудь.

— Гдѣ вы получили этотъ крестъ?

— На Кавказѣ.

— А эту медаль?—спросила Любочка равнодушно, поднимаясь, чтобы идти домой.

— Въ Крымскую кампанію.

При этихъ словахъ Любочка съ живостью взглянула на сторожа.

— Въ Крымскую кампанію?—переспросила она.

— Ну, да,—отвѣтилъ старикъ, изумленный быстрой перемѣной, происшедшей съ его маленькой покровительницей.—Что́-жъ тутъ удивительнаго?

Любочка задумалась и даже не разслышала вопроса Пахомыча.

Глядя на нее, старикъ вспомнилъ давно забытое происшествіе изъ Крымской войны, въ которомъ участвовалъ какой-то Бартеневъ.

— Хотите, я разскажу вамъ одно приключеніе, въ которомъ участвовалъ офицеръ съ вашей фамиліей?—предложилъ онъ, желая развлечь ее.

— Съ нашей фамиліей?

— Да, его тоже звали Бартеневъ.

— Гдѣ же это было?—спросила Любочка съ безпокойствомъ.

— Въ Крыму!—отвѣтилъ Пахомычъ, съ улыбкой глядя на изумленное личико дѣвочки.

— О какомъ приключеніи вы говорите?

— О дуэли.

— О дуэли?.. — воскликнула Любочка, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.—Въ Крыму?.. съ офицеромъ Бартеневымъ?..

Не понимая волненія дѣвочки, старикъ только утвердительно кивнулъ головой.

Любочка залилась слезами.

— О, дѣдушка Пахомычъ!—вскричала она, рыдая.— Ни слова больше! Я знаю, чѣмъ это кончилось!

— Отчего же вы плачете?—спросилъ старый ветеранъ, пораженный тѣмъ, что слова его такъ сильно взволновали дѣвочку.

— Оттого, что тотъ офицеръ Бартеневъ—мой отецъ!— отвѣтила она сквозь слезы.

— Такъ что-жъ изъ этого! Я въ этомъ не вижу причины плакать,—сказалъ онъ, съ недоумѣніемъ глядя на нее.

— Ахъ, вы не знаете... Еслибы не было дуэли... еслибы противникъ отца не былъ...

— Вы говорите о мичманѣ Гурьевѣ?

— Да, еслибы онъ не былъ убитъ на дуэли...

— Чтó вы, чтó вы, барышня!—возразилъ съ живостью старый солдатъ:—мичманъ Гурьевъ не былъ убитъ на этой дуэли!

Любочка быстро подняла голову, и лучъ надежды блеснулъ въ ея глазахъ, но она тотчасъ снова поникла головой.

— Увы!—сказала она:—вы этого не знаете!

— Какъ не знаю!—возразилъ твердымъ голосомъ старикъ.—Я знаю это, я былъ свидѣтелемъ этой дуэли!

— Боже! Чтó я слышу! Возможно ли это!—вскричала Любочка, не вѣря своимъ ушамъ.—Но онъ все-таки погибъ отъ той раны!—прибавила она упавшимъ голосомъ.

— Нѣтъ, мичманъ Гурьевъ палъ со славою передъ Малаховымъ курганомъ.

Любочка широко открыла глаза, заблестѣвшіе такимъ счастьемъ, какому она едва осмѣливалась вѣрить.

— И все это правда, дѣдушка Пахомычъ? Вы не ошиблись? Это вѣрно?—повторяла она.—Вы не хотите, чтобы я заплакала опять?

— Правда, правда, барышня! Виноватъ, если я заставилъ васъ плакать! — отвѣтилъ взволнованный Пахомычъ.

— Да, вы заставили меня плакать, но вы не знаете, какую радость вы доставили намъ!

Видя, что старикъ совсѣмъ растерялся и съ недоумѣніемъ смотритъ на нее, Любочка рѣшилась объяснить ему тайну, и въ нѣсколькихъ словахъ передала ему все.

— А теперь, дѣдушка,—закончила она,—позвольте обнять васъ! Вы не повѣрите, какъ мы обязаны вамъ!

Такое сердечное спасибо дѣвочки тронуло стараго ветерана до глубины души.

Любочка позвала горничную, которая болтала съ женой другого сторожа, и сказала старику:

— Я теперь побѣгу домой, Пахомычъ. Ахъ, какъ всѣ будутъ счастливы!

Уже въ теченіе нѣсколькихъ минутъ старикъ напрягалъ всѣ силы, чтобы подняться, но это ему не удавалось. Замѣтивъ, что она уходитъ, онъ остановилъ ее словами:

— Подождите меня.

— Что́ вы хотите дѣлать, дѣдушка?—спросила она съ изумленіемъ, замѣтивъ только теперь его усилія.

— Я пойду съ вами и повторю вашему отцу все это. Развѣ я не долженъ поблагодарить его тоже за все добро, что́ онъ мнѣ сдѣлалъ?

— Но, дѣдушка, вамъ трудно... вамъ не дойти!— возразила Любочка съ теплымъ участіемъ.

— Нѣтъ, дойду!—отвѣтилъ онъ.

И собравъ всѣ свои силы, старикъ наконецъ поднялся. Сила воли побѣдила его немощь, и опираясь на Любочку и горничную, онъ добрелъ до дома Бартеневыхъ.

Въ это время вся семья собралась въ столовой завтракать. Изъ окна они видѣли, какъ старикъ сторожъ съ помощью Любочки и горничной подходилъ къ дому, и никто изъ нихъ не подозрѣвалъ въ эту минуту, какую радостную вѣсть онъ несетъ имъ Думали, что онъ пришелъ благодарить за оказанную ему помощь.

Войдя въ гостиную, Любочка усадила Пахомыча въ кресло и съ сіяющимъ отъ счастья лицомъ бросилась обнимать отца и мать.

— Ахъ, папа, мама, дѣдушка!—восклицала она.— Кто могъ думать, что все это уладится! А ты, Сережа, обними меня сейчасъ, и я очень обрадую тебя!

— Чѣмъ же?—удивился братъ.

— Теперь ничто не мѣшаетъ твоей свадьбѣ съ Вѣрочкой!..

Эти слова сильно встревожили отца Любочки.

— Что́ она хочетъ этимъ сказать?—спросилъ онъ, обращаясь къ женѣ и Николаю Степановичу.

— Я хочу сказать, папа, что знаю все!

— Чтó же ты знаешь, дѣточка?—спросилъ въ испугѣ отецъ.

— Что мичманъ Гурьевъ не былъ убитъ на дуэли.

— Чтó ты говоришь, дѣточка! Господь съ тобой!—вскричалъ Николай Александровичъ, думая, что его дочь впала въ горестную ошибку.

— Я говорю, чтó знаю!—отвѣтила Любочка.—А вотъ дѣдушка Пахомычъ знаетъ все этс лучше меня.

Всѣ смотрѣли съ изумленіемъ другъ на друга, не смѣя вѣрить этимъ словамъ.

— Да, это правда,—подтвердилъ Пахомычъ.

— Говорите, говорите, другъ мой!—просилъ его Николай Александровичъ.

И дѣдушка Пахомычъ повторилъ все, чтó передъ тѣмъ говорилъ Любочкѣ, а въ заключеніе прибавилъ, что мичманъ Гурьевъ былъ на дуэли только раненъ и лишился чувствъ. Сначала, дѣйствительно, думали, что рана смертельна, но она оказалась только очень мучительной и настолько неопасной, что черезъ нѣсколько дней больной совсѣмъ поправился и участвовалъ въ битвѣ подъ Малаховымъ курганомъ, гдѣ и палъ смертью храбрыхъ, исполнивъ свой долгъ. Въ этомъ Николай Александровичъ могъ бы давно удостовѣриться, еслибы навелъ справку въ военномъ министерствѣ.

Трудно представить себѣ, съ какою радостью всѣ выслушали разсказъ старика сторожа и какъ всѣ его благодарили за счастливую вѣсть.

Что же касается Любочки, то она вся сіяла отъ счастья и переходила изъ однихъ объятій въ другія.

— Дорогая дѣточка,—сказала ей мать,—скажи, какъ порадовать тебя за то счастье, которое ты доставила намъ?

— Позволь мнѣ, мамочка, первой сообщить эту вѣсть Вѣрочкѣ!—отвѣтила Любочка.

— Съ удовольствіемъ, милочка!

На этотъ разъ Елена Николаевна сама отправилась съ дочерью къ Гурьевымъ.

Со времени послѣдняго посѣщенія Любочки Вѣра Александровна совсѣмъ предалась своему горю. Она нигдѣ не показывалась и проводила почти всѣ дни въ своей комнатѣ. Мать чтила горе своей дочери и избѣгала заговаривать съ нею о предметѣ, который такъ живо занималъ ихъ обѣихъ. Вѣрочка все время надѣялась, что Любочка навѣститъ ее, и возлагала на это посѣщеніе свои послѣднія надежды. Но увы! Любочка не приходила. Хотя Вѣрочка и догадывалась, что родители мѣшаютъ ей исполнить свое обѣщаніе, она тѣмъ не менѣе вздрагивала каждый разъ, когда въ передней раздавался звонокъ, въ надеждѣ увидать свою маленькую подругу. Такъ прошло нѣсколько дней, и, наконецъ, отчаяніе овладѣло Вѣрочкой.

Но велико было изумленіе Надежды Петровны и Вѣры, когда къ нимъ неожиданно явилась Елена Николаевна съ дочерью, и велика была ихъ радость, когда Любочка бросилась на шею своей большой подруги со словами:

— Вѣдь я же говорила тебѣ... все устроится... Вотъ все и уладилось!..

Нѣсколько недѣль спустя отпраздновали свадьбу Се-

режи и Вѣрочки. Любочка присутствовала на ней въ видѣ прелестной подружки вмѣстѣ съ хорошенькой Соней Райской, принимавшей такое большое участіе въ этомъ событіи. Старый Пахомычъ былъ, разумѣется, героемъ дня. Но онъ былъ такъ смущенъ тѣми знаками благодарности, которыми его засыпали въ этотъ день, что не находилъ словъ, какъ благодарить за нихъ.

Вечеромъ дѣдушка вспомнилъ, что изъ всѣхъ Любочкиныхъ «отчего» онъ не хотѣлъ отвѣтить только на то, которому теперь двѣ семьи обязаны были своимъ счастьемъ, и, сожалѣя о томъ, онъ нѣжно обнялъ и расцѣловалъ свою ненаглядную внучку.

— Знаешь ли, моя золотая дѣточка,—сказалъ онъ, лаская ее,—я теперь люблю тебя больше, чѣмъ когда-нибудь.

Не понимая причины особенной нѣжности своего дѣдушки, Любочка съ изумленіемъ подняла на него свои большіе глаза и спросила:

— Отчего?

Любочкины

„Оттого!“

ГЛАВА I.

Оттого, что не хочу!

Оттого, что не хочу!

— Отчего же ты не хочешь?

— Оттого, что не хочу!

— Гм! Вотъ такъ логика!.. Противъ нея даже не знаешь, чтó и возразить.

Это говорилъ голосъ, въ которомъ слышался и смѣхъ, и легкая насмѣшка.

— Итакъ, ты не хочешь?

Отвѣтомъ было полное молчаніе. Черезъ нѣсколько

минутъ тотъ же голосъ, тщетно старавшiйся сдѣлаться строгимъ, снова заговорилъ:

— Если такъ, я весь день не стану съ тобой играть. И, пожалуйста, не извиняйся, не прощу. Вотъ увидишь!

— Чтó тутъ такое у васъ?—спросилъ Николай Степановичъ, услышавъ эти угрозы.

— А, дѣдушка! ты пришелъ кстати! Знаешь, Адалла сегодня совсѣмъ нехорошая. Я ее прошу прочесть страничку изъ Русской исторiи, а она не хочетъ, и на всѣ мои вопросы, отчего это, только отвѣчаетъ: «оттого, что не хочу». Развѣ это уважительная причина, дѣдушка?

Николай Степановичъ подошелъ къ дѣвочкѣ, съ отеческой нѣжностью положилъ ей руку на голову и, добродушно улыбнувшись, проговорилъ:

— Дикарочка!

Адалла нетерпѣливо уклонилась отъ ласки и мрачно повернулась на своемъ стулѣ.

— Ну вотъ, вся причина въ томъ, что она въ дурномъ расположенiи духа.

Дѣдъ сѣлъ и посадилъ къ себѣ на колѣни отбивавшуюся Адаллу.

— Ты знаешь, дѣточка,—заговорилъ онъ,—что я не хочу тебя обижать; но отчего ты не хочешь сдѣлаться хорошей, умной дѣвочкой? Вѣдь ты этимъ очень огорчаешь Любочку. Развѣ ты не любишь ее?

Этотъ вопросъ встревожилъ маленькую дикарку. Она протянула руку къ Любочкѣ, но не подняла головы.

— Любочка взяла руку Адаллы и, желая совсѣмъ смягчить дикарку, сказала:

Любочка занималась съ Адаллой въ бесѣдкѣ (стр. 168).

— Видишь, дѣдушка, Адалла любитъ меня. Она умная, добрая дѣвочка, и если только захочетъ,—главное, чтобы она захотѣла!—то учится очень хорошо. Вотъ только исторія ей не нравится.

— Ну, а съ географіей развѣ дѣло идетъ лучше?—спросилъ не безъ умысла дѣдушка.

— О, на урокахъ географіи она слушаетъ меня очень внимательно.

— И особенно, когда ты ей разсказываешь о третьей части свѣта? Не правда ли?

Адалла вздрогнула на рукахъ у дѣдушки, но продолжала молчать.

Любочка не хотѣла-было отвѣчать, но замѣтивъ, что дѣдушка ждетъ отвѣта, съ участіемъ взглянула на Адаллу и сказала:

— Да, въ особенности, когда я ей говорю объ Африкѣ!..

Адалла широко открыла глаза, сверкнувшіе на мгновеніе страннымъ блескомъ, но этотъ блескъ тотчасъ потухъ, и на ея рѣсницахъ показались слезы. Очевидно, печальныя воспоминанія омрачили ея мимолетную радость. Сначала она сидѣла неподвижно, но потомъ соскользнула съ колѣнъ дѣдушки и, рыдая, бросилась въ объятія Любочки.

— Ну, слава Богу, теперь все хорошо!—пробормоталъ дѣдушка.

Все это происходило въ саду одной изъ красивыхъ дачъ, расположенныхъ на берегу моря близъ Одессы, въ бесѣдкѣ, роскошно обросшей дикимъ виноградомъ и жимо-

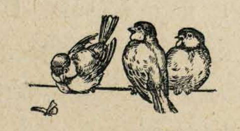
лостью, къ которымъ склонялись молодыя бѣлыя кисти сосѣдней акаціи. Въ эту бесѣдку, укрывавшую ихъ отъ жаркихъ лучей іюльскаго солнца, Любочка каждый день приводила Адаллу и здѣсь учила ее тому, чему нѣкогда научилась сама.

Любочкѣ теперь было около шестнадцати лѣтъ. Это была уже не прежняя Любочка, которая съ такимъ любопытствомъ разспрашивала обо всемъ своего дѣдушку и «большого» брата, въ кабинетъ котораго она такъ любила забираться, и не та Любочка, которая любила лакомиться конфетами и охотно дала бы милліонъ за то, чтобы знать, есть ли люди на лунѣ. Изъ ребенка она превратилась въ прелестную молодую дѣвушку съ большими голубыми глазами, черными рѣсницами и тонкой улыбкой, указывавшей уже на нѣкоторую жизненную опытность. Послѣ прежнихъ безконечныхъ «отчего?» для нея начался уже періодъ «оттого!». Теперь она, въ свою очередь, объясняла Адаллѣ, отчего идетъ снѣгъ и дождь, отчего надо ѣсть, что́ такое сердце и кровь, какъ велики солнце, луна и другія планеты, что́ такое паръ и электричество, отчего гремитъ громъ, отчего видишь сны, отчего нельзя жить вѣчно,—и на всѣ эти «отчего?» маленькой дикарки у нея всегда были готовыя «оттого!».

Изъ бесѣдки, гдѣ онѣ занимались, открывался прекрасный видъ на море и часть побережья, и это часто отвлекало вниманіе Адаллы. Посреди урока она вдругъ протягивала руку, указывая на далекій дымокъ шедшаго парохода, и глаза ея мечтательно блуждали по необъятной шири моря, надъ которымъ синѣло ясное небо.

Сама Любочка нерѣдко невольно поддавалась мечтательному настроенію своей ученицы, но она скоро замѣчала свою разсѣянность и напоминала Адаллѣ, что онѣ здѣсь не для того, чтобы любоваться видомъ моря. Тогда Адалла принималась смѣяться, смѣялась и Любочка, и обѣ съ новымъ усердіемъ принимались за урокъ.

Дѣдушка Николай Степановичъ Горскій не безъ основанія называлъ Адаллу дикарочкой; по лицу дѣвочки можно было тотчасъ убѣдиться, что родилась она не въ нашихъ странахъ. Черты лица были правильны и тонки, но цвѣтъ темный, напоминавшій бронзу. Глаза дѣвочки и гордо закругленныя брови были совсѣмъ черные, а длинные густые волосы до того курчавы, что не слушались никакой прически и неудержимо выбивались на лобъ и плечи; эта характерная наружность рѣшительно не ладила съ европейскимъ платьемъ дѣвочки. Адаллу привезъ въ Одессу года три тому назадъ Николай Александровичъ Бартеневъ, воротившійся изъ путешествія по берегамъ Африки. Ребенку было тогда лѣтъ пять-шесть. Онъ нашелъ ее при весьма необыкновенныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ будетъ разсказано въ слѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА II.

Родители Адаллы.

Отецъ Адаллы, Іосифъ Θеодоръ, родился въ Абиссиніи, на восточномъ побережьѣ Африки. Его привезли совсѣмъ молодымъ въ Египетъ, гдѣ ему пришлось добывать себѣ хлѣбъ разными ремеслами, пока онъ случайно не встрѣтился съ французскимъ купцомъ Валуа изъ Каира. Пораженный умомъ и пріятнымъ видомъ молодого абиссинца, купецъ взялъ его къ себѣ на службу и постепенно познакомилъ съ своимъ торговымъ дѣломъ.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейцами, Іосифъ Θеодоръ успѣлъ, при своемъ пытливомъ

умѣ, вскорѣ сдѣлаться вполнѣ воспитаннымъ молодымъ человѣкомъ.

Этому быстрому превращенію много способствовала, сама того не подозрѣвая, молодая, скромная домашняя учительница дѣтей купца, Анжелика Перье. Круглая сирота, безъ особаго сожалѣнія оставила она свой родной Парижъ и отправилась въ чужую страну добывать себѣ средства къ существованію. Каиръ былъ далеко отъ Франціи, но зато тамъ она могла жить безбѣдно. Она скоро всей душой привязалась къ дѣтямъ Валуа и совсѣмъ отдалась заботамъ о нихъ. Ко всему, что́ не касалось дѣтей, она оставалась равнодушной. Но въ этомъ мирномъ существованіи вскорѣ произошла большая перемѣна.

Замѣтивъ дарованія Іосифа Ѳеодора, г. Валуа постарался ихъ развить. Онъ давалъ ему книги и самъ часто бесѣдовалъ съ нимъ въ свободные часы. Если какой-нибудь вопросъ Іосифа затруднялъ его или ему некогда было отвѣчать, онъ говорилъ ему:

— Ступай къ Анжеликѣ, она знаетъ много и объяснитъ тебѣ лучше меня.

И молодой человѣкъ шелъ къ Анжеликѣ и спрашивалъ ее. Она всегда ласково отвѣчала ему съ такой ясностью, такъ вѣрно понимая, а иногда и просто угадывая его мысль, что въ концѣ концовъ онъ отлично понималъ ее. Онъ слушалъ объясненія молодой дѣвушки, и когда не понималъ ихъ, устремлялъ на нее свои черные глаза, стараясь на лицѣ своей учительницы прочесть ея мысль. Эти взгляды волновали и смущали Анжелику,

и она, сама не зная почему, становилась робкой и застѣнчивой.

Въ одинъ прекрасный день она разсердилась и на себя, и на невольнаго виновника своего смущенія и разсказала обо всемъ г. Валуа. Тотъ на минуту задумался и затѣмъ съ улыбкой сказалъ Анжеликѣ:

— Ну, мнѣ кажется, я угадываю причину вашей тревоги. Позвольте мнѣ распорядиться, дитя мое, и я надѣюсь вылѣчить васъ.

Послѣ долгаго разговора съ Іосифомъ Ѳеодоромъ онъ воротился къ Анжеликѣ и сказалъ ей съ добродушной улыбкой:

— Теперь я все знаю. Іосифъ любитъ васъ и вы любите его. Намъ остается только назначить день вашей свадьбы!

Эти слова смутили Анжелику, и она, краснѣя, слабо возразила, что между ними слишкомъ большая рассовая разница, и что оба они не имѣютъ никакого состоянія.

Но г. Валуа отвѣтилъ ей, что абиссинцы не дикари и не идолопоклонники, а уже съ IV вѣка христіане, и что племя это сильное, красивое и отчасти образованное. Что касается Іосифа Ѳеодора, то онъ уже сдѣлался теперь настоящимъ европейцемъ. О состояніи ей нечего безпокоиться, такъ какъ послѣ свадьбы онъ, Валуа, дѣлаетъ Іосифа своимъ компаньономъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Анжелика Перье вышла замужъ за Іосифа Ѳеодора, и въ началѣ молодая чета была очень счастлива, особенно, когда на свѣтъ появилась дѣвочка, которую они назвали Адаллой.

Прошло три года. И вотъ однажды утромъ, когда, повидимому, ничто не грозило счастью молодыхъ супруговъ, г. Валуа въ отчаяніи объявилъ имъ, что онъ окончательно разоренъ, благодаря несостоятельности нѣкоторыхъ финансовыхъ предпріятій, въ которыхъ онъ не принималъ даже участія, и что по окончаніи всѣхъ разсчетовъ онъ намѣренъ съ семьей вернуться во Францію, чтобы попытаться воротить себѣ состояніе. Іосифу и его женѣ онъ предложилъ ѣхать съ нимъ, но не могъ обѣщать имъ надежной опоры въ будущемъ.

Супруги колебались. Наконецъ Іосифъ предложилъ женѣ ѣхать въ Абиссинію. Зная страну, нравы и языкъ, онъ хотѣлъ завести тамъ торговлю слоновой костью, которую разсчитывалъ скупать отъ каравановъ, идущихъ черезъ Суданъ, и продавать европейскимъ купцамъ. Такъ онъ надѣялся въ нѣсколько лѣтъ составить себѣ состояніе, послѣ чего они могли бы переселиться во Францію.

Этотъ послѣдній доводъ и надежда увидѣть родину и воспитать тамъ дочь убѣдили Анжелику и она согласилась.

Іосифъ Ѳеодоръ поселился въ окрестностяхъ города Массовы, между границей Абиссиніи, откуда къ нему везли слоновую кость, и Краснымъ моремъ, которымъ пріѣзжали за нею суда. Это удобное положеніе и умъ молодого человѣка сослужили ему хорошую службу: черезъ два года онъ считался уже однимъ изъ самыхъ богатыхъ и честныхъ купцовъ страны.

Тѣмъ временемъ маленькая Адалла росла и становилась граціозной, красивой дѣвочкой. Анжелика была до-

вольна судьбой, находя удовлетворенiе въ исполненiи материнскихъ обязанностей, а Iосифъ работалъ прилежно для двухъ любимыхъ имъ существъ.

Вдругъ разнесся слухъ, что огромная шайка разбойниковъ изъ племени богосовъ напала на страну къ сѣверу отъ Массовы и грабитъ и истребляетъ все на своемъ пути.

Анжелика Перье встревожилась, не за себя, а за ребенка и за мужа, который тщетно пытался успокоить ее.

— Ты напрасно тревожишься, моя дорогая,—говорилъ онъ ей.—Мы живемъ такъ близко отъ Массовы, что разбойники не посмѣютъ придти сюда. Къ тому же ты француженка и въ городѣ есть французскiй консулъ. Онъ навѣрное приметъ необходимыя мѣры предосторожности на случай нападенiя, а суда, стоящiя у береговъ на якорѣ, высадятъ своихъ людей; этого будетъ вполнѣ достаточно, чтобы, какъ стаю птицъ, обратить въ бѣгство этихъ негодяевъ.

Анжелика пыталась улыбаться и вѣрить мужу, но мрачныя предчувствiя не оставляли ее. Эти предчувствiя были основательны и вскорѣ оправдались самымъ ужаснымъ образомъ.

ГЛАВА III.

Какъ нашли Адаллу.

Русскій пароходъ, на которомъ служилъ Николай Александровичъ, возвращался изъ далекаго плаванія въ родныя моря. Пройдя Индійскимъ океаномъ, онъ достигъ Аденскаго залива, изъ него вышелъ Бабельмандебскимъ проливомъ въ Красное море и остановился передъ Массовой.

Когда пароходъ вошелъ въ гавань, наши моряки узнали, что шайка богосовъ угрожаетъ окрестностямъ города. Въ гавани не было другихъ военныхъ судовъ, и французскій вице-консулъ въ Массовѣ обратился къ капитану нашего парохода, какъ къ представителю дружественнаго народа, съ просьбою оказать ему, въ случаѣ надобности, помощь въ защитѣ жителей отъ хищниковъ. Со стороны вице-консула просьба эта была, впрочемъ, простою предосторожностью, такъ какъ онъ не думалъ, чтобы хищники осмѣлились приблизиться къ городу.

Предположеніе вице-консула, казалось, оправдывалось, потому что на другой день въ городѣ и въ окрестностяхъ только и было рѣчи, что богосы исчезли; предполагали, что присутствіе въ водахъ Массовы вооруженнаго европейскаго судна заставило ихъ удалиться. Но ночью на пароходѣ всѣ были встревожены внезапнымъ прибытіемъ вице-консула, желавшаго сообщить капитану что-то важное.

Николай Александровичъ догадался, что дѣло идетъ о богосахъ, и поспѣшно вышелъ на палубу, гдѣ его ждалъ вице-консулъ.

— Смотрите, капитанъ, смотрите! — говорилъ онъ, тревожно указывая рукой по направленію къ сѣверозападу отъ Массовы.

Тамъ кровавой тучей пылало на небѣ сильное зарево. Изъ-за деревьевъ, закрывавшихъ даль, вырывалось сильное пламя, и огромные снопы искръ по временамъ поднимались къ небу.

— Видите, капитанъ! — продолжалъ вице-консулъ: — тамъ живутъ французы; богосы жгутъ, очевидно, ихъ дома. Необходимо, не теряя ни минуты, идти къ нимъ на помощь.

Раздалась команда, и отрядъ нашихъ моряковъ, вооруженныхъ винтовками и саблями, быстро поплылъ на шлюпкахъ къ берегу. Начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ Николай Александровичъ.

Въ Массовѣ была полная тревога, и среди проснувшихся жителей царила не безъ причины паника, потому что никогда еще до этой мрачной ночи ни одно враж-

дебное племя не отваживалось подходить къ городу и грабить съ такою дерзостью и коварствомъ. Моряки наши бѣгомъ прошли городъ и направились къ мѣсту пожара. На пути къ нимъ присоединилось множество разноплеменныхъ жителей обоего пола, которые бросили свои жилища, чтобы спастись отъ разбойниковъ.

Горѣло большое имѣніе, самое отдаленное отъ города, принадлежавшее торговцу слоновой костью Іосифу Ѳеодору. Узнавъ это, Николай Александровичъ торопилъ своихъ моряковъ, и вскорѣ изъ-за деревьевъ выступилъ пылавшій домъ, около котораго они сквозь огонь и дымъ увидѣли толпу черныхъ полунагихъ дикарей. Разбойники тотчасъ бросились бѣжать, но раздалась команда, и въ догонку имъ грянулъ залпъ. Въ толпѣ бѣжавшихъ дикарей послышались вопли бѣшенства и боли, доказывавшіе, что наши моряки стрѣляли мѣтко, а затѣмъ все стихло. Николай Александровичъ съ своими людьми хотѣлъ-было преслѣдовать бѣглецовъ, но вынужденъ былъ тотчасъ отказаться отъ этой мысли. Богосы исчезли въ высокой травѣ и, ползя въ ней какъ змѣи, не оставили за собою никакихъ слѣдовъ, а за этой дикой степью возвышались горы, въ которыхъ хищники могли найти надежное убѣжище.

Горѣвшія зданія, большею частію деревянныя, представляли одинъ огромный костеръ. Если несчастные обитатели ихъ успѣли спастись, то нужно было искать ихъ въ окрестностяхъ, и наступавшій день могъ облегчить поиски. Вскорѣ вице-консулу дали знать, что въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дома нашли трупъ человѣка, покры-

таго ранами; то былъ Іосифъ Θеодоръ, коченѣвшіе пальцы котораго сжимали ручку револьвера. Далѣе валялись трупы слугъ, очевидно, не успѣвшихъ даже подумать о защитѣ. Но жены Іосифа, несчастной Анжелики, и ея маленькой дочки Адаллы не находили нигдѣ.

Николай Александровичъ направился къ группѣ деревьевъ, росшихъ на возвышеніи, чтобы оттуда осмотрѣть поле и опредѣлить путь, по которому ушли хищники. И вотъ, когда осматривали мѣстность, онъ вдругъ услышалъ невдалекѣ жалобный плачъ. Едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ къ тому мѣсту, какъ дѣтскій голосъ жалобно закричалъ: «Мама!.. мама!..»

Оказалось, что около одного дерева стояла на колѣняхъ полуодѣтая дѣвочка, лѣтъ пяти-шести, съ темноватымъ лицомъ, и сквозь слезы смотрѣла въ ту сторону, гдѣ скрылись богосы.

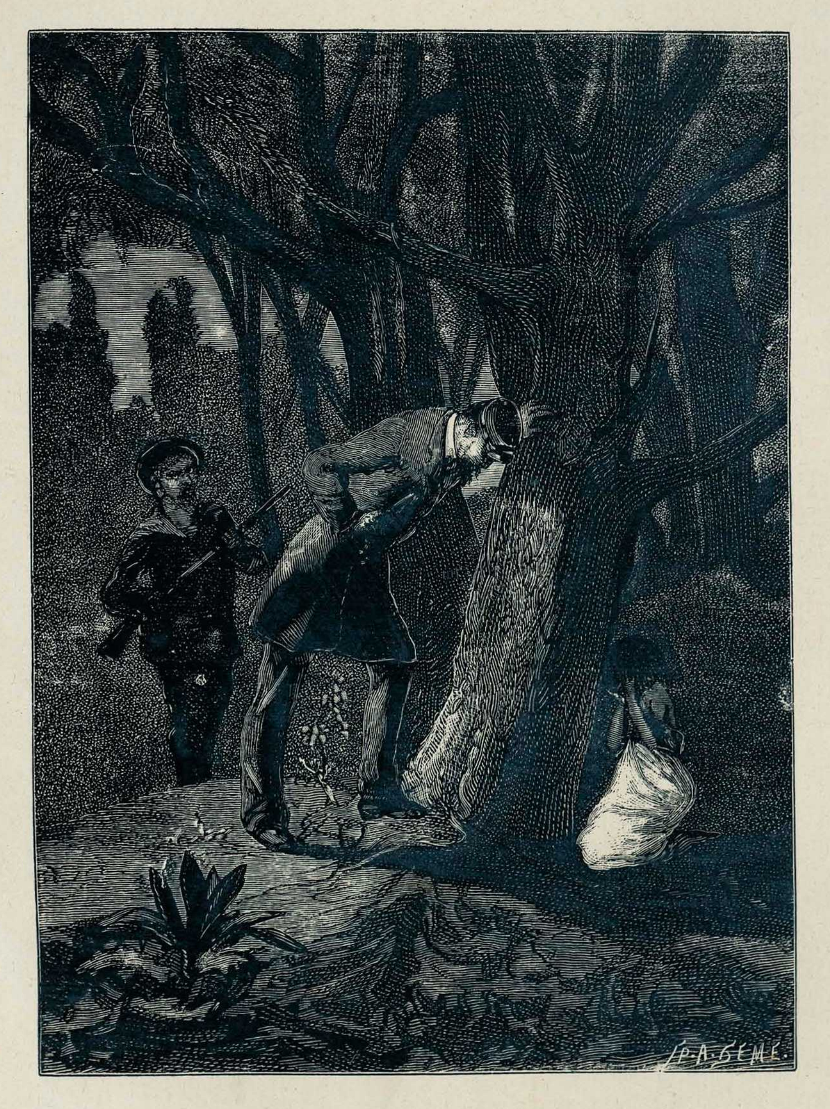
— Бѣдный ребенокъ!—сказалъ съ участіемъ Николай Александровичъ.

Услышавъ чужой голосъ, малютка испуганно прижалась къ дереву.

— Не бойся, дѣточка, мы найдемъ твою маму!—ласково сказалъ ей Николай Александровичъ и взялъ ее на руки.

При словѣ «мама» дѣвочка горько заплакала. Эта дѣвочка была Адалла.

Мать ея была, очевидно, уведена богосами, которые или уже убили ее, или рѣшили продать въ рабство внутрь Африки. Во всякомъ случаѣ, найти ее теперь не было надежды, и оставалось только позаботиться о судьбѣ

За деревомъ стояла на колѣняхъ дѣвочка (стр. 180).

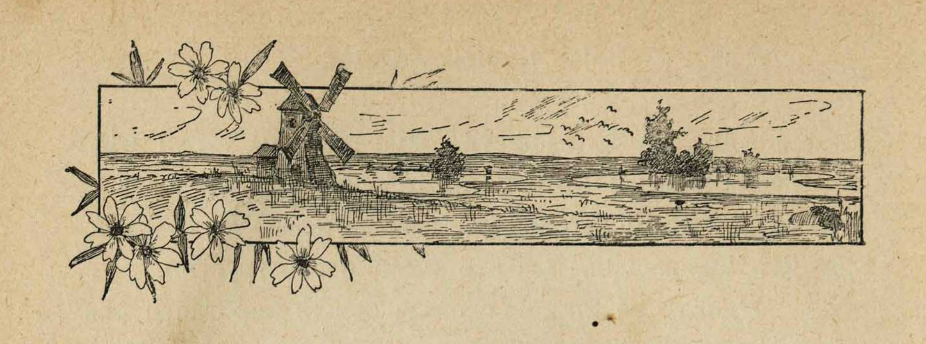
бѣдной Адаллы. Вице-консулъ заявилъ, что у нея нѣтъ родственниковъ, и потому приходилось разсчитывать на то только, чтобы кто-нибудь изъ жителей взялъ ее къ себѣ изъ милосердія. Все это было очень грустно.

— Отдайте ее мнѣ, — сказалъ послѣ короткаго раздумья Николай Александровичъ. — Я увезу ее къ себѣ въ Россію, гдѣ она будетъ моей второй дочерью. Если случится, — чтó, впрочемъ, невѣроятно,—что мать ея будетъ найдена, я возвращу ей ребенка.

— Увы! бѣдная женщина никогда не потребуетъ ее отъ васъ!—сказалъ вице-консулъ.

Вотъ при какихъ печальныхъ обстоятельствахъ нашелъ Адаллу Николай Александровичъ Бартеневъ.

ГЛАВА IV.

Любочкины «оттого».

Николай Александровичъ повезъ бѣдную малютку Адаллу въ Одессу. Сначала она была очень грустна и несчастна, плакала, просилась къ папѣ и мамѣ, но мало-по-малу привязалась къ Бартеневу. Много помогло ей забыть свое горе морское путешествіе, въ которомъ для маленькой дикарки было столько чудеснаго.

Николай Александровичъ ничего не писалъ домой объ Адаллѣ; онъ хотѣлъ неожиданно обрадовать свою Любочку. И можно себѣ представить, какъ всѣ были удивлены и обрадованы, когда онъ пріѣхалъ съ дѣвочкой, которая цвѣтомъ кожи и поведеніемъ такъ сильно отличалась отъ всѣхъ.

— Я привезъ тебѣ сестрицу, Любочка. Хочешь ли имѣть ее?—съ улыбкой спросилъ Николай Александровичъ, заранѣе увѣренный въ отвѣтѣ.

— О, да, очень хочу!—просто сказала Любочка.

И она радушно протянула къ ребенку руки. Адалла посмотрѣла сначала молча и недовѣрчиво на Любочку, но, замѣтивъ съ какимъ участіемъ та смотритъ на нее и какъ ласково зоветъ къ себѣ, маленькая дикарка не удержалась и, послѣ минутнаго колебанія, бросилась въ ея объятія, какъ бы вся отдаваясь ей. И съ этой минуты обѣ дѣвочки сильно привязались другъ къ другу.

Дѣдушка нерѣдко трунилъ надъ Любочкой, которая взялась учить Адаллу.

— Отлично! — говорилъ онъ.—Теперь твоя очередь выслушивать всякія «отчего» и не имѣть ни минуты покоя! Теперь ты увидишь, какъ нелегко и не особенно пріятно мнѣ было съ утра до вечера отвѣчать тебѣ! Наконецъ-то, сударыня, я избавился отъ вашихъ безконечныхъ вопросовъ и съ величайшимъ удовольствіемъ предоставляю вамъ отвѣчать на разныя «отчего».

И дѣдушка съ хитрой улыбкой потиралъ себѣ руки.

— Ладно, дѣдушка! — отвѣчала въ томъ же тонѣ Любочка: — тебѣ все-таки придется еще часто отвѣчать на разныя «отчего».

— Мнѣ?

— Да.

— Но у меня уже нѣтъ больше ни одного «оттого», ты ужъ всѣ ихъ вытянула изъ меня.

— И все-таки, если Адалла предложитъ мнѣ слишкомъ трудное «отчего», нужно же, чтобы кто-нибудь помогъ мнѣ отвѣтить ей, и я отлично знаю, кто это будетъ дѣлать!

— Это, должно быть, твой папа... братъ...

— И мой дѣдушка!

— Ну, вотъ не было мнѣ печали!—замѣтилъ Николай Степановичъ, притворяясь недовольнымъ.

Какъ мы видѣли, Любочка была очень любознательна въ дѣтствѣ. Случилось, что и въ Адаллѣ она нашла ребенка необыкновенно любознательнаго, котораго къ тому же все поражало на каждомъ шагу. Между тѣмъ, уже помимо необходимости научить Адаллу русскому языку, начало ученья «маленькой дикарки», какъ ее называлъ дѣдушка, стоило не мало труда и заботъ ея пріемной сестрѣ. Теперь уже прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Адалла сдѣлалась членомъ семьи Бартеневыхъ, и она уже попривыкла къ европейскому воспитанію, но въ началѣ она противилась всѣмъ усиліямъ своей учительницы, и отыскивала такія непредвидѣнныя «отчего», что Любочка зачастую становилась втупикъ.

— Отчего надо учиться читать?—спрашивала она.

— Ну, вотъ!.. чтобы умѣть читать.

— А отчего надо умѣть читать?

— Оттого, что только читая можно узнать многое.

— Отчего же надо знать много?—спокойно возражала Адалла, упорно придерживаясь своей логики.

— Оттого что... оттого что...—отвѣчала Любочка,— оттого что не слѣдуетъ оставаться дикаркой!

Это слово всегда задѣвало за-живое самолюбивую Адаллу, и она тотчасъ послушно принималась за свой урокъ; но впрочемъ не надолго.

Въ другой разъ она спрашивала:

— Отчего надо умѣть писать?

Какъ ни старалась Любочка, но не всегда находила отвѣты, которые удовлетворяли бы Адаллу.

Маленькая абиссинка была всегда такъ упряма, что ея учительница, истощивъ всѣ доводы, должна была, послѣ долгихъ колебаній, употребить горькое, но дѣйствительное средство для ея исправленія. При Адаллѣ всѣ избѣгали говорить о томъ, при какихъ грустныхъ обстоятельствахъ нашелъ ее отецъ Любочки. Скрыть отъ нея участь ея отца было невозможно, но о матери ея ей сказали, что ее ищутъ и, конечно, найдутъ. Надежда снова увидѣться съ матерью смягчила горе Адаллы, и въ ея головкѣ мало-по-малу изглаживались воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ. Вотъ къ этимъ-то воспоминаніямъ и прибѣгала Любочка въ крайнихъ случаяхъ.

Однажды, когда Адалла особенно заупрямилась и не хотѣла учиться, повторяя свои вѣчныя «отчего», Любочка взяла ее къ себѣ на колѣни, и, глядя ей прямо въ глаза, тихо-тихо сказала:

— Развѣ ты уже забыла свою маму?

Бѣдная дѣвочка, совсѣмъ не ожидавшая этого вопроса, вздрогнула при этихъ словахъ и горько заплакала.

Въ эту минуту Любочка была такъ же несчастна, какъ и ея маленькая сестра; но она не прервала ея слезъ ни однимъ словомъ. Когда же Адалла выплакала свое горе, Любочка утерла ей глаза и хотѣла поцѣловать ее; но Адалла гнѣвно оттолкнула ее.

— Зачѣмъ ты сказала мнѣ это? Зачѣмъ ты сдѣлала мнѣ такъ больно! Злая, злая, злая!

Но, успокоившись, она печально прошептала:

— О, да! я помню маму!

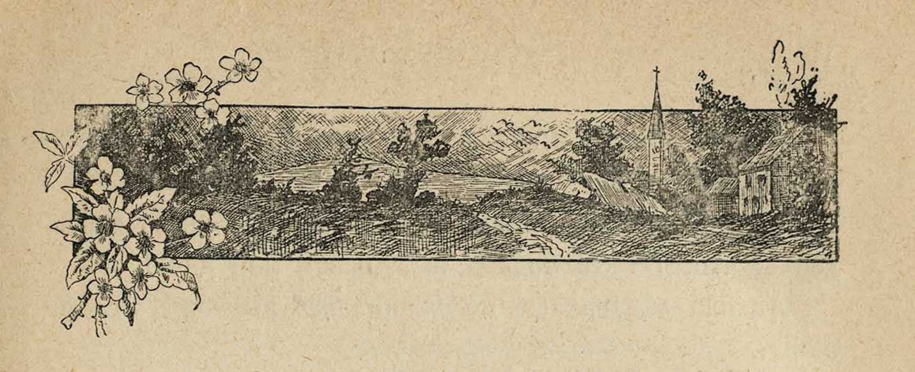
— Такъ если ты помнишь и любишь свою маму, то должна вести себя такъ, чтобы она потомъ могла гордиться тобою.

— Ее найдутъ? Навѣрное?—спросила съ живостью Адалла, подсаживаясь къ Любочкѣ

— Разумѣется,—сказала Любочка.—И когда это случится, мы должны возвратить ей ея дѣвочку кроткой, послушной и образованной, а не лѣнивицей, которая не хочетъ ничему учиться. Вотъ, ты спрашивала меня, отчего надо учиться? Я тебѣ сейчасъ отвѣчу на твой вопросъ. Когда найдутъ твою бѣдную маму, она тотчасъ захочетъ переписываться съ тобой. Если же ты не будешь умѣть читать, тебѣ нельзя будетъ прочитать, чтó она тебѣ напишетъ, а не умѣя писать, ты не можешь отвѣтить ей. Понимаешь ли, какъ ты была бы несчастна? Если ты не выучишься писать правильно, ей будетъ трудно понимать тебя; не умѣя считать, ты не поймешь, какъ далеко отъ тебя мама, а не зная географіи, ты не будешь знать, гдѣ, въ какой странѣ она находится; понимаешь ли теперь, отчего надо учиться?

Любочка надѣялась, что воспоминаніе о матери сильно подѣйствуетъ на умъ маленькой дикарки и заставитъ ее быть послушной, и ждала отъ нея отвѣта.

Но Адалла сидѣла, нахмуривъ брови, и видимо глубоко задумалась. Потомъ она быстро подняла голову, обняла Любочку и, крѣпко цѣлуя ее, шепнула—Я поняла!..

ГЛАВА V.

Гортань и кларнетъ.

Послѣ суроваго урока, къ которому вынуждена была прибѣгнуть Любочка, Адалла сдѣлалась прилежной и послушной. Только изрѣдка у нея появлялись капризы; но они скоро проходили, и ея «не хочу» становились все рѣже и рѣже.

Какъ-то послѣ обѣда, въ бесѣдкѣ, служившей веселой и ароматной классной, во время урока грамматики, Адалла предложила Любочкѣ такой странный вопросъ:

— Отчего люди говорятъ?

Любочка сначала не поняла, чтó хочетъ спросить ея ученица, но потомъ отвѣтила:

— Говорятъ, чтобы выразить свои мысли, желанія, вопросы. Какъ я могла бы узнать, что ты хочешь ѣсть, еслибы ты этого мнѣ не сказала?

— Вотъ такъ!—отвѣтила Адалла, поднося ручонки къ своимъ ярко-краснымъ губкамъ.

— Жестами?—спросила Любочка.

— Да.

— Но жестами нельзя сказать всего! Какъ ты покажешь, чтобы тебѣ подали бифштексъ или дичь?

Адалла задумалась, не зная, какъ выразить это желаніе.

— Вотъ видишь, слово всегда дополняетъ жестъ.

— Да, но я совсѣмъ не о томъ тебя спрашивала. Я не такъ сказала, я хотѣла спросить, ка̀къ говорятъ люди?

Любочка опять не поняла.

— Я хотѣла спросить, откуда берется голосъ?—пояснила ей Адалла.

— А, понимаю!—воскликнула Любочка.—Голосъ выходитъ изъ гортани.

— Изъ гортани? А что́ такое гортань?

— Это нѣчто въ родѣ трехугольной трубочки, вотъ здѣсь, въ передней части горла.

Любочка указала рукой подъ своимъ подбородкомъ мѣсто, гдѣ находится гортань.

— Трубочка?—спросила Адалла.—Изъ чего же она сдѣлана?

— О, конечно, не изъ папки!

— Изъ чего же?

— Изъ хрящей.

— Изъ хрящей? А что́ такое хрящи?

— Хрящи—это мягкія, гибкія кости. Изъ нихъ и состоитъ гортань. Въ ней особенно важенъ щитовидный хрящъ, какъ называютъ его ученые. Ты можешь прощу-

пать его пальцами на передней части шеи. У насъ онъ мало выдается; но у мужчинъ, голосъ которыхъ сильнѣе и гуще нашего, этотъ хрящъ выдается бугоркомъ.

Адалла тотчасъ ощупала пальцемъ шею, какъ бы желая убѣдиться, есть ли у нея этотъ хрящикъ.

— Кромѣ того,—продолжала Любочка,—съ правой и лѣвой стороны гортани идутъ два мясистыхъ отростка, какъ бы два язычка, которые своими концами только чуть-чуть не сходятся, такъ что между ними всегда остается маленькая щель. Эта щель называется гортанной щелью, а язычки—голосовыми связками.

— Черезъ которыя выходитъ голосъ?

— Да, милочка. Воздухъ можетъ выйти изъ груди только черезъ эту щель, и когда онъ выходитъ, то заставляетъ дрожать голосовыя связки. Вотъ отъ этого-то дрожанія и получается голосъ. Поняла, Адаллочка?

Признаться, Адалла, повидимому, немного поняла изъ этого объясненія. Она задумалась на минуту и затѣмъ спросила:

— Откуда же берется воздухъ, который выходитъ черезъ голосовую щель?

— Воздухъ выходитъ по хрящевой трубочкѣ, называемой дыхательнымъ горломъ, а оно соединяется съ легкими, въ которыхъ находится воздухъ.

— А зачѣмъ въ легкихъ воздухъ?

— Ну, Адаллочка, этотъ вопросъ заведетъ насъ слишкомъ далеко отъ предмета нашего разговора. Я тебѣ отвѣчу на него другой разъ, когда ты меня спросишь, отчего мы дышемъ?

— Такъ объясни мнѣ, по крайней мѣрѣ,—продолжала Адалла,—отчего воздухъ при дрожаніи голосовыхъ связокъ производитъ голосъ?

— Мнѣ кажется,—сказала Любочка послѣ минуты раздумья,—я слишкомъ рано употребила слово голосъ. Я должна была сказать, что дрожаніе голосовыхъ связокъ производитъ звуки, а потомъ уже разныя движенія губъ и языка измѣняютъ звуки въ то, чтó мы называемъ голосомъ.

— Ну, а какъ производятъ звуки эти голосовыя связки? Значитъ, гортань—музыкальный инструментъ?

— Угадала, милочка!—воскликнула Любочка, довольная такимъ мѣткимъ сравненіемъ Адаллы:—это музыкальный инструментъ. Но не одна гортань производитъ звуки; они получаются также отъ тренія смычка о струны, отъ удара о стеклянный колоколъ и т. д. Заставляя дрожать твои голосовыя связки выдыхаемымъ тобою воздухомъ, ты производишь такой же звукъ, какъ еслибы стала дуть въ флейту или дудку. Въ первомъ случаѣ ты заставляешь дрожать голосовыя связки, а во второмъ—дерево. Да вотъ слушай, милочка!

Въ это время къ оградѣ подошелъ нищій, игравшій на какомъ-то инструментѣ.

— Знаешь ли ты, на какомъ инструментѣ играетъ этотъ бѣднякъ?—спросила Любочка.

— Да,—отвѣтила Адалла,—это кларнетъ.

— Ну, такъ вотъ этотъ кларнетъ похожъ на твою гортань. Въ немъ есть двѣ пластинки и онѣ расположены одна противъ другой такъ же, какъ твои голосо-

выя связки. Когда въ нихъ вдыхаютъ воздухъ, онѣ начинаютъ дрожать, и тогда получается звукъ; но этотъ звукъ былъ бы всегда однообразенъ, еслибы языкъ и губы музыканта не производили движенiй, которыя измѣняютъ звуки по желанiю, точно такъ же, какъ и твои губы

и языкъ измѣняютъ въ голосѣ звуки, которые получаются отъ дрожанiя твоихъ голосовыхъ связокъ. Поняла, Адаллочка?

— Да, поняла, — отвѣтила Адалла, а затѣмъ съ улыбкой прибавила:—Вотъ, никакъ не ожидала узнать сегодня, что у меня кларнетъ въ груди.

ГЛАВА VI.

Концертъ изъ гласныхъ и согласныхъ.

Въ тотъ же день вечеромъ вся семья Бартеневыхъ пила послѣобѣденный кофе въ саду.

— О чемъ ты задумалась, Адалла?—спросилъ Николай Александровичъ маленькую абиссинку, замѣтивъ, что она совсѣмъ притихла.—Чтó тебя занимаетъ?

Адалла взглянула на своего пріемнаго отца и, покачавъ отрицательно головой, принялась незамѣтно ощупывать свою шею.

Любочка замѣтила это движеніе и засмѣялась.

— Она думаетъ о кларнетѣ,—сказала она,—который у нея въ груди!

— Какой кларнетъ?—удивился Николай Степановичъ.

— Ахъ, да! Вы это не знаете!..

И Любочка разсказала, какъ она объяснила своей сестрицѣ механизмъ голоса.

— Прекрасно!—замѣтилъ дѣдушка:—твое сравненіе съ

кларнетомъ очень удачно, и надѣюсь, что наша дикарочка осталась имъ довольна.

Но Адалла сдѣлала едва замѣтное движеніе, которое не ускользнуло отъ вниманія дѣдушки.

— А! я ошибся,—сказалъ онъ.—Адалла недовольна.

— Скажи, что̀ тебѣ непонятно?—спросила ее Любочка.

Адалла подняла на нее свои большіе черные глаза и медленно проговорила:

— Я отлично поняла, что̀ ты мнѣ объясняла, но я хотѣла бы узнать кое-что другое.

— Что̀ же именно?

— Ты мнѣ разсказала, какъ звуки выходятъ изъ кларнета... то-есть изъ гортани,—быстро поправилась она,—но не сказала, ка̀къ говорятъ.

— Я не понимаю, милочка, что̀ ты хочешь этимъ сказать?—спросила Любочка.

— Ну,—начала опять Адалла,—у животныхъ вѣдь есть гортань, какъ у насъ?

— Конечно.

— Такъ отчего они не говорятъ, какъ мы?

— Они тоже говорятъ, но по-своему, конечно, и отлично понимаютъ другъ друга, насколько это имъ нужно,—отвѣтила послѣ нѣкотораго затрудненія Любочка.—И если они не говорятъ такъ, какъ мы, то потому, что у нихъ нѣтъ такого ума, какъ у насъ.

— Совершенно вѣрно,—замѣтилъ Николай Степановичъ.—Нашимъ языкомъ мы обязаны болѣе совершенному устройству нашего мозга. Доказательствомъ этому служитъ то, что люди, лишенные разума, могутъ изда-

вать только безсмысленные звуки. Но, мнѣ кажется, Адалла хочетъ узнать, какъ люди научились понимать другъ друга?

— Да, да, дѣдушка! Вотъ это я и хотѣла спросить!— воскликнула Адалла, довольная, что ее поняли.

— Это очень сложный вопросъ,—замѣтилъ дѣдушка.— Только послѣ многихъ усилій и благодаря разнымъ обстоятельствамъ люди постепенно научились произносить членораздѣльные звуки, изъ которыхъ состоитъ языкъ. Вѣроятно, люди сначала объяснялись только криками съ помощью жестовъ и выраженія лица.

— Что́ ты говоришь, дѣдушка! — возразила Любочка.—Развѣ люди могутъ только при помощи криковъ и жестовъ понимать другъ друга?

— Могутъ, милочка,—вмѣшался въ разговоръ Николай Александровичъ.—Я часто видѣлъ, какъ матросы разныхъ странъ объяснялись между собою при помощи криковъ и жестовъ

— Вѣроятно, люди сначала только подражали звукамъ,—продолжалъ Николай Степановичъ;—доказательствомъ этому служатъ нѣкоторыя слова дѣтей. Какъ ребенокъ называетъ овцу?—*Бя.* Онъ слышалъ какъ блеетъ овца и подражаетъ этому крику. Какъ онъ называетъ корову?—*Му!*—по мычанью коровы. Собаку онъ обозначаетъ звуками *ва-ва*, потому что такъ лаютъ собаки, а пушка у него *бумъ*—звукъ выстрѣла.

— Какъ это вѣрно!—замѣтила Любочка.—Но отчего дѣти, когда выростутъ, говорятъ уже такъ, какъ мы?

— Ихъ учатъ родители.

Адалла все время внимательно прислушивалась къ этому разговору.

— Отчего же, — сказала она, — родители не называютъ больше овцу *бя* и пушку *бумъ*?

— Этотъ первоначальный языкъ, наивно изображавшій предметы звуками, постепенно измѣнялся и пополнялся новыми подражаніями и прибавленіями, которыя народы заимствовали другъ у друга. Но, по мѣрѣ развитія нашихъ умственныхъ способностей, онъ утратилъ свое естественное значеніе и сдѣлался условнымъ.

Въ маленькой головкѣ Адаллы возникла между тѣмъ новая мысль.

— Скажи, дѣдушка,—спросила она, - отчего не всѣ люди говорятъ по-русски?

— По очень простой причинѣ, оттого что не всѣ люди русскіе. У каждаго народа есть свои привычки, свои обычаи, а также свой языкъ, хотя большая часть словъ въ разныхъ языкахъ происходитъ отъ однихъ и тѣхъ же первоначальныхъ звуковъ. Вотъ интересный примѣръ: въ древнѣйшемъ языкѣ, санскритскомъ, священномъ языкѣ индусовъ, *па* значитъ отецъ, а *ма*—мать. Развѣ не отъ этихъ словъ происходятъ слова *папа* и *мама*?

— А все-таки непріятно, — замѣтила Адалла, глядя на Любочку,—что не всѣ люди говорятъ по-русски!

— Господи! развѣ тебѣ не все равно? - воскликнулъ Николай Александровичъ.

— Далеко не все равно!—отвѣтила съ улыбкой Любочка, цѣлуя Адаллу.—Вѣдь у ней завтра урокъ англійскаго языка!

— А! понимаемъ!—засмѣялись всѣ.

Хотя было еще не поздно, но становилось прохладно, и потому всѣ вошли въ домъ.

Вскорѣ въ гостиную пришелъ и дѣдушка съ книгой.

— Ну, Адалла!—сказалъ онъ:—чтобы ты не заснула, я прочту тебѣ, что́ говоритъ о механизмѣ голоса великій французскій писатель Мольеръ.

И Николай Степановичъ прочелъ вслухъ извѣстную забавную сцену изъ «Мѣщанина въ дворянствѣ», гдѣ Мольеръ выводитъ наивнаго Журдена и его педанта-учителя философіи:

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

... Надо начать съ изученія буквъ и съ того, какъ они произносятся. Прежде всего, я долженъ сказать, что буквы раздѣляются на гласныя, называемыя такъ потому, что ими свободно выражаются звуки нашего голоса, и согласныя, названныя такъ потому, что онѣ произносятся не иначе, какъ вмѣстѣ съ гласными. Гласныхъ буквъ пять: *а*, *е*, *і*, *о*, *у*.

ЖУРДЕНЪ.

— Я знаю все это.

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Чтобы произнести звукъ *а*, нужно совсѣмъ открыть ротъ: *а*.

ЖУРДЕНЪ.

— *А*, *а*. Вѣрно.

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Чтобы произнести звукъ *е*, нужно придвинуть нижнюю челюсть къ верхней: *а*, *е*.

ЖУРДЕНЪ.

— *А*, *е*, *а*, *е*. Такъ, такъ. Ахъ, чтобъ тебя, вотъ ловко-то!

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Чтобы произнести звукъ *и*, нужно еще больше сдвинуть челюсти, а углы рта раздвинуть къ ушамъ: *а*, *е*, *и*.

ЖУРДЕНЪ.

— *А*, *е*, *и*, *и*, *и*, *и*. И тутъ безъ ошибки. Ай-да наука!

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Чтобы произнести звукъ *о*, нужно раздвинуть челюсти и сдвинуть губы углами: *о*.

ЖУРДЕНЪ.

— *О*, *о*, Вѣрнѣе вѣрнаго! *А*, *е*, *и*, *о*, *и*, *о!* Диво да и только! *И*, *о*, *и*, *о*.

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— При этомъ ротъ принимаетъ видъ кружка, точь-въ-точь О.

ЖУРДЕНЪ.

— *О*, *о*, *о*. Правда. *О!* Ахъ, какъ хорошо, когда научишься чему-нибудь!

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Чтобы произнести звукъ *у*, нужно сблизить зубы, но не совсѣмъ, и вытянуть губы впередъ, тоже сблизивъ ихъ, но опять-таки не совсѣмъ: *у*.

ЖУРДЕНЪ.

— *У*, *у!* Совершенно вѣрно! *у!*

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Губы вытягиваются такъ, какъ будто вы дразните кого-нибудь; поэтому, если вамъ, дѣйствительно, захочется сдѣлать это, то скажите только: *у!*

ЖУРДЕНЪ.

— *У, у!* Вѣрно, вѣрно! Ахъ, все это я зналъ бы раньше, еслибъ во-время учился!

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Завтра мы перейдемъ къ согласнымъ буквамъ.

ЖУРДЕНЪ.

— Такъ ли занятно будетъ, какъ сегодня?

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Конечно. Согласная *д*, напримѣръ, произносится, когда прикоснешься кончикомъ языка къ верхнимъ зубамъ: *д-а!*

ЖУРДЕНЪ.

— *Д-а, д-а!* Вѣрно! Славно, ей-ей славно!

УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

— Для произнесенія *ф* верхніе зубы опускаются на нижнюю губу: *ф-а!*

ЖУРДЕНЪ.

— *Ф-а, ф-а.* Сама истина!.. Ахъ, батюшка и матушка, пожелалъ бы я вамъ на томъ свѣтѣ...

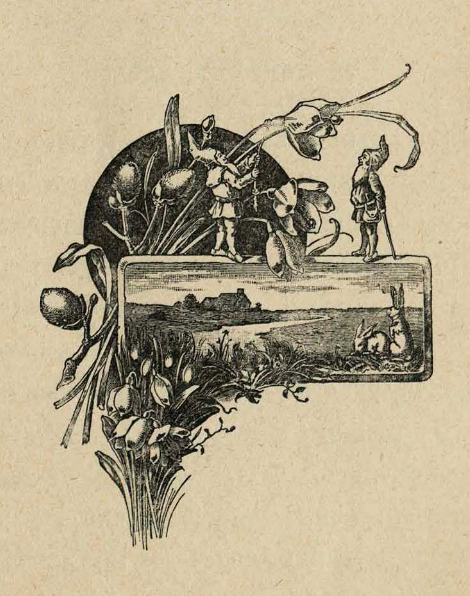
УЧИТЕЛЬ ФИЛОСОФІИ.

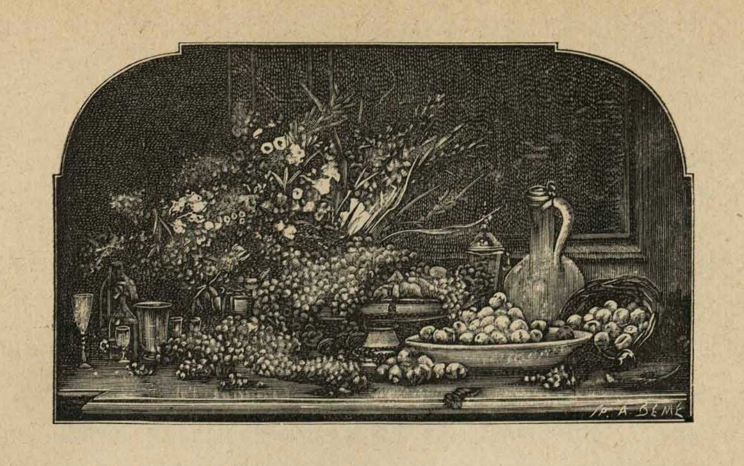
— *Р* произносится, когда кончикъ языка поднимутъ къ нёбу, при этомъ выдыхаемый нами воздухъ колышется и какъ бы дрожитъ отъ напора: *ра, ррр!*

ЖУРДЕНЪ.

— *Р, р, р-а, рррррр-а.* Вѣрно! Какой вы ученый человѣкъ! Эхъ, какъ я много потерялъ времени! *Рр, рр, рр, ра!*

Во время чтенія Адалла повторяла всѣ гласныя и согласныя съ такими гримасами, что, глядя на нее, Любочка также принялась со смѣхомъ вторить ей, послѣ чего въ гостиной начался настоящій концертъ гласныхъ и согласныхъ, прерываемый громкими взрывами смѣха, который прекратился лишь тогда, когда Любочка, наконецъ, увела Адаллу спать.

ГЛАВА VII.

Я поперхнулась!

Сидя за столомъ, Адалла вдругъ такъ сильно раскашлялась, что на глазахъ ея показались слезы, а лицо совсѣмъ раскраснѣлось.

Всѣ смотрѣли съ участіемъ на бѣдную дѣвочку.

— Что́ съ тобою, дѣточка?—спрашивала ее Елена Николаевна.

Адалла молча указала на горло, и когда откашлялась, въ смущеніи отвѣтила:

— Я поперхнулась.

— Это ничего,—замѣтила Любочка.

— Мнѣ было очень больно;—я не хочу, чтобы это случилось со мною снова.

— Въ этомъ ты сама виновата,—замѣтилъ дѣдушка.

— Я виновата?!—удивилась Адалла.

— Да, не слѣдуетъ говорить и смѣяться, когда глотаешь пищу. Вотъ Любочка объяснитъ тебѣ отчего.

— Ты уже знаешь,—начала Любочка,—что, когда ты разжуешь хлѣбъ, онъ проходитъ въ трубку, которую называютъ пищеводомъ, а изъ него въ желудокъ.

— Знаю,—сказала Адалла.

— Но ты, вѣроятно, думаешь, что когда глотаешь хлѣбъ, ему только одинъ путь—въ пищеводъ?

— Разумѣется.

— Ты ошибаешься. Хлѣбъ находится тогда передъ двумя трубками, изъ которыхъ одна—пищеводъ, а другая дыхательное горло, которымъ воздухъ идетъ въ легкія. Эти двѣ трубки находятся рядомъ одна съ другой, и какъ только дыхательная трубка замѣчаетъ приближеніе хлѣба, то тотчасъ закрывается крышечкой, называемой надгортаннымъ хрящемъ, и хлѣбу остается тогда только спуститься въ открытый пищеводъ. Понимаешь?

— Да, но я все-таки не понимаю, отчего я поперхнулась, закашлялась и мнѣ стало больно.

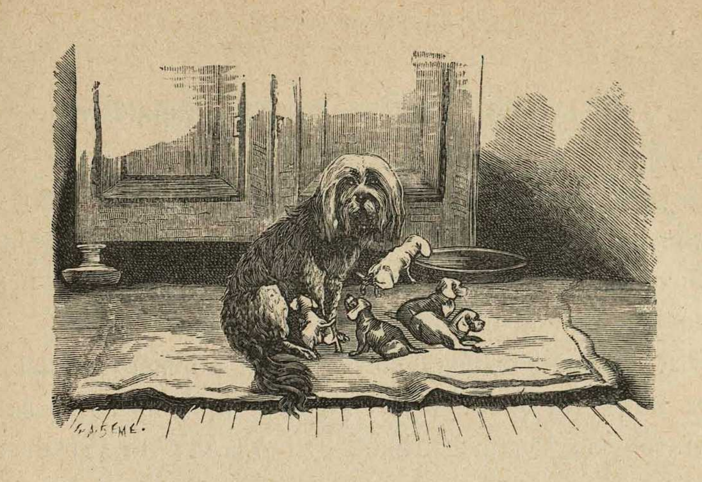
— Это я тебѣ сейчасъ скажу. Въ то время, когда ты глотала хлѣбъ и онъ направлялся въ пищеводъ, ты вдругъ разсмѣялась. А когда человѣкъ смѣется, то выдыхаетъ воздухъ; воздухъ же можетъ выйти только изъ дыхательнаго горла и, выходя, приподнимаетъ надгортанный хрящъ. И вотъ, когда хлѣбъ увидалъ, что передъ нимъ открыто дыхательное горло, онъ и направился въ него.

— Значитъ, этотъ кусочекъ хлѣба былъ очень любопытенъ!—проговорила наивно Адалла.

— И къ тому же глупъ; онъ не имѣлъ права входить въ дыхательное горло, и какъ только вошелъ въ него немного, то дыхательное горло разсердилось и выгнало непрошеннаго гостя сильнымъ кашлемъ.

— Понимаю! — воскликнула Адалла, теперь я буду слѣдить за тѣмъ, чтобы мое дыхательное горло не открывало своей дверцы, когда я глотаю. Не хочу, чтобы пища попадала не въ то горло!

ГЛАВА VIII.

Еслибы животныя говорили.

Былъ тихій вечеръ. Природа какъ бы отдыхала послѣ жаркаго дня.

Семья Бартеневыхъ вышла въ садъ, и всѣ молча расположилась на садовыхъ стульяхъ, наслаждаясь прекраснымъ вечеромъ. Передъ ними лежало зеркально спокойное море, отражавшее звѣздное небо, а вдали свѣтились огоньки большого города, надъ которымъ какъ бы дрожало золотистое облако.

Адалла была какъ бы очарованная и, казалось, забыла все на свѣтѣ.

Вдругъ изъ сосѣдняго куста полилась громкая гамма красивыхъ звуковъ

— А, соловей! — прошептала Адалла.

— Тсс! пускай поетъ! — сказала также шопотомъ Любочка.

И какъ бы желая доставить удовольствіе своимъ слушателямъ, соловей, послѣ робкаго вступленія, защелкалъ засвисталъ на тысячу ладовъ, выводя трели съ искусствомъ настоящаго артиста.

Эта пѣсня, раздававшаяся среди торжественной тишины подъ темно-голубымъ небомъ, произвела на всѣхъ такое чарующее впечатлѣніе, что Адалла не удержалась и, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда соловей на мгновеніе замолкъ, закричала «браво!» и захлопала въ ладоши.

Въ кустахъ тотчасъ послышался шелестъ, затѣмъ удары крыльевъ, и соловей улетѣлъ, очевидно, испуганный Адаллой.

Но это короткое пребываніе крошечнаго артиста вызвало у Адаллы множество вопросовъ.

— Чтó хотѣлъ сказать соловей, когда такъ пѣлъ?— спросила она Любочку.

— Ну, этого я не знаю!—отвѣтила съ улыбкой Люба.

— Едва-ли возможно перевести пѣсни соловья на какой-нибудь языкъ, – замѣтила Елена Николаевна.

— Извините! — перебилъ дѣдушка: — переводятъ, и одинъ французскій ученый вообразилъ даже, что соловей поетъ по-французски.

— Какъ это странно! — воскликнула Адалла. — Чтó же онъ поетъ?

— Этотъ ученый обладалъ, вѣроятно, очень сильнымъ воображеніемъ и утверждалъ, что соловей обращается къ своей подругѣ съ слѣдующей пѣсенкой:

Спи, спи, спи, спи, мой любимый другъ,
Другъ, другъ,
Прелестный и любимый,
Спи, любя,
Спи, высиживая дѣтокъ,
Мой милый другъ.
Наши милыя дѣтки,
Наши милыя, милыя, милыя, милыя,
Такія милыя, милыя, милыя
Дѣточки.

И по-французски слова этой пѣсни похожи на звуки соловьиной пѣсни.

— Ахъ, какая прелесть! — воскликнули Любочка и Адалла въ одинъ голосъ, и обѣ попытались спѣть дѣдушкину пѣсню напѣвомъ соловья.

— Пѣсенка, конечно, прекрасна, — заговорилъ дѣдушка,—но она сочинена. А вотъ другой ученый, такъ тотъ имѣлъ терпѣніе записать всю пѣсню соловья буквами, и вышло слѣдующее:

„Тью, тью, тью тью!
Спе, тью, сква!—
Тьо̀, тьо̀, тьо̀, тьо̀, тьо̀, тьо̀, тьо̀, тиксъ!
Кутьо̀, кутьо̀, кутьо̀, кутьо̀!—
Ско̀, ско̀, ско̀, ско̀,
Цу, цу, цу, цу, цу, цу, цу, цу, цу, ци!—
Коррорь, тью, сква, пипикви, зозозозозозозозо
Зиррадингъ, тсиссиси!“

— Но тутъ нѣтъ никакого смысла!—замѣтила Адалла недовольнымъ голосомъ.

— Правда, для насъ нѣтъ; но для соловья эти звуки очевидно чтó-нибудь значатъ.

— Значитъ, животныя выражаютъ пѣнiемъ свои мысли?—спросила Любочка.

— Да; а тѣ, которыя не поютъ, выражаютъ свои чувства криками,—сказалъ дѣдушка.—Но такъ какъ ихъ впечатлѣнiя и нужды очень ограничены, то и языкъ ихъ очень несложенъ.

— Какъ жаль, что мы не понимаемъ языка животныхъ!—замѣтила Адалла.

— А зачѣмъ тебѣ нужно понимать его?—спросилъ дѣдушка, подсмѣиваясь добродушно надъ маленькой дикаркой.—Еслибы соловей спросилъ у насъ теперь свою подругу, которая, можетъ быть, улетѣла въ какой-нибудь большой лѣсъ, развѣ мы могли бы вернуть ему ее?

— Я не подумала объ этомъ, дѣдушка! — сказала спокойно Адалла.

— Но я не скажу, что мы не понимаемъ языка животныхъ,—подолжалъ старикъ. — Помнишь ты Амишку, Любочка?

— Ну, конечно! Мою прелестную собачку!

— Развѣ ты не понимала ее, когда она съ радостнымъ лаемъ подбѣгала къ двери, показывая этимъ, что хочетъ гулять, или когда она жалобно визжала, когда ее хотѣли наказать, и ворчала, когда ревновала тебя къ другой собачкѣ.

— Да, конечно,—согласилась Любочка, пораженная этимъ вѣрнымъ замѣчанiемъ.—Но понимаютъ ли животныя насъ, дѣдушка?

— Тѣ, которыя живутъ всегда среди насъ, которыхъ мы научимъ, понимаютъ нѣкоторыя слова. Напримѣръ, лошадь отлично знаетъ, что надо идти впередъ, когда ей говорятъ «но!» и останавливается, когда говорятъ ей «тпру». Значитъ, она понимаетъ эти слова. Собаки понимаютъ еще больше. У одного изъ моихъ пріятелей была такая понятливая собачка. Когда у нея были щенки, онъ все-таки бралъ ее часто съ собою; но ему стоило только сказать ей: «иди, корми своихъ щенятъ», и она тотчасъ убѣгала къ нимъ. Другая собачка была пріучена играть съ мячикомъ, и стоило только сказать ей: «мячикъ», чтобы она тотчасъ съ веселымъ лаемъ бросалась искать свою игрушку.

— Ахъ, какъ хорошо было бы имѣть такую собачку!—воскликнула Адалла.

— Да, имѣть такую собачку недурно. Но среди животныхъ, какъ и людей, бываютъ и глупыя, и потому надо имѣть терпѣніе, чтобы выучить ихъ чему-нибудь.

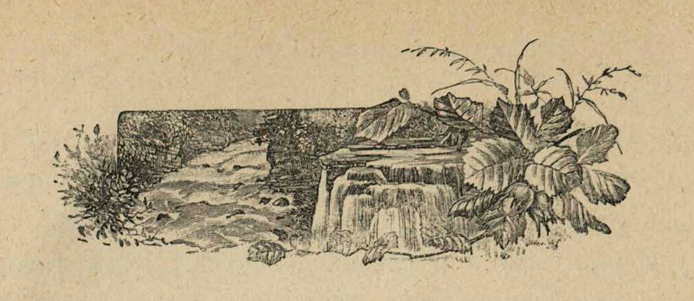
— Милый дѣдушка!—воскликнула Адалла, очень желавшая имѣть собачку,—у меня хватило бы терпѣнія выучить ее всему, что́ я знаю!

Всѣ разсмѣялись.

— А также и англійскому языку?—спросилъ, посмѣиваясь, дѣдушка.

При этихъ словахъ Адалла также разсмѣялась и вскочила къ дѣдушкѣ на колѣни.

ГЛАВА IX.

Комета.

Вѣроятно, Адалла заснула бы на колѣняхъ дѣдушки, еслибы не увидѣла на небѣ нѣчто очень странное. Нѣсколько мгновеній она молча смотрѣла и потомъ вскрикнула:

— Смотрите! смотрите! звѣзда летитъ! звѣзда!

Падучая звѣзда!—поправилъ ее дѣдушка.

— Нѣтъ, летящая! Она оставляетъ свѣтъ за собою... Адалла соскочила съ колѣнъ дѣдушки и указала на сѣверъ.

— И эта звѣзда съ хвостомъ!—воскликнула она.

— Не комета ли это, о которой писали сегодня въ газетахъ?—проговорилъ Николай Степановичъ и, взглянувъ въ ту сторону, куда указывала Адалла, громко сказалъ: – Она и есть!

— Кто она?

— Комета.

— Комета?—повторила въ недоумѣніи Адалла.

Всѣ смотрѣли на интересную звѣзду. Смотрѣла и Адалла. Потомъ она тихонько дернула дѣдушку за рукавъ.

— Кто это?—спросилъ, смѣясь, Николай Степановичъ, какъ бы не замѣчая ее.

— Это дѣвочка,—отвѣтила развязно Адалла,—которой хочется знать, что́ такое комета.

— Нельзя ей этого сказать.

— Отчего?—удивилась Адалла.

— Оттого, что нельзя объяснять другому того, чего самъ не знаешь.

Адалла не нашлась что́ сказать.

— Неужели, дѣдушка, не извѣстно, что́ такое комета?—удивилась Любочка.

— Не извѣстно.

— Но мнѣ помнится, въ сочиненіяхъ по астрономіи я читала очень интересныя подробности о кометахъ?

— Въ такомъ случаѣ разскажи ты мнѣ, что́ знаешь,—воскликнула Адалла, обращаясь къ Любочкѣ.

Любочка нерѣшительно посмотрѣла на дѣдушку, какъ бы ожидая, что́ онъ будетъ разсказывать, но онъ съ улыбкой сказалъ ей:

— Разскажи, Любочка, что́ ты читала. Ей не безполезно будетъ знать это. Принеси бинокль, пусть она получше разсмотритъ это свѣтило.

Любочка поспѣшила принести бинокль, и всѣ принялись поочереди разсматривать комету:

— Я же говорила вамъ!—воскликнула Адалла, передавая сестрѣ бинокль: — звѣзда оставляетъ за собой свѣтлый хвостъ!

— Это не звѣзда,—поправила ее Любочка,—а комета!

— Какая же между ними разница?—удивилась Адалла, глядя на разсѣянныя по небу звѣзды.

— Звѣзды, какъ я уже тебѣ говорила, это—солнца, похожія на наше; онѣ освѣщаютъ такіе же міры, какъ наша земля, и потому мы видимъ ихъ каждую ночь на одномъ и томъ же мѣстѣ. Комета же, напротивъ, которой еще вчера не было видно, будетъ видна намъ только нѣсколько ночей и потомъ пропадетъ.

— Куда же она дѣнется?

— Уйдетъ въ безконечное небесное пространство.

— И никогда не вернется оттуда?

— Да, многихъ кометъ никогда не видѣли вторично; но есть такія, которыя возвращаются. Покажется ли эта комета снова, я не знаю.

— Отчего ихъ называютъ кометами? — спросила Адалла.

— Посмотри хорошенько на нее и скажи, какого она вида?

— Я вижу яркій кружокъ съ длиннымъ хвостомъ.

— Не замѣчаешь ли ты чего-нибудь особеннаго вокругъ этого кружка, который называется головой или, вѣрнѣе, ядромъ кометы?

— Да; я вижу свѣтъ, окружающій этотъ кружокъ...

— Ядро,—поправила Любочка.

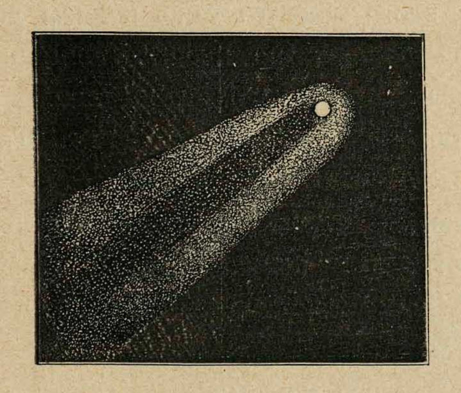
— Да, ядро... Свѣтъ этотъ не яркій и скорѣе слабый.

— Представь себѣ, что ядро кометы голова. Можно ли принять окружающій голову свѣтъ за волосы?

— Можно! — сказала Адалла.

— Такъ показалось и грекамъ. При ихъ сильномъ воображеніи, это свѣтило казалось имъ головой, покрытой волосами, и они назвали его *кометой*, что̀ на ихъ языкѣ значитъ волосатый.

— Отлично, — сказала Адалла. — Теперь скажи мнѣ, отчего однѣ кометы возвращаются къ намъ, а другія нѣтъ?

— Ты знаешь, что земля, какъ и всѣ наши семь планетъ, вертится вокругъ солнца, которое ихъ удерживаетъ около себя при помощи такъ называемой силы притяженія. Мы всегда вертимся вокругъ солнца и не можемъ остановиться. Солнце нашъ господинъ, а земля его рабыня. Правда, зато оно даетъ намъ тепло и жизнь, и это вполнѣ вознаграждаетъ насъ. Но кометы — другое дѣло. Онѣ ужасные бродяги и странствуютъ съ ужасающей быстротой въ безконечномъ пространствѣ, совсѣмъ не заботясь о томъ, куда летятъ. Путь ихъ — безконечность, а время ихъ странствованія — вѣчность. Онѣ, какъ

видишь, не очень несчастны. Но случается, что такая странствующая комета встрѣтитъ на своемъ пути какое-нибудь солнце, и тогда оно тотчасъ притянетъ ее и заставитъ вертѣться вокругъ себя...

— Тогда онѣ тоже дѣлаются рабами того солнца, какъ земля?—сказала Адалла, желавшая показать Любочкѣ, что она поняла ея объясненіе.

— Ну, да! — отвѣтила Любочка, довольная своей ученицей.—Съ этого момента такія кометы движутся на огромныхъ разстояніяхъ по кривымъ линіямъ и всегда по одному и тому же пути, такъ что должны въ извѣстныя времена проходить по тѣмъ же мѣстамъ. Такія кометы мы можемъ разсчитывать видѣть снова.

— Понимаю,—отвѣтила Адалла.—Но далеко ли уходятъ тѣ кометы, которыя исчезаютъ въ безконечномъ пространствѣ? Вѣдь безконечность это... Да что́ такое безконечность?

— Подними голову и взгляни на самыя отдаленныя звѣзды.

— Вижу, тамъ, совсѣмъ наверху...

— До тѣхъ звѣздъ отъ земли милліоны милліоновъ верстъ. Теперь представь себѣ, что за тѣми звѣздами находятся такъ же далеко и столько же звѣздъ, сколько ты видишь отсюда. Затѣмъ вообрази себѣ, что за тѣми опять такая же даль и такія же звѣзды, и такъ дальше, безъ конца, и тогда ты будешь имѣть нѣкоторое понятіе о безконечности.

Адалла смотрѣла долго вверхъ на звѣзды, и ея маленькая головка, очевидно, сильно работала, чтобы предста-

вить себѣ безконечность. Наконецъ, она снова посмотрѣла на яркую комету, которая, казалось, своимъ хвостомъ задѣвала за звѣзды, и сказала:

— А эта комета уйдетъ въ безконечное пространство и не воротится къ намъ?

— Теперь очередь дѣдушки отвѣчать!—сказала Любочка и съ улыбкой указала на него Адаллѣ.

— Нѣтъ, дѣти! —возразила Елена Николаевна, поднимаясь:—теперь поздно, пора спать, лучше отложите эти вопросы до завтра.

ГЛАВА X.

Изъ чего состоитъ комета?

На другой день вечеромъ Адалла подошла къ Николаю Степановичу и молча указала наверхъ.

Старикъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на потолокъ и, конечно, не увидалъ тамъ ничего особеннаго.

— Чтó ты мнѣ хочешь показать?—спросилъ онъ.

— Комету!—отвѣтила Адалла.

— Чтó? Ты хочешь, чтобы я увидѣлъ комету черезъ потолокъ?

— Да нѣтъ же, изъ сада! Неужели ты меня не понялъ, дѣдушка?

— Нѣтъ, не понялъ!—засмѣялся Николай Степановичъ, хотя тотчасъ догадался, о чемъ спрашивала Адалла.

Всѣ отправились въ садъ и расположились на верандѣ.

— Ну, дѣдушка, мы тебя слушаемъ!—сказала серьезно Адалла.

— Хорошо! я долженъ отвѣтить тебѣ и Любочкѣ на вчерашній вопросъ: вернется ли къ намъ эта комета? Признаться, я вчера затруднился бы отвѣтить вамъ и былъ очень доволенъ, что намъ пора было спать. Сегодня же я просмотрѣлъ нѣсколько научныхъ сочиненій объ этомъ свѣтилѣ и могу сказать вамъ, что эта комета, по вычисленію ученыхъ, снова появится на нашемъ небѣ приблизительно черезъ 74 года; но она не всегда бываетъ такъ хорошо видна, какъ теперь. Эта комета оставила по себѣ неизгладимую память въ исторіи нашей земли. Такъ, по мнѣнію многихъ ученыхъ, она явилась въ Іудеѣ въ годъ рожденія Іисуса Христа и была названа Виѳлеемской звѣздой, а древніе астрологи предсказывали, что когда эта комета появится снова, то наступитъ конецъ свѣта. Между тѣмъ, съ тѣхъ поръ она появлялась не разъ, но...

— Конецъ свѣта не наступалъ!—прервала его Адалла.

— Совершенно вѣрно, сударыня! — засмѣялся Николай Степановичъ.

— Эту же комету, — продолжалъ онъ, — видѣли въ Римѣ за 75 лѣтъ до рожденія Іисуса Христа, а затѣмъ она появилась снова въ 73 году по Рождествѣ Христовомъ, во время пятаго консульства Тита. Изъ этого вы можете судить, какова ея почтенная древность.

— Такъ мы ее увидимъ опять черезъ 74 года, не такъ ли, дѣдушка?—спросила Адалла!

Наступило минутное молчаніе.

— Ты, можетъ быть, и увидишь ее еще разъ, моя дорогая,—сказалъ наконецъ Николай Степановичъ,—но мнѣ, разумѣется, ее больше не увидать.

— Отчего?—удивилась Адалла.

— Оттого что черезъ семьдесятъ четыре года,—отвѣтилъ съ грустной улыбкой старикъ,—мнѣ было бы 140 лѣтъ, а люди въ наше время не доживаютъ до такого возраста.

Адалла досадовала на себя, что затронула такой грустный вопросъ, а затѣмъ подошла къ дѣдушкѣ и нѣжно поцѣловала его.

— Любочка говорила тебѣ, Адалла,—снова началъ Николай Степановичъ,—съ какой скоростью земля вращается вокругъ солнца?

— Да, дѣдушка, земля пробѣгаетъ около четырехъ съ половиною милліоновъ верстъ въ сутки.

— Вѣрно. Но комета движется еще быстрѣе. Она мчится съ быстротою болѣе чѣмъ 260,000 верстъ въ часъ, а въ день болѣе 6,000,000 верстъ.

— А на небѣ теперь только одна эта комета и есть?—спросила Адалла.

— Одинъ знаменитый астрономъ, Кеплеръ, говорилъ, что въ безконечномъ пространствѣ столько же кометъ, сколько въ океанѣ рыбъ; но мы видимъ только немногія изъ нихъ. Надо тебѣ сказать что, наша земля—все равно, что песчинка въ безконечномъ пространствѣ, и потому неудивительно, что, несмотря на величину кометъ, только немногія изъ нихъ встрѣчаютъ на своемъ пути нашу землю.

— А какъ велики кометы?

— Длина хвоста вотъ этой кометы 70 милліоновъ верстъ!—отвѣтилъ Николай Степановичъ.

— Неужели?—воскликнула пораженная Адалла.—Изъ чего же состоятъ кометы?

— Я ждалъ этого вопроса, и былъ правъ, когда сказалъ тебѣ, что не знаю, чтó такое комета. До сихъ

поръ неизвѣстно, какъ онѣ возникли, изъ чего состоятъ и какъ измѣняются, откуда приходятъ и куда уходятъ и для чего существуютъ. Есть только нѣсколько предположеній.

— Какія же это предположенія?—спросила Адалла, сильно заинтересованная этимъ вопросомъ.

— Астрономы думаютъ, что кометы состоятъ изъ

огромныхъ массъ раскаленныхъ газовъ, которые и сами свѣтятся, и отражаютъ свѣтъ отъ солнца.

— Значитъ, кометы необитаемы?

— Да онѣ и не могутъ быть обитаемы. Смотри: сквозь хвостъ этой кометы видны звѣзды, а въ телескопъ можно видѣть звѣзды даже черезъ ядро; какъ же можно жить тамъ?

— А еслибы тамъ могли люди жить, то кометы должны были бы быть стеклянныя?

— Чтó ты хочешь этимъ сказать, дѣточка?

— Что онѣ должны были бы быть прозрачными!

— А, понимаю,—сказалъ Николай Степановичъ,—но жаръ кометы такъ великъ, что стекло мгновенно расплавилось бы и превратилось бы въ паръ.

— А если какая-нибудь комета встрѣтитъ землю, то тотчасъ настанетъ конецъ свѣта? Правда, дѣдушка?— спросила съ безпокойствомъ Адалла.

— Вотъ еще вопросъ, на который нѣтъ отвѣта. Одни ученые говорятъ, что такая встрѣча въ конецъ разрушила бы нашу землю, а другіе увѣряютъ, что мы бы даже не замѣтили этого столкновенія. Но успокойся, ученые вычислили, что только изъ 280,000,000 случаевъ одинъ разъ возможна такая встрѣча.

— Тѣмъ лучше! – прошептала Адалла, вздохнувъ съ облегченіемъ.

— Не много же, въ самомъ дѣлѣ, знаютъ о кометахъ, дѣдушка,—замѣтила Любочка.—Это удивительно; въ наше время знаютъ почти все.

— О природѣ кометъ, моя дорогая, извѣстно теперь

не больше, чѣмъ 1800 лѣтъ тому назадъ, – отвѣтилъ Николай Степановичъ. – Вотъ что́ писалъ въ 50-мъ году по Рождествѣ Христовомъ римскій ученый Сенека.

Николай Степановичъ вынулъ изъ кармана книгу, которую принесъ изъ библіотеки, и прочиталъ слѣдующее:

«Полагаютъ, что кометы не звѣзды, потому что онѣ не круглыя, какъ прочія звѣзды. Но удлиненъ только свѣтъ, исходящій изъ нихъ, а ихъ тѣло круглое; притомъ различіе по формѣ еще не указываетъ на различіе по существу. Природа не все творила по одному образцу. Путь кометъ еще неизвѣстенъ, такъ какъ онѣ появляются слишкомъ рѣдко, но движенія ихъ не безцѣльны и не безпорядочны, какъ и движенія планетъ. У нихъ есть опредѣленные пути, онѣ удаляются, но не перестаютъ существовать. И развѣ небо не открыто во всѣ стороны? Не будемъ удивляться, что еще неизвѣстны законы движенія кометъ, появляющихся такъ рѣдко, что неизвѣстно, какъ образуются и какъ разрушаются звѣзды, приходящія съ огромныхъ разстояній. Еще не прошло пятнадцати вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ греки сосчитали звѣзды и дали имъ названія...»

Что?—воскликнула Адалла, прерывая дѣдушку:— развѣ раньше у звѣздъ не было названій?

— Нѣтъ, не было,—отвѣтилъ, улыбаясь, Николай Степановичъ.—Когда народы стали путешествовать по материкамъ и морямъ, то вынуждены были по ночамъ руководствоваться положеніемъ звѣздъ, и это заставило ихъ обозначать звѣзды какими-нибудь названіями.

Сказавъ это, Николай Степановичъ снова сталъ

читать по книгѣ: «Существуетъ еще много народовъ, которые, глядя на небо, не знаютъ даже, отчего бываетъ затменіе луны, а не такъ давно еще и мы не знали этого въ точности. Но настанетъ время, когда, послѣ вѣковыхъ наблюденій и работъ, выяснятся всѣ такія явленія, которыя теперь для насъ темны. Тогда будетъ извѣстно и то, куда скрываются кометы, отчего онѣ удаляются отъ другихъ звѣздъ, и будутъ извѣстны число и величина ихъ...»

Николай Степановичъ закрылъ книгу.

— Какъ видите,—сказалъ онъ,—это время, о которомъ говорилъ Сенека XVIII вѣковъ тому назадъ, еще не настало, и хотя мы теперь знаемъ нѣсколько больше, чѣмъ Сенека, это еще далеко недостаточно.

— Меня удивляетъ, папаша,—сказала Елена Николаевна,—что ты говоришь, будто Сенека зналъ почти столько же, какъ и мы объ этихъ блуждающихъ свѣтилахъ. А я читала, что въ тѣ времена люди ничего не знали о кометахъ, и потому онѣ наводили ужасъ на жителей земли.

— Ты права, моя дорогая, и тотъ же философъ Сенека говоритъ: «Настанетъ время, когда непонятныя для насъ явленія будутъ ясны и понятны». Дѣло въ томъ, что тогда рѣдкіе люди читали Сенеку; повсюду царило грубое суевѣріе, и когда комета внезапно появлялась, невѣжественный народъ считалъ ее предвѣстницей великихъ бѣдствій на землѣ. Такъ, напр., во время опустошенія Англіи норманнами, на небѣ внезапно появилась комета, которая навела паническій ужасъ на англичанъ, а другая комета, появившаяся послѣ взятія

Константинополя турками, привела въ ужасъ даже папу Каликста, который приказалъ всѣмъ молиться и звонить въ колокола во всѣхъ церквахъ. Такая же комета побудила Карла V отречься отъ престола и поступить въ монастырь. Вѣря астрологамъ, люди въ то время вообще впадали въ большія нелѣпости.

— Астрологамъ? Кто это астрологи? — спросила Адалла.

— То были люди, называвшіе себя учеными и утверждавшіе, что могутъ предсказывать будущее по положенію

звѣздъ. Въ то время почти у всѣхъ королей и принцевъ были свои придворные астрологи. Желая узнать тайны будущаго, они довѣряли этимъ астрологамъ, которые въ сущности знали не больше ихъ, но, какъ ловкіе плуты, обманывали своихъ повелителей. Но ремесло этихъ пророковъ было не изъ завидныхъ. Они вынуждены были предсказывать болѣе или менѣе пріятныя вещи и не слишкомъ ошибаться при этомъ. Попроси Любочку разсказать тебѣ исторію астролога Людовика XI; этотъ разсказъ покажетъ тебѣ, какимъ непріятностямъ имъ приходилось иногда подвергаться.

Адалла обратилась къ Любочкѣ, и та разсказала ей слѣдующее:

— Случилось, что астрологъ Людовика XI предсказалъ одному придворному, любимцу короля, что тотъ будетъ жить очень долго. Но вдругъ этотъ придворный умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. Король потребовалъ къ себѣ астролога, чтобы приказать зашить его въ мѣшокъ и бросить въ воду. Это была энергичная, дѣйствительная мѣра, чтобы отъучить астрологовъ дѣлать въ будущемъ невѣрныя предсказанія. Когда его привели, король съ насмѣшкой спросилъ его:

«— Ты такъ хорошо узнаешь судьбу людей, что навѣрное уже узналъ по звѣздамъ, сколько времени тебѣ самому осталось жить?

Астрологъ догадался, что ему грозитъ опасность, и смѣло отвѣтилъ:

«— Государь, небесныя свѣтила предсказали мнѣ, что я умру за три дня до васъ».

Несмотря на свой гнѣвъ, Людовикъ XI испугался и не казнилъ астролога.

— Однако, ловкій плутъ былъ этотъ астрологъ! — воскликнула, смѣясь, Адалла, очень довольная разсказомъ.

— Ну, на сегодня довольно, — сказалъ Николай Степановичъ, поднимаясь.

— Подожди, дѣдушка, взгляни туда! — остановила его поспѣшно Адалла, указывая на горизонтъ, къ которому быстро склонялась блестящая точка. — Вчера вечеромъ ты меня не понялъ, когда я назвала комету летящей звѣздой, но вотъ это настоящая летящая звѣзда.

— Это падучая звѣзда.

— Ну, а дальше?.. Говори же, дѣдушка!

— Обратись къ Любочкѣ. Теперь ея очередь разсказывать.

— Ну, скажи ты, Любочка, что́ такое падучая звѣзда? — спросила Адалла.

Любочка улыбнулась.

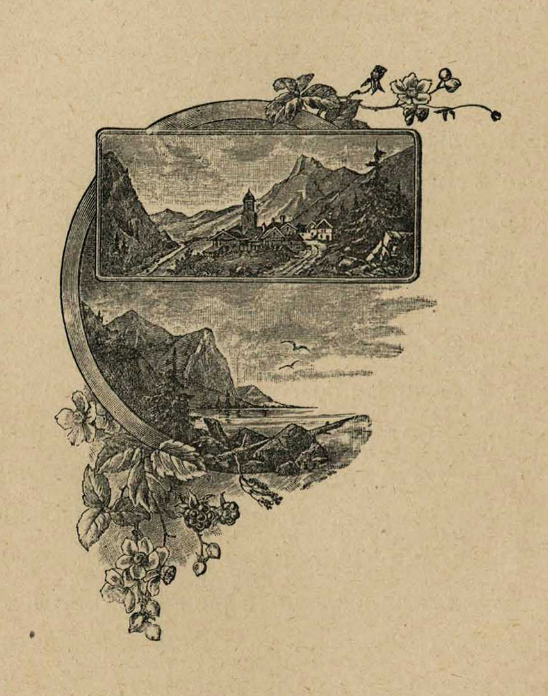
— О нихъ тоже ничего неизвѣстно, какъ и о кометахъ, — сказала она.

— Ахъ, какъ жаль! — замѣтила Адалла.

— Къ сожалѣнію, это такъ. Полагаютъ, что падучія звѣзды небольшія тѣла, нѣчто въ родѣ большихъ камней, которые странствуютъ безцѣльно въ небесномъ пространствѣ, или что это осколки какой-нибудь разбившейся планеты. Попадая въ воздухъ, окружающій землю, они подвергаются такому сильному тренію, что раскаляются и сгораютъ, долетая до земли лишь въ видѣ легкой пыли. Несгорѣвшіе совсѣмъ и долетѣвшіе до земли осколки состоятъ большею частью изъ смѣси камня и желѣза. Это собственно такъ называемые аеролиты. Потомъ есть основаніе предполагать, что другая, бо́льшая часть падучихъ звѣздъ образуется отъ того, что черезъ верхніе слои воздуха проносятся и раскаляются движущіяся съ неимовѣрной быстротой частички неизвѣстныхъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ кометы. Дѣло въ томъ, что кометы, которыя вращаются вокругъ солнца, постепенно раздробляются на части, а эти частицы блуждаютъ разсѣянныя по всему ея пути, и когда земля проходитъ близко къ этому пути, въ воздухъ иногда попа-

даютъ частички этихъ кометныхъ веществъ. Насколько эти предположенія вѣрны, покажетъ будущее. Вотъ и все, что́ можно сказать о падучихъ звѣздахъ.

— Ну, немного же извѣстно о небесныхъ мірахъ! — промолвила Адалла, дѣлая презрительную гримасу, очевидно, по адресу бѣдныхъ ученыхъ.

ГЛАВА XI.

Отчего смѣются?

Однажды послѣ обѣда Адалла играла въ саду съ маленькой Надей въ мячикъ. Кругомъ разносился нѣжный ароматъ цвѣтовъ. Наденька была дочь Сергѣя Николаевича и Вѣры Александровны Бартеневыхъ, которые пріѣхали съ своей дочуркой на нѣсколько дней повидаться съ родными. Адалла сразу полюбила Наденьку и всѣми силами старалась забавлять ее. Въ этотъ день имъ позволили уйти изъ столовой, когда обѣдъ еще не былъ конченъ, и каждая изъ нихъ, съ маленькимъ плоскимъ барабанчикомъ въ рукахъ, отъ котораго мячъ отскакивалъ высоко съ сильнымъ звукомъ, старались превзойти другъ друга въ ловкости.

Играя, Адалла такъ сильно подбросила мячикъ, что онъ застрялъ на каштановомъ деревѣ между вѣтвями.

— Какъ бы намъ достать его?—спросила Надя.

— Надо влѣзть на дерево, — отвѣтила Адалла; — но теперь нельзя никого безпокоить, всѣ слуги заняты. Надо подождать.

— Это скучно! — прошептала Надя.

Осмотрѣвшись, она увидѣла въ концѣ аллеи мальчика.

— Кто тамъ идетъ?—спросила она.

— Это Ванюша, сынъ садовника.

— Не достанетъ ли онъ намъ мячикъ?

Адалла подозвала жестомъ мальчика и попросила его достать мячикъ.

— Это пустяки! — сказалъ онъ съ оттѣнкомъ гордости, довольный тѣмъ, что барышни принуждены были обратиться къ нему за помощью.—Я сейчасъ достану его.

И онъ полѣзъ на дерево. Скоро мячикъ былъ у него въ рукахъ; но, не довольствуясь этимъ, онъ полѣзъ выше, на верхнюю вѣтвь, и ступилъ на нее ногами. Напрасно Адалла кричала ему, чтобы онъ слѣзалъ, онъ хвастливо оставался наверху и даже пересталъ держаться за вѣтку. Двѣ три минуты онъ стоялъ хорошо, но потомъ вдругъ вѣтка подломилась подъ нимъ, и онъ полетѣлъ внизъ. Адалла и Надюша въ ужасѣ закрыли глаза, но не слыша паденія мальчика, рѣшились взглянуть и увидали презабавную картину: Ванюша зацѣпился панталонами за сучокъ и висѣлъ невысоко надъ землею, въ положеніи совсѣмъ не опасномъ, но очень непріятномъ. Сконфуженный мальчикъ старался освободиться, но какъ ни вертѣлся на сучкѣ,—все было напрасно. Глядя на него, Адалла и Надя расхохотались.

Ваня упалъ съ дерева и зацѣпился за сучекъ (стр. 226).

Веселый, громкій смѣхъ еще больше смутилъ Ваню; онъ забылъ всю свою гордость и отчаянно заревѣлъ. На этотъ плачъ и смѣхъ дѣвочекъ собралась вся семья Бартеневыхъ. Сергѣй Николаевичъ поспѣшилъ снять съ сучка Ваню, и тотъ въ смущеніи пустился бѣжать со всѣхъ ногъ. Разсказывая объ этомъ, Адалла и Надя хохотали до слезъ, а глядя на нихъ, и старшіе разсмѣялись.

Черезъ нѣсколько времени, когда всѣ уже забыли объ этомъ приключеніи, Адалла подошла къ Любочкѣ и неожиданно спросила:

— Отчего смѣются?

— Отчего смѣются?—Отъ разныхъ причинъ. Смѣхъ, какъ и слезы, происходитъ отъ усиленной мозговой дѣятельности и вызывается сильнымъ умственнымъ возбужденіемъ. Дѣти смѣются отъ радости, когда имъ дарятъ новую игрушку; скряга улыбается при видѣ своихъ сокровищъ, люди гордые и самолюбивые смѣются надъ другими, считая себя лучше нихъ; другіе смѣются при чужой бѣдѣ, при внезапной радости и т. д. Однимъ словомъ, можно смѣяться до слезъ и плакать до смѣха, до истерики.

Адалла слушала внимательно, сдвинувъ немного по обыкновенію брови.

— Это доказываетъ случай съ Ванюшей,—продолжала Любочка:—увидѣвъ его въ такомъ смѣшномъ положеніи и видя, что опасности для него нѣтъ, ты невольно разсмѣялась. Отчего, спрашивается? Оттого, что тебѣ казалось, что съ тобою этого не случилось бы и что ты не стала бы передъ тѣмъ хвалиться своею ловкостью.

Глядя на его гримасы и смѣшныя попытки освободиться, ты еще больше расхохоталась, думая, что на его мѣстѣ ты не стала бы такъ кривляться. Но это былъ у тебя смѣхъ хорошій, добрый.

— Вообще смѣяться хорошо и здорово, дѣтки;—вмѣшался Николай Степановичъ,—особенно такъ, какъ вы смѣетесь. Къ сожалѣнію мнѣ не часто приходится смѣяться, и потому недурно хоть послушать, какъ смѣются другіе.

— Мы, дѣдушка, будемъ чаще смѣяться, если это тебѣ доставляетъ удовольствіе!—сказала Надя, обнимая дѣдушку.

— Пожалуйста!—сказалъ Николай Степановичъ.

Адалла повела Надю въ садъ, но вдругъ остановилась и, сконфузившись, громко сказала:

— Ахъ, какая я глупая!

Всѣ разсмѣялись. Очевидно, ужъ выпалъ такой день, чтобы смѣяться.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Я забыла взять мячикъ отъ Ванюши. Онъ убѣжалъ съ нимъ.

Эти слова снова возбудили всеобщій смѣхъ.

— А почему мы смѣялись теперь?—спросилъ Николай Степановичъ, когда всѣ успокоились.

— Вотъ интересный вопросъ!—воскликнула Елена Николаевна.

— Пусть Адалла сама отвѣтитъ на него,—сказала Любочка.

Адалла подумала и сказала:

— Вы засмѣялись оттого, что думали, что на моемъ мѣстѣ не забыли бы взять мячикъ у Вани.

— Ты отвѣтила вѣрно,—сказала Любочка,—но при этомъ ты видѣла, что смѣхъ нашъ былъ добрый, хорошій, и хотя мы посмѣялись надъ твоимъ промахомъ, то все же любимъ тебя отъ всего сердца.

ГЛАВА XII.

Послѣ смѣха слезы.

Однако Адалла не всегда смѣялась.

Напротивъ, съ нѣкотораго времени, именно съ пріѣзда Нади, Адалла сдѣлалась серьезной; казалось, у нея было какое-то тайное горе.

Любовь къ своимъ дѣтямъ, которая сказывалась во всемъ у Елены Николаевны и у Вѣрочки, вызвала въ Адаллѣ неизвѣстное ей до тѣхъ поръ чувство зависти, которое омрачало ея умъ и дѣлало ее съ каждымъ днемъ угрюмѣе. Между тѣмъ, ни Елена Николаевна, ни Вѣрочка, мать Нади, не догадывались о томъ, что́ происходитъ въ головкѣ Адаллы, и не могли объяснить себѣ ея печальнаго настроенія.

Бартеневъ и Горскій слѣдили съ тревогой за перемѣной, происшедшей съ Адаллой, а когда Любочка спрашивала у своей ученицы: «что́ съ ней?», она всегда печально отвѣчала: «ничего». Наконецъ, благодаря случаю, удалось узнать, въ чемъ состояло горе маленькой абиссинки.

Вернувшись какъ-то изъ города, Николай Александровичъ привезъ извѣстіе, что одна маленькая дѣвочка, знакомая Бартеневыхъ, умерла въ нѣсколько часовъ отъ ужасной заразной болѣзни.

Елена Николаевна и Вѣрочка невольно обняли своихъ дѣтей, какъ бы желая защитить ихъ отъ такой печальной судьбы. Въ это время Адалла сидѣла въ уголкѣ одна; о ней въ эту минуту не вспомнили. Она сразу поняла, какъ велико ея несчастіе, и тревожное чувство, жившее въ ней въ послѣднее время, выразилось одной мыслью: «У меня нѣтъ мамы». Она незамѣтно вышла изъ гостиной и убѣжала въ садъ. Тамъ она усѣлась прямо подъ жаркими лучами августовскаго солнца, не замѣчая ихъ, и устремивъ печальный взглядъ на далекое море, вся предалась грустнымъ воспоминаніямъ о своей далекой и покрытой мрачными лѣсами родинѣ, гдѣ находилась ея мать. Но то была не тоска по далекой родинѣ,—она хотѣла только снова видѣть, опять имѣть мать. До этой минуты она сама не сознавала ясно своихъ чувствъ, но извѣстіе о внезапной смерти дѣвочки и послѣдовавшая затѣмъ нѣжная сцена открыли ей глаза. Сидя теперь съ неподвижно устремленнымъ взглядомъ и съ непокрытой головой подъ жаркими лучами солнца, она вся предалась своему молчаливому горю. Скоро въ глазахъ у нея помутилось, и она лишилась чувствъ.

Тѣмъ временемъ всѣ замѣтили отсутствіе Адаллы и, не найдя ее въ домѣ, пошли въ садъ, хотя знали, что въ немъ все теперь залито солнцемъ. Любочка съ безпокойствомъ обошла весь садъ и, наконецъ, на поворотѣ

аллеи увидѣла Адаллу: она сидѣла неподвижно съ отвисшими руками, безпомощно склонивъ голову на грудь.

— Адалла! Адалла!—закричала она, подбѣгая.—Боже мой! Развѣ можно спать на солнцѣ? Проснись, дорогая!

Но когда Любочка подошла къ дѣвочкѣ ближе и тронула ее, то къ ужасу своему увидала, что она лишилась чувствъ и лицо ея сдѣлалось багровымъ.

Любочка вскрикнула; на ея крикъ сбѣжалась вся семья.

— Что́ съ ней?—спросилъ Николай Степановичъ, отстраняя всѣхъ и осматривая дѣвочку. — Она опасно больна. Нужно сейчасъ послать за докторомъ.

Адаллу тотчасъ уложили въ постель; но она не пришла въ себя, и лицо ея сохраняло тотъ же багровый оттѣнокъ, такъ сильно испугавшій Любочку.

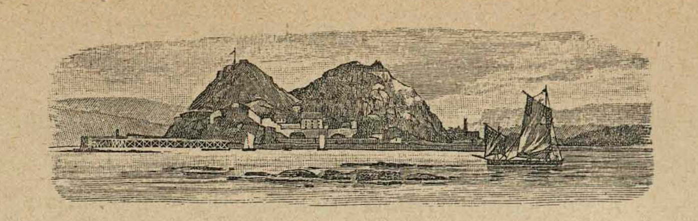
Докторъ осмотрѣлъ дѣвочку и объявилъ, что у ней не особенно опасный приливъ крови къ мозгу. Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ компрессовъ къ головѣ, Адалла очнулась. Черезъ нѣсколько времени она вспомнила, что́ случилось, и увидавъ вокругъ себя встревоженныя лица и полные слезъ взгляды, она поняла, что ее любятъ.

— Я люблю тебя! — прошептала она, протягивая изъ-подъ одѣяла свою маленькую ручку къ Любочкѣ.

Любочка не догадывалась, сколько въ этихъ словахъ было благодарности, а также угрызеній совѣсти. Она наклонилась къ Адаллѣ и нѣжно поцѣловала ее. При этомъ Адалла вспомнила, что мать ея такъ же цѣловала ее, и залилась тихими слезами.

Докторъ объявилъ, что болѣзнь не опасна (стр. 232).

ГЛАВА XIII.

Отчего плачутъ?

Хорошій признакъ, кризисъ миновалъ,—сказалъ докторъ, увидавъ слезы Адаллы.

И дѣйствительно, она стала быстро поправляться, хотя вынуждена была еще оставаться въ постели. Всѣ старались развлечь и занять ее. Однажды, когда около нея сидѣла Любочка, Вѣрочка и Сергѣй Николаевичъ, кто-то изъ нихъ упомянулъ о спасительныхъ слезахъ ея въ началѣ болѣзни.

— Отчего плачутъ?—вдругъ спросила Адалла.

— Чтó ты хочешь спросить?—сказала Вѣра, удивившись этому вопросу.

— Любочка объясняла мнѣ отчего смѣются; теперь я хочу знать, отчего плачутъ?

— Ну, Любочка, отвѣчай же Адаллѣ, — сказалъ Сергѣй Николаевичъ.

— Попробую. Надо тебѣ сказать, что мы всегда плачемъ, и что это очень важно для насъ.

— Ты шутишь, Любочка!—воскликнула Адалла. – Мы не всегда плачемъ.

— Впередъ выслушай меня. Надъ глазами, подъ вѣками, у насъ находится маленькая розовая железка; эта железка постоянно выдѣляетъ слезы и называется слезной.

— Зачѣмъ же нужны слезы?

— Чтобы сохранить намъ зрѣніе. Слезная железа поставлена выдѣлять слезы, которыя, смачивая глазъ, не даютъ ему сохнуть, облегчаютъ треніе его вѣками и смываютъ съ него пыль.

— Но отчего же у насъ не всегда слезы, а только тогда, когда мы плачемъ?

— А объ испареніи вы забыли, сударыня?—засмѣялась Любочка.

— Да, вѣрно! Я совсѣмъ забыла о немъ; значитъ, слезы смачиваютъ глаза, а затѣмъ испаряются?

— Да. Когда же очень холодно, то глаза наши слезятся, потому что въ воздухѣ нѣтъ достаточнаго тепла, чтобы слезы могли испаряться. Но кромѣ испаренія, слезы имѣютъ еще одинъ выходъ изъ глазъ: онѣ стекаютъ къ маленькому красноватому тѣльцу, которое видно въ углу глаза, у носа, и проходятъ позади него въ маленькій каналъ, ведущій въ носъ. Тамъ онѣ расходятся по кожѣ, которою внутри выстланъ носъ, и быстро и легко испаряются. Поняла, Адаллочка?

— Да, но все это не объясняетъ мнѣ, отчего люди плачутъ?

— Плачутъ тогда, когда слезныя железы, подъ влія-

ніемъ горя, страданія или сильнаго волненія, начнутъ внезапно выдѣлять такъ много слезъ, что онѣ не успѣваютъ испаряться и вынуждены выступить изъ глазъ.

Адалла задумалась на минуту.

— Но отчего,—спросила она затѣмъ,—слезы льются больше при горѣ и боли?

Не зная, что̀ отвѣтить на этотъ вопросъ, Любочка взглядомъ обратилась къ брату за помощью.

— О, это сложный вопросъ!—сказалъ Сергѣй Николаевичъ:—чтобы отвѣтить на него, придется говорить о рефлекторныхъ движеніяхъ.

— Развѣ я не пойму этого?—спросила Адалла.

— Пожалуй, не поймешь!

— Попробуй все-таки,—попросила Адалла.

— Хорошо. Любочка, вѣроятно, уже объясняла тебѣ, какую роль играетъ головной и спинной мозгъ?

— Да.

— Она тебѣ навѣрное говорила также, что спинной мозгъ—это нервное вещество, которое расположено вдоль позвоночнаго столба, и что отъ этого вещества тянутся по всему тѣлу тоненькія нити, называемыя нервами. Нервы доходятъ до кожи и ими мы ощущаемъ жаръ, холодъ, тяжесть и форму предметовъ. Свои ощущенія нервы передаютъ спинному мозгу, а спинной мозгъ передаетъ ихъ мозгу головному. Головной мозгъ отдаетъ приказаніе спинному, который долженъ исполнить его. Такое дѣйствіе

называется волей. Если ты хочешь, напримѣръ, переставить стулъ на другое мѣсто, то головной мозгъ приказываетъ спинному, и это тотчасъ исполняется. Но представь, что ты по неловкости ушибешься объ стулъ, тогда нервы дадутъ знать объ этомъ спинному мозгу, а этотъ — головному, который прикажетъ спинному, а тотъ уже нервамъ руки сдѣлать, чтó нужно, напр., потереть ушибленное мѣсто...

— Это правда!—согласилась наивно Адалла:—когда ушибешься, то тотчасъ начинаешь тереть ушибленное мѣсто. Но отчего мы это дѣлаемъ?

— Оттого, что больно.

— А отчего больно?

— Больно оттого, что нервы ушибленнаго мѣста испытываютъ отъ удара сильное ощущеніе, къ которому они не привыкли. Это необычное состояніе нервовъ,—происходитъ ли оно отъ ушиба, раны или болѣзни,—всегда и ощущается, какъ боль, а потому такъ и называется.

— Чтó же, нервы дѣлаются черными въ томъ мѣстѣ, гдѣ ушибешься?—спросила Адалла.

— О, нѣтъ! Они живучи и гибки, и вскорѣ снова приходятъ въ прежнее состояніе. Черный же цвѣтъ, который выступаетъ на мѣстѣ сильнаго ушиба, происходитъ оттого, что ударъ разрушаетъ многочисленные маленькіе кровяные сосуды, и кровь, вытѣсненная изъ этихъ сосудовъ, остается неподвижной въ этомъ мѣстѣ тѣла, пока сосуды не поправятся и пока она сама не будетъ впитана другими сосудами. Когда кровь находится внѣ сосудовъ, это называется кровоизліяніемъ, а сосуды, какъ тебѣ извѣстно, это маленькія вены и артеріи. Теперь мы

наконецъ добрались до рефлекторныхъ движеній, отъ которыхъ мы отклонились.

Адалла широко открыла глаза, какъ бы спрашивая себя, какое имѣли отношеніе эти рефлекторныя движенія къ такому простому вопросу. Сергѣй Николаевичъ угадалъ причину ея удивленія.

— Развѣ ты не спрашивала меня, отчего плачутъ?

— Спрашивала.

— Ну, такъ теперь я и отвѣчаю тебѣ на этотъ вопросъ. Ты уже знаешь, что когда хочешь переставить стулъ или когда стукнешься о него, то мозгъ заставляетъ тебя сдѣлать извѣстныя движенія. Движенія эти добровольныя; ты дѣлаешь ихъ оттого, что этого хочешь. Но есть непроизвольныя движенія, которыя заставляетъ дѣлать спинной мозгъ, не доводя о нихъ до свѣдѣнія головного мозга. Эти непроизвольныя движенія называются рефлекторными.

Сергѣй Николаевичъ взглянулъ на Адаллу.

— Ты, кажется, не понимаешь меня?—спросилъ онъ.

— Я ровно ничего не понимаю!—воскликнула Адалла съ такой откровенностью, что всѣ разсмѣялись.

— Ну, такъ слушай. До сихъ поръ спинной мозгъ былъ покорнымъ слугой головного мозга; теперь ты увидишь, что онъ часто обходится безъ него, и отдавая самъ приказанія нервамъ, изъ слуги дѣлается господи-

номъ. Получая отъ нервовъ извѣстія объ извѣстныхъ ощущеніяхъ, онъ отвѣчаетъ на нихъ извѣстными движеніями, «опредѣляетъ» ощущенія, какъ говорится, или, полатыни, «рефлектируетъ», и такъ какъ головной мозгъ не знаетъ объ этихъ невольныхъ движеніяхъ, то они и считаются непроизвольными.

Адалла задумалась.

— Примѣры помогутъ тебѣ понять, что́ я говорю,— продолжалъ Сергѣй Николаевичъ.—Когда нервы твоего носика почувствуютъ слишкомъ сильный холодъ или какую-нибудь постороннюю соринку, попавшую въ носъ, что́ происходитъ тогда?

Адалла подумала немного и нерѣшительно сказала:

— Тогда я чихаю.

— Совершенно вѣрно! Ты чихаешь, это и есть рефлекторное движеніе. На ощущеніе холода или стѣсненія, переданное нервами твоего носа спинному мозгу, спинной мозгъ послалъ извѣстнымъ нервамъ приказаніе заставить мускулы, предназначенные для чиханья, дѣйствовать. Ощущеніе, значитъ, отразилось отъ спинного мозга невольнымъ движеніемъ.

— Я начинаю понимать,—сказала Адалла.

— Вотъ другой примѣръ. Когда ты поперхнешься, что́ происходитъ тогда?

— Я начинаю сильно кашлять.

— Это оттого, что твой спинной мозгъ, предупрежденный нервами твоей гортани о непріятномъ ощущеніи, которое они испытываютъ, приказалъ, безъ вѣдома головного мозга, дѣйствовать мускуламъ, назначеннымъ для

кашля. Такъ вотъ, когда чувство боли передано спинному мозгу, онъ приводитъ въ движеніе мускулы слезныхъ железъ, которыя и начинаютъ выдѣлять слезы.

— Значитъ, и смѣхъ?..—сказала Адалла.

— И смѣхъ тоже рефлекторное движеніе; какъ только спинной мозгъ получилъ извѣстное ощущеніе, онъ тотчасъ приводитъ въ движеніе мускулы, предназначенные для смѣха.

— Но отчего спинной мозгъ заставляетъ смѣяться, когда весело, и плакать, когда грустно?—спросила Адалла.

— Ну, это ему одному извѣстно,—отвѣтилъ Сергѣй Николаевичъ.—Наше тѣло очень сложная и удивительная машина, и объяснять дѣйствія нервной системы очень трудно. Замѣчу тебѣ кстати, что въ смѣхѣ сказывается больше ума, чѣмъ въ слезахъ, потому что слезы свойственны также многимъ животнымъ, между тѣмъ какъ смѣяться можетъ только человѣкъ... и въ особенности женщины, дѣти... Итакъ, существуютъ добровольныя, волевыя движенія, которыя выполняются при участіи головного мозга, и движенія непроизвольныя, рефлекторныя, которыя выполняются безъ вѣдома его, при участіи лишь спинного мозга.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала Адалла,—вѣроятно, при участіи того же спинного мозга выполняются и движенія желудка, сердца, легкихъ, пищеваренія, кровообращенія и дыханія, которыя также, должно быть, движенія невольныя?

— Правда, это все движенія непроизвольныя, но только ими управляютъ не спинной и не головной мозгъ.

— Но кто же тогда?—спросила въ изумленіи Адалла.

— А нѣчто другое, такъ называемый симпатическій нервъ. Ты отлично понимаешь, что перечисленныя тобою работы организма должны быть свободны отъ вліянія нашей воли, потому что не должны, подъ страхомъ смерти, никогда прерываться. Помѣщающійся въ груди и животѣ, независимый ни отъ спинного, ни отъ головного мозга, большой симпатическій нервъ одинъ управляетъ этими важными движеніями. Такимъ образомъ, въ тѣлѣ нашемъ существуютъ три распорядителя, имѣющіе каждый свои особыя обязанности и живущіе между собою вполнѣ согласно, именно: головной мозгъ, спинной мозгъ и большой симпатическій нервъ. Надѣюсь, что теперь всѣ твои вопросы кончены?

— Нѣтъ еще.

— Нѣтъ еще!—воскликнулъ Сергѣй Николаевичъ съ такимъ ужасомъ, что всѣ невольно засмѣялись.

— Есть еще только одинъ вопросъ: изъ чего состоятъ слезы?

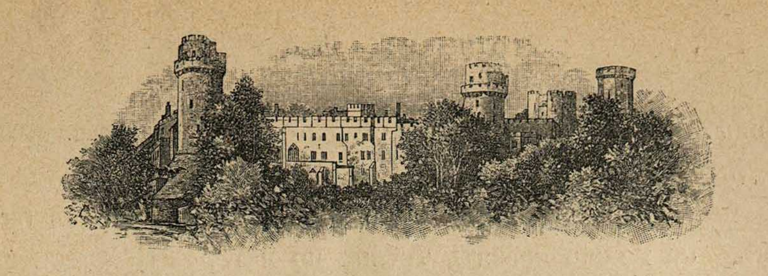
— Изъ воды и хлористаго натрія.

— Что́ ты говоришь!—удивилась Адалла.

— Ну, да! Хлористый натрій—это соль.

— А!—прошептала Адалла, вспомнивъ свое горе и вдругъ становясь серьезной:—такъ вотъ отчего слезы такъ горьки!

ГЛАВА XIV.

Неожиданная радость.

Бѣдняжка Адалла не вполнѣ оправилась послѣ своей болѣзни, хотя, повидимому, ничѣмъ не страдала. Она сидѣла по цѣлымъ часамъ задумавшись, мечтая о чемъ-то, и когда къ ней обращались, она, какъ бы очнувшись, отвѣчала односложно на ласковые вопросы, а затѣмъ снова погружалась въ свои думы; при этомъ она не обнаруживала ни желаній, ни любознательности, потеряла вкусъ къ лакомствамъ, которыя прежде любила, и своимъ безучастіемъ и грустью встревожила всю семью Бартеневыхъ, а Любочку привела въ отчаяніе. Она, повидимому, только и жила въ тѣ минуты, когда бросалась въ объятія Елены Николаевны и съ полными слезъ глазами повторяла: «Мама, мама!» Въ этомъ восклицаніи сказывалось столько любви, горя и жалобы, что докторъ, присутствовавшій какъ-то при такой сценѣ, былъ пораженъ. Онъ понялъ, наконецъ, загадочную болѣзнь, отъ которой угасала маленькая абис-

синка, и тотчасъ отвелъ въ сторону обоихъ Бартеневыхъ и дѣдушку.

— Теперь я узналъ болѣзнь Адаллы,—сказалъ онъ имъ,—ее можно назвать тоской по матери Неестественная страстность, съ которой она обнимала Елену Николаевну, не оставляетъ во мнѣ никакого сомнѣнія въ томъ.

— Бѣдное дитя!—проговорилъ съ участіемъ Николай Степановичъ.

— Но, отъ этой болѣзни—увы!—нѣтъ лѣкарства!—сказалъ Николай Александровичъ.

— Виноватъ, лѣкарство есть,—возразилъ врачъ.

— Назовите его, докторъ!

— Нужно возвратить ей мать.

— Вы отлично знаете, что это невозможно.

— Знаю!..

Наступило молчаніе.

— А какъ вы думаете, докторъ,—заговорилъ Сергѣй Николаевичъ,—еслибы мы свезли Адаллу на нѣкоторое время туда, гдѣ она лишилась матери? Можетъ быть, это излѣчило бы ея болѣзнь?

— Я думаю.

Сергѣй Николаевичъ взглянулъ на отца.

— Я понимаю тебя,—сказалъ Николай Александровичъ сыну,—но это не легко исполнить.

— Нельзя ли вамъ,—предложилъ докторъ,—выхлопотать себѣ порученіе на берега Краснаго моря и свезти ребенка въ Массову?

— Нѣтъ, это невозможно. Капитанъ военнаго судна не имѣетъ права брать съ собой постороннихъ. Одни

только служащіе могутъ быть на суднѣ. Къ тому же я не хотѣлъ бы брать съ собою одну Адаллу.

— Ну, это можно сдѣлать проще,—возразилъ Николай Степановичъ зятю.—Возьмите отпускъ и, какъ частное лицо, свезите нашу дикарку въ Массову; тогда можете захватить съ собой, кого хотите.

— Конечно, папа! — воскликнулъ Сергѣй Николаевичъ.—Я тоже возьму отпускъ, мнѣ давно хотѣлось побывать въ Абиссиніи. Чтó ты на это скажешь?

— Ну, пока ничего не могу сказать...

— Можно отправиться прямо въ Суэцъ,—продолжалъ Николай Степановичъ,—тамъ взять мѣсто до Ямбо на пароходѣ, перевозящемъ паломниковъ въ Мекку, а въ Ямбо нанять арабское судно до Массовы. Въ случаѣ необходимости можно, нанять судно и въ Суэцѣ, но это далекое путешествіе.

— А кого вы возьмете съ Адаллой? — спросилъ докторъ.

— Сергѣя...

Въ эту минуту тяжелыя портьеры раздвинулись, и веселый голосъ крикнулъ:

— И меня!

— Любочка! — воскликнулъ Николай Александровичъ.—Ты слышала нашъ разговоръ?

— Да, настолько, чтобы понять все.

— И ты хочешь ѣхать въ Абиссинію?

— Разумѣется.

Увлеченіе дочери и сына сообщалось мало-по-малу самому Николаю Александровичу. Онъ чувствовалъ, что

обязанъ спасти свою прiемную дочь, и надѣялся, что случай поможетъ ему найти слѣды ея несчастной матери.

Вечеромъ въ семействѣ Бартеневыхъ состоялся продолжительный совѣтъ. Елена Николаевна и Вѣра не безъ сожалѣнiя соглашались на долгую разлуку съ мужьями. Оставалось только къ осени достать отпуски и паспорты и приготовиться къ отъѣзду. При этомъ рѣшили осторожно сообщить обо всемъ Адаллѣ, въ надеждѣ, что это благотворно подѣйствуетъ на нее, и обязанность эту возложили на Любочку.

Помогая на другое утро Адаллѣ одѣться, Любочка сообщила ей, что, вѣроятно, отецъ скоро опять уѣдетъ въ плаванiе.

— Очень жаль!—сказала Адалла грустно.

— Ты очень любишь папу?—спросила Любочка.

— Очень,—отвѣтила Адалла.

Наступило минутное молчанiе.

— Онъ уѣзжаетъ очень далеко!—сказала Любочка.

— Куда же?—спросила спокойно Адалла.

— Кажется, опять на Востокъ,—отвѣтила Любочка съ равнодушнымъ видомъ.

Адалла вздрогнула.

— На Востокъ?—сказала она.—Папа отправляется на Востокъ?

— Да.

— Значитъ, онъ будетъ на Красномъ морѣ?..

— Конечно.

— И проѣдетъ мимо...

— Мимо чего, дорогая?—спросила спокойно Любочка.

— Мимо... Массовы? И, можетъ быть, остановится тамъ?

— Не знаю...

Адалла задрожала всѣмъ тѣломъ и устремила на Любочку долгій взглядъ.

— Онъ возьметъ меня съ собою? да?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

Любочка утвердительно кивнула головой.

Внѣ себя отъ счастья, Адалла бросилась обнимать сестру, и ей уже казалось, что она видитъ свою мать.

Любочка поспѣшила вывести ее изъ заблужденія.

— Бѣдная моя сестренка, - сказала она съ нѣжнымъ участіемъ,—кажется, ты слишкомъ надѣешься!..

— Понимаю!—отвѣтила съ живостью Адалла:—ты хочешь сказать, что мамы не найти? Но когда я буду тамъ, я найду ее, ты увидишь!

— Дай Богъ, но не слѣдуетъ слишкомъ надѣяться.

— А я надѣюсь, и даже увѣрена, что отыщу маму, или, вѣрнѣе, что мы вдвоемъ ее отыщемъ... Вѣдь ты, Любочка, ѣдешь со мной?.. Иначе...

— Что́ иначе?

— О, иначе мнѣ будетъ очень тяжело. Ты вѣдь тоже моя маленькая мама.

И Адалла, смѣясь сквозь слезы, совсѣмъ оживилась. Несмотря на то, что ей совѣтовали не предаваться несбыточнымъ надеждамъ, она съ этого дня стала крѣпнуть, снова сдѣлалась веселой и вернулась къ своимъ играмъ.

ГЛАВА XV.

Чудо изъ чудесъ.

Хлопоты объ отпускахъ и паспортахъ заставляли Николая Александровича и его сына нерѣдко отлучаться съ дачи и по цѣлымъ днямъ оставаться въ городѣ. Однажды во время ихъ отсутствія явились какіе-то мастера и принялись придѣлывать что-то въ углу гостиной. Любопытная Адалла обратилась съ вопросомъ къ мастерамъ, но тѣ отвѣтили ей что-то, чего она совсѣмъ не поняла. Тогда она обратилась къ Любочкѣ, которая равнодушно отвѣтила:

— Проводятъ звонокъ.

Адаллѣ пришлось удовольствоваться этимъ отвѣтомъ.

Однажды вечеромъ, когда вся семья садилась за столъ, Адалла замѣтила, что Николаю Александровичу не поставили прибора.

— Развѣ папа не будетъ дома обѣдать?—обратилась она къ Еленѣ Николаевнѣ и Любочкѣ.

Тѣ обмѣнялись улыбкой. Онѣ, повидимому, ждали этого вопроса. Въ эту минуту вошелъ Николай Степановичъ.

— Ты спрашиваешь, пріѣдетъ ли папа обѣдать?— спросилъ онъ.

— Да.

— Мы тоже не знаемъ... Ты бы сама узнала объ этомъ!

— А какъ же мнѣ это сдѣлать?

— Спроси его самого.

— Спросить его самого?!.. Значитъ, онъ здѣсь?

— Нѣтъ, онъ въ Одессѣ.

— Такъ какъ же... Ты всегда смѣешься надо мной, дѣдушка.

Адалла посмотрѣла на Елену Николаевну и на Любочку, ожидая отъ нихъ объясненія. Но тѣ только утвердительно кивнули головой.

— Послушай, дѣдушка,—сказала Адалла съ недоумѣніемъ посматривая на всѣхъ, — ты говоришь, чтобы я спросила у папы, который находится въ Одессѣ, пріѣдетъ ли онъ обѣдать домой? Такъ ли?

— Да, милочка.

— И папочка мнѣ отвѣтитъ?

— Да.

Адалла находилась въ полномъ недоумѣніи, но видя, что надъ нею не смѣются, она съ рѣшительнымъ видомъ приложила обѣ руки въ видѣ трубы ко рту и изъ всѣхъ силъ крикнула въ сторону Одессы:

— Папочка!..

Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, нѣтъ! Такъ папа не услышитъ тебя,— остановилъ ее Николай Степановичъ.

— А я думала, что такъ...—прошептала Адалла.— Такъ какъ же?..

— Онъ можетъ услышать тебя только тогда, если ты будешь говорить съ нимъ черезъ особый инструментъ.

— Такъ гдѣ же этотъ инструментъ?

— Иди за мной, Адалла!—позвала ее Любочка, не желая дольше томить свою сестренку.

И взявъ ее за руку, Любочка весело повела ее въ гостиную, къ тому углу, гдѣ работали мастера, такъ интересовавшіе Адаллу.

Тамъ къ стѣнѣ былъ придѣланъ ящичекъ, снабженный звонкомъ, маленькой воронкой и слуховой трубкой, висѣвшей сбоку на крючкѣ.

Любочка позвонила въ звонокъ, сняла съ крючка трубку и, приложивъ ее къ уху, сказала въ воронку:

— Дайте мнѣ, пожалуйста, № 789.

Затѣмъ она прислушалась съ минуту и, позвонивъ снова, спросила въ ту же воронку:

— Кто говоритъ? Это ты, папа?

Получивъ, очевидно, отвѣтъ, она прибавила:

— Подожди, папа, тутъ кто-то хочетъ тебя спросить о чемъ-то.

И поставивъ Адаллу на стулъ къ ящичку, она сказала ей:

— Ну, говори теперь!

Адалла стояла въ недоумѣніи, не зная, чтó дѣлать.

— Ну, милочка, сдѣлай такъ, какъ я дѣлала. Подставь ротъ къ воронкѣ и говори ясно, но не кричи.

Адалла продолжала съ недоумѣніемъ смотрѣть на сестру, точно испугавшись чего-то.

— Развѣ ты не хочешь говорить съ папой?

— Хочу,—проговорила Адалла.

— Такъ говори же!

Адалла нерѣшительно приблизила ротъ къ воронкѣ и, приставивъ къ уху трубочку, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Правда, папочка, что ты слышишь меня?...

И чудо изъ чудесъ!—она услышала хорошо знакомый ей голосъ Николая Александровича, говорившій:

— Да, дѣточка, я слышу тебя.

Адалла порывисто отняла трубку отъ уха и оглянулась съ видомъ величайшаго изумленія, ожидая увидѣть въ гостиной Николая Александровича.

— Его здѣсь нѣтъ!—прошептала она.

— Какъ видишь!—отвѣтила Любочка, которую забавляло безграничное изумленіе Адаллы, съ большимъ вниманіемъ разсматривавшей теперь трубку.

— Тамъ, внутри, тоже никого нѣтъ! — говорила она: — а между тѣмъ...

Любочка ласково приставила ей снова трубку къ уху. Николай Александровичъ какъ разъ говорилъ въ это время:

— Любочка сказала мнѣ, что ты хочешь о чемъ-то спросить меня...

На этотъ разъ Адалла поспѣшила отвѣтить:

— Да, папочка, я хотѣла спросить тебя, будешь ли ты обѣдать съ нами?

— Увы! Сегодня не могу,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Какъ это жалко!

— Должно быть, моя Адаллочка забыла, зачѣмъ я уѣхалъ?—сказалъ тотъ же голосъ.

— О, нѣтъ!—быстро отвѣтила Адалла, — я тебя очень, очень люблю, папочка, и благодарю отъ всего сердца!

Эта благодарность, посланная издалека, глубоко тронула Николая Александровича.

— Ты милая дѣвочка! — отвѣтилъ онъ: — я пріѣду завтра поцѣловать тебя.

— Непремѣнно завтра, папочка?—спросила Адалла.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Николай Александровичъ.

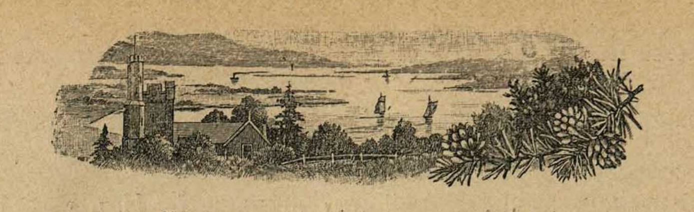
Когда Адалла спустилась со стула, то увидѣла въ гостиной Елену Николаевну съ дѣдушкой.

— Ахъ, дѣдушка!..—вскричала Адалла въ волненіи,

сгорая отъ любопытства.—Ахъ, мамочка!.. Ахъ, Любочка!.. Какъ хорошо я слышала папочку!.. Точно онъ былъ рядомъ въ комнатѣ!.. Какой это ящичекъ?.. Изъ чего онъ сдѣланъ?.. Отчего я такъ хорошо слышала папочку?.. Отчего...

— Пойдемъ обѣдать, дѣточка!—прервалъ ее съ улыбкой Николай Степановичъ: — а потомъ мы потолкуемъ о телефонѣ.

ГЛАВА XVI.

Телефонъ.

Телефонъ!—повторяла Адалла:—телефонъ! Такъ называется этотъ ящичекъ? Отчего, дѣдушка?

— Слово телефонъ,—сказалъ наконецъ Николай Степановичъ, рѣшившись удовлетворить любопытство дѣвочки,—образовалось изъ двухъ греческихъ словъ, *теле* и *фонъ*, т.-е. *далеко* и *звукъ*, другими словами: звукъ, приходящій издалека.

— Но какъ же приходитъ звукъ по телефону издалека?

— Ты знаешь, чтó такое магнитъ?

— Да, дѣдушка, Люба говорила мнѣ о немъ, когда объясняла устройство телеграфа.

— Такъ скажи мнѣ дѣточка, чтó такое магнитъ?

— Магнитъ—это кусокъ такой стали, которая притягиваетъ къ себѣ желѣзо.

— Какъ она дѣлаетъ это?

— Мнѣ кажется, это неизвѣстно, дѣдушка.

— Вѣрно. Этого еще не знаютъ. Таково ужъ свойство магнита. Какъ вода имѣетъ свойство смачивать, а огонь сожигать, такъ и магнитъ имѣетъ свое свойство притягивать желѣзо, вотъ и все... Ты уже знаешь, что если потереть нѣсколько времени обыкновенное желѣзо магнитомъ, то оно становится тоже магнитомъ и получаетъ способность притягивать желѣзо.

— Знаю, дѣдушка.

— Эта способность притягивать желѣзо называется магнитизмомъ. Земля, съ своей стороны, имѣетъ таинственное вліяніе на магниты; она заставляетъ намагниченную иглу обращаться однимъ концомъ постоянно къ сѣверу; на этомъ основано устройство компаса. Но вернемся къ телефону. Я заговорилъ о магнитѣ потому, что онъ-то и послужилъ къ изобрѣтенію телефона. Случилось, что какъ-то разъ обернули магнитъ мѣдной проволокой и оба конца ея соединили съ другой такой же проволокой, обернутой вокругъ ненамагниченнаго желѣзнаго стержня, который находился на извѣстномъ разстояніи отъ магнита. Затѣмъ, когда стали приближать или удалять отъ магнита кусокъ желѣза, то съ удивленіемъ замѣтили, что желѣзный стержень намагничивался, т.-е. притягивалъ желѣзо каждый разъ, какъ къ магниту приближали желѣзо. Это значитъ, что магнитъ по проволокѣ передавалъ на разстояніи свои магнитическія свойства желѣзному стержню.

— Да вѣдь это электричество!—воскликнула Адалла.

— Не совсѣмъ, дѣточка. Магнитизмъ—свойство одной стали, притомъ постоянное, не преходящее, какъ электри-

чество. Однако твое замѣчаніе показываетъ, что ты хорошо слушала меня, и я думаю, что ты теперь легко поймешь устройство пресловутаго телефона, который такъ сильно заинтересовалъ тебя...

— Пойму, дѣдушка,—отвѣтила Адалла.

— Ну, слушай. Говоря съ папой, ты должна была приблизить губы къ воронкѣ, не такъ ли?

— Да, дѣдушка.

— Замѣтила ли ты, что въ воронкѣ вставлена круглая темная пластинка.

— Замѣтила.

— Такъ вотъ, эта пластинка сдѣлана изъ очень тонкаго, гибкаго желѣзнаго листика. За ней находится магнитъ, т.-е. намагниченный стальной стержень, обвитый мѣдной проволокой, которая, въ свою очередь, обвита шолкомъ, и оба конца этой проволоки соединяются съ другимъ, такъ же устроеннымъ телефономъ.

— Значитъ, проволока проведена въ Одессу?

— Да, проволока проведена въ Одессу, въ комнату папы, гдѣ соединяется съ другой проволокой, навернутой на желѣзный стержень, который, — замѣть это хорошенько,—не намагниченъ; надъ этимъ стержнемъ расположена такая же желѣзная пластинка, какъ въ нашемъ телефонѣ. Все это, и обернутый проволокою стержень и пластинка вставлены въ небольшую слуховую трубочку.

— А, это та самая, которая приставляется къ уху?— воскликнула Адалла.

— Да, дѣточка. И вотъ, какъ дѣйствуетъ весь этотъ приборъ. Когда ты говорила въ воронку, то голосомъ

своимъ приводила въ сотрясеніе воздухъ, который заставлялъ колебаться и дрожать ту пластинку.

Адалла все время внимательно слушала дѣдушку, не прерывая его вопросами.

— Итакъ, — продолжалъ Николай Степановичъ, — когда ты говорила въ воронку, то приводила желѣзную пластинку въ колебаніе, такъ что она то приближалась къ магниту, который находился за нею, то удалялась отъ него, и тогда происходило то, что́ я тебѣ уже объяснялъ: магнитъ по проволокѣ то сообщалъ магнитизмъ желѣзному стержню, который находился въ Одессѣ въ слуховой трубочкѣ, то опять отнималъ его, вслѣдствіе чего желѣзная пластинка, помѣщенная передъ нимъ, то притягивалась къ стержню, то отходила отъ него, производя тѣ самыя колебанія, какія ты здѣсь производила своимъ голосомъ; такимъ образомъ, папа слышалъ, что́ ты говорила.

— А что́ дѣлалъ папа, когда отвѣчалъ мнѣ?

— Онъ говорилъ въ такую же воронку, какъ наша.

— Удивительно! — воскликнула Адалла.

— Я выбралъ для объясненія систему телефона съ магнитомъ, чтобы ты лучше поняла устройство этого удивительнаго аппарата. Но, кромѣ того, есть усовершенствованный телефонъ, безъ магнита.

— Такъ что́ же тамъ вмѣсто него?

— Уголь.

— Какъ уголь? Развѣ кусочекъ угля можетъ дѣйствовать такъ, какъ магнитъ? Это удивительно. Объясни, пожалуйста, дѣдушка.

— Хорошо. Ты знаешь, какъ производятъ электрическій токъ, т.-е. ту силу, которая идетъ по проволокѣ и проходитъ любое пространство?

— Знаю, какъ въ телеграфѣ, гдѣ гальваническій токъ намагничиваетъ стальной цилиндрикъ, который притягиваетъ къ себѣ кусокъ обыкновеннаго желѣза.

— Да, этотъ токъ образуется въ гальванической батареѣ. А знаешь ли ты, какъ изобрѣли эту батарею?

Не зная, что́ отвѣтить, Адалла вопросительно посмотрѣла на дѣдушку.

— Ну, слушай. Одинъ знаменитый ученый, по имени Во́льта, открылъ, что если положить мѣдный кружокъ на кружокъ цинковый, а между ними кружочекъ мокраго сукна и затѣмъ соединить оба металла мѣдной проволокой, то образуется электрическій токъ, идущій по проволокѣ. Чѣмъ больше соединить такихъ паръ кружковъ мѣди и цинка, тѣмъ сильнѣе становится электрическій токъ. Каждая такая пара кружковъ называется элементомъ. Во́льта устроилъ свой приборъ, положивъ нѣсколько паръ мѣдныхъ и цинковыхъ кружковъ другъ на друга, причемъ образовался какъ бы столбикъ, небольшая колонка, получившая названіе Во́льтова столба. Приборъ этотъ впослѣдствіи совершенно измѣнился, улучшился и въ настоящее время онъ совсѣмъ потерялъ сходство со столбомъ. Теперь обыкновенно употребляются элементы изъ столбиковъ цинка и угля, опущенныхъ въ сосудъ съ водой, насыщенной хлористымъ аммоніемъ. Если погрузить въ эту жидкость столбики цинка и угля, то получается токъ, идущій по мѣдной проволокѣ, придѣланной къ сосуду,

гальваническій токъ, который и направляется куда угодно. Вотъ, значитъ, электричество у насъ есть. Какъ имъ пользуются для телеграфа, ты знаешь, а теперь я скажу тебѣ, какъ имъ воспользовались для телефона. Замѣчено было, что электрическій токъ при встрѣчѣ съ кусочкомъ угля испытываетъ затрудненіе и проходитъ свободнѣе, если уголь подвергается давленію. На этой-то перемѣнчивости тока и основана замѣна въ телефонѣ магнита кусочкомъ угля, который помѣщается подъ тонкой желѣзной пластинкой. Заставимъ дѣйствовать элементъ. По мѣдной проволокѣ, выходящей изъ элемента, токъ проходитъ черезъ этотъ уголь и направляется въ трубку, содержащую, какъ и въ телефонѣ съ магнитомъ, стальной ненамагниченный цилиндрикъ и тонкую желѣзную пластинку, прикладываемую къ уху. Когда мы не говоримъ, токъ спокойно проходитъ черезъ уголь и намагничиваетъ стальной цилиндрикъ въ слуховой трубкѣ, въ пріемникѣ, какъ ее называютъ. Цилиндрикъ притягиваетъ къ себѣ тонкую желѣзную пластинку, и, разумѣется, слушающій ничего пока не слышитъ. Но вотъ начинаютъ говорить въ воронку, и уголь, сжимаемый колебаніями пластинки отъ звуковъ, пропускаетъ токъ легче; когда перестаютъ говорить, онъ приходитъ въ прежнее положеніе, такъ какъ давленіе прекращается и токъ встрѣчаетъ прежнія затрудненія для своего прохожденія. Такимъ образомъ, при каждомъ словѣ образуется то давленіе на уголь, то освобожденіе отъ этого давленія, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняется и сила тока: онъ идетъ то скорѣе, то медленнѣе и, доходя до пріем-

ника, съ полной точностью передаетъ черезъ цилиндрикъ пластинкѣ тѣ же самыя колебанія, которыя испытываетъ пластинка передъ говорящимъ, а эти движенія, передаваясь воздуху, воспроизводятъ звуки. Поняла, милая дикарочка?

— Немного,—отвѣтила Адалла,—мнѣ, кажется, понять все это очень трудно.

— Вотъ прекрасный отвѣтъ!—сказалъ дѣдушка и прибавилъ со вздохомъ: — А объяснять еще труднѣе! Какъ бы то ни было, а хорошо, что изобрѣли телефонъ и пользуются имъ, — это главное, а объясненіе въ свое время будетъ.

— Значитъ, телефонъ съ углемъ дѣйствуетъ лучше, дѣдушка?

— Да, дѣточка, онъ болѣе усовершенствованъ. Когда въ передаточный ящичекъ перестали помѣщать магнитъ, то въ желѣзной пластинкѣ уже не было нужды; вмѣсто нея годилось все другое, способное колебаться, почему ее и замѣнили тонкой сосновой дощечкой.

— Значитъ, дощечка теперь давитъ на кусокъ угля?— спросила Адалла.

— Да, но въ такомъ телефонѣ помѣщаютъ не одинъ, а нѣсколько кусковъ угля. Они похожи на небольшіе карандашики, очиненные съ обоихъ концовъ, и каждый конецъ вставленъ между угольными же перекрещивающимися пластинками. Это рѣшетообразное устройство весьма увеличиваетъ силу прибора. Кстати сказать, съ аппаратомъ такого же рода можно слышать, какъ «говорятъ» мухи.

И сказавъ небрежно эту фразу, Николай Степановичъ сдѣлалъ видъ, что уходитъ.

— О, нѣтъ, дѣдушка, нѣтъ! — горячо вскричала Адалла, бросаясь къ нему и снова усаживая его: — нѣтъ, ты не уйдешь отъ меня такъ.

Николай Степановичъ притворился изумленнымъ.

— Чтó такое еще? — спросилъ онъ.

— А мухи?

— Какія мухи?

— Ну, дѣдушка, ты отлично понимаешь, чтó я хочу сказать. Какимъ образомъ можно слышать, какъ мухи говорятъ? Серьезно, это можно?

— Одинъ англійскій ученый утверждаетъ, что можно.

— Ты шутишь, дѣдушка! Какъ же онъ могъ услышать голосъ такихъ крошекъ?

— Я уже тебѣ сказалъ, что онъ слышалъ съ помощью прибора, который усиливаетъ даже самые слабые звуки и называется микрофономъ. Этотъ микрофонъ устраивается по тому же образцу, какъ телефонъ съ углевыми карандашами.

— А что же тотъ ученый? — спросила Адалла нетерпѣливо.

— Тотъ ученый утверждаетъ, что ему удалось услышать голосъ мухъ, не жужжаніе, которое происходитъ отъ быстраго движенія ихъ крыльевъ, а совсѣмъ особые звуки. Мухи, которыхъ онъ наблюдалъ, повидимому, разговаривали, понимая другъ друга. Звуки, которые онъ слышалъ, были совершенно ясны и походили на...

— На чтó?

— Я боюсь, что моя дикарочка будетъ смѣяться надо мной,—сказалъ, прервавъ объясненіе, Николай Степановичъ.

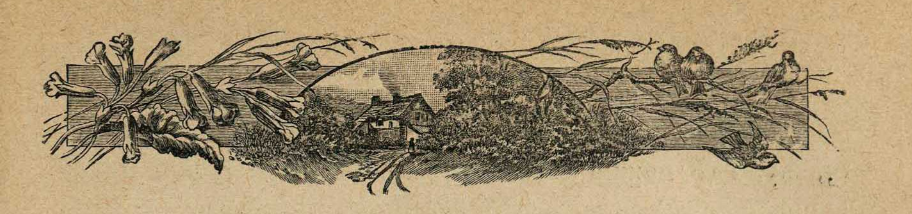
— На что́, дѣдушка? Говори же скорѣй, на что́?— повторяла Адалла.

— Тѣ звуки походили, по объясненію ученаго, на ржаніе лошади вдали.

Эти слова до того поразили Адаллу, что она не нашлась, что́ сказать. Но наконецъ, послѣ недолгаго раздумья, она сдѣлала довольно логичное замѣчаніе:

— Значитъ, если мухи ржутъ, то муравьи, которые гораздо меньше ихъ, вѣроятно, лаютъ.

ГЛАВА XVII.

Вода, свѣтъ и опера во всѣхъ этажахъ.

На другой день Николай Александровичъ пріѣхалъ на дачу къ обѣду, какъ онъ обѣщалъ по телефону Адаллѣ. На него тотчасъ посыпались вопросы.

— Ты слышалъ меня, папочка; ты хорошо меня слышалъ?

— Разумѣется, слышалъ, если тебѣ отвѣчалъ.

— Ахъ, какъ это любопытно! Не правда ли, какъ это любопытно!

— А что́ скажешь ты сегодня вечеромъ, когда будешь на электрической выставкѣ!

— На электрической выставкѣ?

— Да. Я всѣхъ васъ везу туда,—прибавилъ Николай Александровичъ, обращаясь къ своей семьѣ.—Вотъ тамъ вы будете совсѣмъ очарованы.

Дѣйствительно, послѣ обѣда всѣ отправились на выставку, гдѣ можно было познакомиться со всѣми новѣйшими изобрѣтеніями въ области электричества.

Адалла вошла въ залу, обтянутую толстой обивкой, заглушавшей всѣ внѣшніе звуки, и подошла къ стѣнѣ, на которой висѣло до двадцати слуховыхъ трубочекъ, похожихъ на ту, которую она уже видѣла дома. Николай Александровичъ снялъ двѣ трубочки, т.-е. два пріемника съ крючковъ, на которыхъ онѣ висѣли, и приставилъ ихъ къ ушамъ Адаллы съ словами:

— Ты еще не была въ оперѣ, но навѣрное слышала, что это театръ, въ которомъ поютъ пѣвцы и пѣвицы.

— Да, папочка.

— Такъ вотъ, теперь ты услышишь этихъ пѣвцовъ и пѣвицъ такъ же хорошо, какъ еслибы ты сама была въ театрѣ. Слушай!

Адалла съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ приложила обѣ трубочки къ ушамъ и сначала услышала смутный шумъ, а затѣмъ звуки флейтъ и скрипокъ.

Это оперный оркестръ игралъ прелюдію передъ выходомъ Алисы въ третьемъ актѣ «Роберта Дьявола». Вдругъ ей послышалось громко произнесенное имя: «Рембо! Рембо!» Это Алиса звала на сценѣ своего жениха:

„Рембо! Рембо! въ этомъ пустынномъ мѣстѣ
Одно только эхо отвѣчаетъ мнѣ“... и т. д.

И вслѣдъ затѣмъ раздались знаменитые стихи:

„Когда я покидала Нормандію“

Адалла не могла удержаться, чтобы опять, какъ наканунѣ, не оглянуться, нѣтъ ли пѣвицы въ залѣ. Потомъ

она снова приложила трубочки къ ушамъ и не пропустила болѣе ни одной ноты. Затѣмъ она услышала голосъ Бертрана на сценѣ и дуэтъ:

„Рѣшено его заключить"... и т. д.

Пораженная чарующимъ пѣніемъ, Адалла вся превратилась въ слухъ.

Вдругъ послышались новые звуки; то были рукоплесканія публики.

Забывъ, гдѣ она находится, Адалла въ увлеченіи бросила обѣ трубки и съ серьезнымъ видомъ принялась тоже усердно апплодировать. И свои, и чужіе, бывшіе тутъ, невольно улыбнулись при видѣ этого наивнаго восторга, которымъ выражалась чистосердечная похвала пѣвцамъ и телефону.

Сконфузившись, Адалла прижалась къ Любочкѣ и тихо спросила ее:

— Отчего всѣ засмѣялись?

— Оттого, что пѣвцы не могли слышать твоихъ апплодисментовъ.

— Отчего же? Когда я слышала папочку, онъ тоже меня отлично слышалъ.

— Тамъ былъ такой же приборъ, передававшій твои слова, и такая же трубка, въ которую онъ тебя слушалъ, а здѣсь имѣются только пріемныя трубки, передающихъ же приборовъ нѣтъ. Значитъ, пѣвцы не могли слышать тебя.

Адалла задумалась.

— Но развѣ въ оперѣ,—спросила она,—пѣвцы поютъ не въ телефонъ?

— Нѣтъ, — сказалъ Николай Александровичъ, — въ оперѣ есть только одинъ телефонъ, состоящій изъ дюжины передаточныхъ приборовъ, помѣщенныхъ передъ газовой рампой со стороны сцены. И пѣвцамъ не нужно пѣть въ эти приборы: ихъ голоса настолько сильны, что и на разстояніи приводятъ пластинки въ колебаніе. То же самое можно сказать и относительно инструментовъ оркестра и апплодисментовъ публики.

— Значитъ, публика въ оперѣ не знаетъ, что здѣсь слушаютъ въ телефоны?

— Не знаетъ, дѣточка.

— Гдѣ же проходятъ проволоки, которыя соединяютъ оперу съ выставкой?

— Онѣ проходятъ по сточнымъ трубамъ; но ихъ можно было бы провести и поверхъ крыши.

— А развѣ нельзя было...—начала-было Адалла, но остановилась, боясь сказать нелѣпость.

— Чего нельзя было?..—спросилъ дѣдушка.

— Развѣ нельзя было бы, — повторила смѣлѣе Адалла, — слышать оперу отъ насъ, какъ мы ее слышимъ отсюда.

— Конечно, можно, — отвѣтилъ Николай Степановичъ,—уже недалеко то время, когда на домахъ большихъ городовъ будутъ надписи: «Вода, газъ и опера во всѣхъ этажахъ». Мысль объ оперѣ во всѣхъ этажахъ вызвала общую улыбку.

— Ну, дѣдушка,—возразилъ Сергѣй Николаевичъ,— слово «газъ» нужно замѣнить словами «электрическое освѣщеніе».

И онъ указалъ на множество электрическихъ лампочекъ, распространявшихъ сильный свѣтъ. Въ то же время у маленькой дикарки вырвались слова, выразившія общее мнѣніе объ электрическихъ лампахъ.

— Онѣ похожи на пойманныя маленькія солнца!

Всѣ нашли, что Адалла сдѣлала удачное сравненіе. При этомъ любопытная дѣвочка заявила, что она хочетъ знать, какъ дѣлается электрическій свѣтъ.

— Сережа объяснитъ тебѣ,—сказала Любочка.

— Дѣлать нечего, объясню,—отвѣтилъ Сергѣй Николаевичъ,—но только послѣ; а теперь я хочу показать Адаллѣ фонографъ.

— Фонографъ? Это чтó такое?—удивилась Адалла.

— Это приборъ, записывающій звуки, какъ показываетъ его греческое названіе. Хочешь его видѣть?

— Конечно! Очень хочу!—весело сказала Адалла.

Сергѣй Николаевичъ подвелъ ее къ цилиндрическому прибору, къ серединѣ котораго была придѣлана воронка, и сказалъ Адаллѣ:

— Скажи что-нибудь въ воронку!

— Развѣ это тоже телефонъ?—прошептала она.

— Нѣтъ, это не телефонъ. Ну, говори же,—сказала ей Любочка.

Адалла наклонилась къ воронкѣ и сказала въ нее:

— Сегодня очень хорошая погода... Нѣтъ, это слишкомъ глупо, чтó я сказала,—быстро поправилась она.— Когда же мы поѣдемъ въ Массову?

— Скоро! скоро!—отвѣтилъ Николай Александровичъ, цѣлуя ее.

Пока Адалла говорила въ воронку, маленькій цилиндръ вращался, а когда она перестала говорить, Сергѣй Николаевичъ сказалъ ей:

— Теперь слушай!

Тогда, къ своему неописанному изумленію, Адалла вдругъ услышала изъ воронки свой собственный голосъ, который съ тѣмъ же выраженіемъ повторилъ ея слова:

«Сегодня очень хорошая погода... Нѣтъ, это слишкомъ глупо, что́ я сказала... Когда же мы поѣдемъ въ Массову?»

Въ послѣдніе два дня Адалла видѣла одно чудо за другимъ.

— Возможно ли?—воскликнула она съ изумленіемъ.— Хотя я молчу, я сама же повторяю свои слова! Этотъ инструментъ чудеснѣе телефона!

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ Сергѣй Николаевичъ:— этого нельзя сказать. Фонографъ не такъ удивителенъ, онъ не такъ сложенъ, ему не нужно ни магнита, ни электричества.

— А какъ онъ устроенъ?

— Ты уже знаешь, что когда говоришь или поешь въ воронку телефона, то пластинка въ немъ колеблется. Такъ вотъ, еслибы можно было заставить пластинку повторять эти колебанія, они были бы переданы воздуху, а потомъ уху, и мы слышали бы тѣ же самыя слова и то же пѣніе.

— Какъ въ фонографѣ?—спросила Адалла.

— Да, это такія же колебанія; но фонографу не нужны двѣ пластинки, какъ телефону, ему довольно одной.

— Прекрасно!—сказала Адалла:—но какъ же пользуются ею?

— Сейчасъ скажу. На днѣ воронки, въ которую мы говорили, находится маленькая стальная пластинка, а подъ ней острый штифтикъ. Цилиндрикъ прибора покрытъ особой мастикой или целлулоидомъ. Вотъ и весь приборъ. Когда ты стала говорить, стальная пластинка заколебалась, т.-е. стала опускаться и подниматься, а вмѣстѣ съ нею и острый штифтикъ, оставлявшій въ мастикѣ на вертѣвшемся цилиндрикѣ бо́льшія или меньшія углубленія, смотря по тому, насколько сильны были звуки, а когда штифтикъ поднимался, тамъ оставались выпуклости. Итакъ, когда ты перестала говорить, на цилиндрѣ остался рядъ углубленій и выпуклостей.

— Значитъ, звуки были записаны?—спросила Адалла.

— Да. Твое замѣчаніе показываетъ, что ты поняла значеніе слова фонографъ. Итакъ, звуки у насъ записаны. Какъ же заставить звучать эту запись? Нужно было только вставить острый штифтикъ въ первое углубленіе, которое написалъ на цилиндрѣ твой первый слогъ, и остріе пошло по всѣмъ углубленіямъ и выпуклостямъ, которыя оно только-что сдѣлало. При этомъ, поднимаясь и опускаясь, оно увлекало за собою пластинку, и послѣдняя съ точностью повторяла всѣ колебанія, произведенныя передъ тѣмъ твоимъ голосомъ. Эти колебанія, переданныя воздуху, и повторили намъ твои слова.

— А вѣдь дѣйствительно,—сказала Любочка,—Сережа правъ, фонографъ не такъ интересенъ, какъ телефонъ; къ тому же отъ него нельзя ожидать никакой пользы.

— Это не совсѣмъ вѣрно,—возразилъ Сергѣй Николаевичъ.—Фонографъ, конечно, не такъ интересенъ, какъ телефонъ, но и онъ можетъ оказать важныя услуги.

— Какія же?

— Онъ можетъ записать рѣчи знаменитыхъ ораторовъ въ томъ видѣ, какъ онѣ были сказаны; можетъ записать голоса знаменитыхъ пѣвцовъ и актеровъ и воспроизводить ихъ. И вотъ, представь себѣ, что черезъ сто лѣтъ одинъ изъ нашихъ потомковъ скажетъ своимъ друзьямъ: «Сейчасъ вы услышите, какъ пѣла такая-то примадонна», и присутствующіе дѣйствительно услышатъ то самое пѣніе, которое нѣкогда приводило въ восторгъ ихъ предковъ. Развѣ это не интересно?

— Я не подумала объ этомъ,—сказала Любочка:— я считала фонографъ любопытной машинкой, повторяющей звуки, чѣмъ-то въ родѣ попугая.

— Правда, это и есть попугай,—замѣтила Адалла,— только...

— Что́ только?

— Только попугай ученый.

ГЛАВА XVIII.

Мѣхи и легкія.

При объясненіи телефона и фонографа Адалла слышала нѣсколько разъ слово «колебанія», но не понимала вполнѣ его значенія.

Поэтому на другой день въ бесѣдкѣ она обратилась къ Любочкѣ съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ, что́ такое «колебанія»?

— Изволь, моя дорогая—отвѣтила Любочка.—Колебанія—это движенія. Если провести смычкомъ по струнѣ скрипки, позвонить въ колокольчикъ или ударить по стакану, то во всѣхъ этихъ случаяхъ мельчайшія частицы, изъ которыхъ состоятъ эти вещи, выходятъ изъ покойнаго состоянія, начинаютъ дрожать, колебаться, вслѣдствіе чего получается звукъ.

— Но какъ же этотъ звукъ доходитъ до моего уха?

— Съ помощью окружающаго насъ воздуха. Ты сейчасъ увидишь, какъ это просто. Ударь по стакану ложечкой, — сказала Любочка, указывая на стоявшіе на столикѣ графинъ и стаканъ съ серебряной ложечкой.

Адалла ударила ложкой по стакану, и онъ зазвенѣлъ.

— Слышала?—спросила Любочка.

— Да.

— Вотъ видишь, отъ твоего толчка частицы стекла заколебались, т.-е. задрожали, и передали эти колебанія сосѣднему слою воздуха, который, въ свою очередь, передалъ ихъ слѣдующему, и такъ далѣе до слоя, окружавшаго твое ухо.

— Я понимаю тебя,—спокойно сказала Адалла.

— Я сейчасъ объясню тебѣ это проще. Случалось ли тебѣ когда-нибудь бросить камень въ воду.

— Случалось.

— Чтó же ты замѣчала тогда?

— Около мѣста, гдѣ падалъ камень, дѣлались одинъ за другимъ круги, которые все болѣе расширялись.

— Совершенно вѣрно. То же происходитъ и съ воздухомъ; если въ какомъ-нибудь мѣстѣ спокойствіе воздуха нарушено колебаніями какого-либо тѣла, то около того мѣста образуются, какъ и въ водѣ, расходящіеся во всѣ стороны воздушные круги, называемые звуковыми волнами. Встрѣчая такую волну, ухо твое чувствуетъ ее, какъ звукъ.

— Понимаю!—сказала Адалла.—Но какъ устроено мое ухо, что можетъ ощущать эти звуковыя волны?

— Ухо твое состоитъ не только изъ этого,—отвѣтила Любочка, ласково дернувъ Адаллу за кончикъ уха.— Это только раковина, наружная часть уха, собирающая звуки и потомъ доводящая ихъ до такъ называемой барабанной перепонки, натянутой далеко внутри уха. Входя въ ухо, звуковая волна передаетъ колебанія этой перепонкѣ, за которой помѣщаются слуховые нервы, а нервы эти, почувствовавъ колебанія, сообщаютъ о нихъ головному мозгу, который и слышитъ, или, если тебѣ это больше нравится, слышишь ты. Поняла?

— Я понимаю,—сказала серьезно Адалла,—какъ колебанія происходятъ отъ толчка, отъ удара; но когда ты говоришь, и я слышу, то гдѣ же былъ ударъ, толчекъ, о которомъ ты сейчасъ говорила?

— А помнишь мои объясненія о гортани? Такъ вотъ, когда воздухъ проходитъ изъ груди между горловыми связками, онъ ихъ раздвигаетъ, т.-е. толкаетъ, и заставляетъ колебаться. Какъ видишь, и здѣсь былъ толчекъ, вызвавшій колебанія, которыя черезъ воздухъ и дошли до твоего уха. Вотъ отчего ты слышишь, когда я говорю.

Любочка думала, что уже все объяснила своей сестренкѣ, слушавшей ее очень внимательно; но она напомнила ей одинъ вопросъ, уже давно занимавшій маленькую абиссинку.

— А отчего у насъ воздухъ въ груди?—вдругъ спросила она.

— Оттого, что мы дышемъ.

— А отчего мы дышемъ?

— А!—воскликнула Любочка,—я такъ и знала, что ты задашь мнѣ этотъ вопросъ. Постараюсь объяснить тебѣ это. Ты уже знаешь, что кровь, выходя изъ сердца, расходится по всему нашему тѣлу и питаетъ всѣ наши органы. Въ то же время она забираетъ съ собою старые, негодные матеріалы и потомъ сжигаетъ ихъ.

— Гдѣ же у нея печь?—спросила Адалла.

— Вотъ эта печь и есть легкія.

— Что́ же это такое, легкія?

— Легкія, это — органъ, состоящій изъ множества пузырьковъ. У насъ два легкихъ; одно находится въ правой сторонѣ груди, а другое въ лѣвой. Эти органы соединяются съ дыхательнымъ горломъ и затѣмъ съ гортанью. Значитъ, воздухъ имѣетъ доступъ къ нимъ, не такъ ли?

— Да,—отвѣчала Адалла,—черезъ ротъ, мимо пищевода, черезъ гортань и дыхательное горло.

— Прекрасно. Надо тебѣ сказать еще, что безъ воздуха горѣнія быть не можетъ. Гдѣ же кровь находитъ воздухъ, чтобы сжечь негодные матеріалы? Въ легкихъ. Дѣйствительно, кровь приходитъ туда черная, густая, а выходитъ оттуда снова чистая, жидкая, красная.

— Но гдѣ же огонь?—возразила Адалла.

— Кровь сжигаетъ негодные матеріалы въ легкихъ безъ огня,—продолжала Любочка.—Это особенное горѣніе; еслибы я стала объяснять тебѣ это теперь, то мнѣ пришлось бы говорить о кислородѣ, водородѣ, углеродѣ и азотѣ, а это завело бы насъ очень далеко.

— Значитъ, мы дышемъ для того, чтобы въ легкія

входилъ воздухъ и помогалъ крови сжигать старые матеріалы?

— Совершенно вѣрно.

— Еще одинъ вопросъ,—сказала Адалла,—объясни мнѣ, какъ дышатъ?

— Какъ дышатъ? Не понимаю, что̀ ты хочешь сказать.

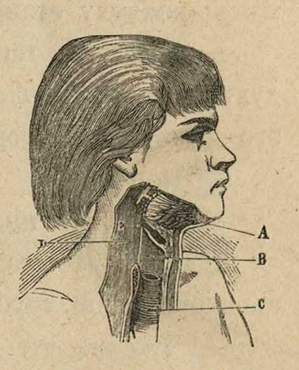
— Да вотъ, видишь, я не могу не дышать, хотя бы и хотѣла сдѣлать это. Что́ же заставляетъ меня дышать?

— А, понимаю! Помнишь, я тебѣ говорила о симпатическомъ нервѣ?

— Да, помню.

— Такъ вотъ, назначеніе симпатическаго нерва заботиться о насъ помимо нашей воли; онъ и заставляетъ насъ дышать.

— Что́ же онъ дѣлаетъ для этого?

A. Корень языка. *B.* Гортань. *C.* Дыхательное горло. *D.* Глотка. *E.* Гортань и голосовыя связки.

— Онъ приказываетъ извѣстнымъ мускуламъ приподнять наши бока, и когда въ легкихъ образуется отъ этого пустота, то воздухъ устремляется въ нихъ. При выдыханіи тѣ же мускулы заставляютъ бока опуститься и выпустить воздухъ.

Адалла, повидимому, не вполнѣ поняла это объясненіе, и Любочка стала искать подходящаго сравненія. Она вышла и, вернувшись съ раздувальнымъ мѣхомъ, положила его на столъ.

— Вотъ,—сказала она,—видишь, раздувальный мѣхъ теперь находится въ покоѣ. Въ такомъ положеніи нахо-

дятся бока, когда мы не дышемъ. Раздвинемъ его, чтó будетъ? Онъ сталъ больше, т.-е. внутренняя часть увеличилась и въ то же время опустѣла, и воздухъ тотчасъ устремляется въ эту пустоту. Даже слышно, какъ онъ входитъ въ мѣхъ черезъ мѣдный конецъ.

— Значитъ, такъ поднимаются наши бока, когда воздухъ входитъ въ легкія?—спросила Адалла.

— Такъ, моя дорогая. Смотри, теперь я сжимаю мѣхъ; воздуху становится тѣсно и онъ выходитъ оттуда.

— Значитъ, такъ опускаются наши бока, когда воздухъ выходитъ изъ легкихъ. А мѣдная трубка на концѣ— это дыхательное горло?

— Конечно.

— Ну, такъ подожди меня!

Адалла выбѣжала изъ бесѣдки и вскорѣ вернулась съ игрушечной трубой.

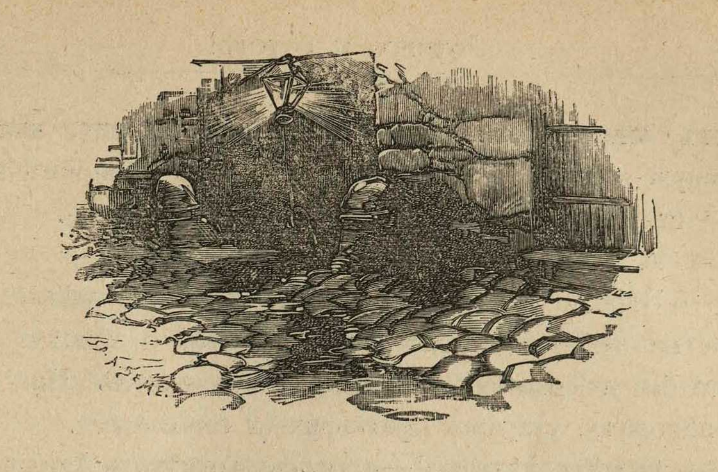
— Чтó же ты хочешь сдѣлать?—спросила съ недоумѣніемъ Любочка.

— Дай-ка мнѣ мѣхъ, увидишь,—сказала она весело.

Любочка подала ей мѣхъ, и на его мѣдную трубочку Адалла искусно насадила свою трубу. Потомъ, раздвинувъ мѣхъ, она снова сжала его, и къ ея великой радости, труба затрубила.

— Вотъ!—воскликнула она:—мѣхъ это легкія, мѣдная трубка—дыхательное горло, а труба—гортань съ голосовыми связками.

И уяснивъ себѣ этимъ сравненіемъ механизмъ дыханія, Адалла весело засмѣялась.

ГЛАВА XIX.

Солнца въ темницѣ и электрическій свѣтъ.

На звукъ трубы, забавлявшій Адаллу, явился Николай Степановичъ, гулявшій въ это время въ саду. Его очень удивило, что маленькую абиссинку занимаетъ эта игрушка, но Любочка пояснила ему въ чемъ дѣло.

— Любочка забыла,—сказалъ онъ,—упомянуть про брюшныя и межреберныя мышцы и грудобрюшную преграду.

— Фу! какое некрасивое названіе! — воскликнула Адалла.—А для чего у насъ брюшныя и межреберныя мышцы?

— Онѣ играютъ важную роль при выдыханіи, а также при кашлѣ и чиханіи. Когда что-нибудь раздра-

жаетъ легкія, дыхательное горло или кожицу, выстилающую ноздри, то эти мышцы сильнымъ напоромъ воздуха стараются выгнать раздражающій предметъ.

— А зѣвота?—спросила Адалла.

— Зѣвота? Должно быть, моя маленькая лекція навела на тебя скуку, что ты вспомнила о зѣвотѣ? Это было бы не совсѣмъ вѣжливо! — воскликнулъ Николай Степановичъ, стараясь притвориться серьезнымъ.

— О, нѣтъ, дѣдушка!—поспѣшила отвѣтить Адалла.— Я хочу только знать, отчего зѣваютъ?

— Ну хорошо!—сказалъ, улыбаясь, Николай Степановичъ. — Зѣваютъ вотъ отчего: когда усталость или желаніе уснуть начинаютъ затруднять дыханіе и кровообращеніе, то спинной мозгъ, озабоченный этимъ, находитъ нужнымъ поправить дѣло. Онъ знаетъ, что если ввести въ легкія побольше воздуха, то горѣніе въ нихъ увеличится, а значитъ, и кровообращеніе будетъ легче, и вотъ онъ заставляетъ наши бока подняться больше обыкновеннаго, а ротъ открыться во всю ширину, чтобы въ легкія вошло какъ можно больше воздуха.

Пока дѣдушка говорилъ, Адалла нѣсколько разъ закрывала ротъ рукою и дѣлала отчаянныя усилія не зѣвать. Но спинной мозгъ оказался сильнѣе ея, и она вдругъ продолжительно зѣвнула.

Николай Степановичъ и Любочка расхохотались къ немалому смущеніи Адаллы, а затѣмъ невольно сами поднесли руки къ губамъ и... зѣвнули. Адалла разсмѣялась въ свою очередь, а вмѣстѣ съ ней и Любочка съ дѣдушкой.

— Отчего зѣвота такъ заразительна?—спросила Любочка.

— Это объясняется очень просто,—отвѣтилъ Николай Степановичъ.—Такъ какъ зѣвота устраняетъ затрудненіе въ дыханіи, то, значитъ, послѣ нея чувствуютъ себя хорошо. И вотъ, когда кто-нибудь зѣвнетъ, другіе вспоминаютъ удовольствіе, которое доставляетъ зѣвота, и тоже...

— Зѣваютъ!—воскликнули, смѣясь, въ одинъ голосъ Любочка и Адалла.

— Значитъ, когда я вижу, что кто-нибудь ѣстъ пирожное, то вспоминаю, что это вкусно, и тоже захочу пирожнаго?

— Лакомка!—засмѣялся дѣдушка, цѣлуя Адаллу.

— Однако, она очень хитро напоминаетъ намъ, что пора завтракать.

Всѣ направились къ дому. По дорогѣ Николай Степановичъ вдругъ остановился близъ ограды, за которой виднѣлся каменистый холмъ, покрытый лѣсомъ. Любочка и Адалла тоже остановились и увидѣли, что дѣдушка отыскиваетъ какое-то мѣсто. Скоро онъ, повидимому, нашелъ его и громко закричалъ:

— Эхо!

И лѣсъ издали тотчасъ повторилъ:

«Эхо!»

— Кто тамъ кричитъ?—удивилась Адалла.

Не отвѣчая ей, Николай Степановичъ снова крикнулъ:

— Адалла!

И вдали кто-то тотчасъ повторилъ имя маленькой

дикарки, причемъ послѣдній слогъ былъ слышенъ особенно ясно.

— Кто же это отвѣчаетъ намъ?—спросила Адалла Любочку.

— Это эхо!—отвѣтила она улыбаясь.

— Эхо! Что́ такое эхо?

— Ты хорошо помнишь, что́ я тебѣ недавно говорила о происхожденіи звуковъ?

— Конечно, помню.

— Значитъ, помнишь тоже, что звукъ разносится воздухомъ..

— Да, звуковыми волнами.

— Такъ вотъ, когда звукъ встрѣчаетъ препятствіе, то онъ отбрасывается, отражается, и возвращается къ нашему уху, напримѣръ, такъ же, какъ зеркало отражаетъ солнечный лучъ.

— Но,—возразила Адалла,—вѣдь звукъ всегда встрѣчаетъ препятствія, отчего же эхо раздается такъ рѣдко?

— Это оттого, что не всякое препятствіе отражаетъ звукъ. Еслибы дѣдушка крикнулъ въ другомъ мѣстѣ сада, то, вѣроятно, звукъ его голоса ударился бы о домъ, холмъ или о дерево и не вернулся бы къ намъ. Все это зависитъ отъ разстоянія, на которомъ находится предметъ, отбрасывающій звукъ, и также отъ другихъ условій, которыя очень трудно тебѣ разъяснить.

— Вѣрно! — заговорилъ, въ свою очередь, Николай Степановичъ. — Отсюда звукъ моего голоса встрѣчаетъ какое-то мѣсто на холмѣ, скалу или деревья, которыя отбрасываютъ его такъ же, какъ, напр., резиновый мячъ,

брошенный тобою въ стѣну, отскакиваетъ назадъ къ тебѣ въ руки.

— А можно сдѣлать такое мѣсто, чтобы было эхо?— спросила Адалла.

— Нѣтъ, нельзя, дѣточка, а еслибы и удалось, то это было бы чистой случайностью. Положимъ, мы открыли бы скалу или деревья, отражающіе къ намъ звукъ, и перенесли бы ихъ въ другое мѣсто, они, вѣроятно, потеряли бы свое свойство, потому что очутились бы въ другихъ условіяхъ. Я объясню тебѣ это примѣромъ. Какой-то англичанинъ, путешествуя по Италіи, открылъ такое удивительное эхо, которое повторяло пятнадцать разъ слово, произнесенное имъ. Звукъ отражался здѣсь одинокимъ домомъ, стоявшимъ среди ровнаго поля. Англичанинъ купилъ домъ, велѣлъ разобрать его, перенумеровавъ каждый камень, и увезъ въ Англію. Тамъ онъ выбралъ въ своемъ паркѣ мѣсто, точно такое же, какъ въ Италіи, и приказалъ сложить на немъ домъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ въ Италіи. Когда домъ былъ готовъ, онъ рѣшилъ торжественно отпраздновать свое открытіе и пригласилъ къ обѣду многочисленныхъ друзей, обѣщавъ имъ, что они услышатъ феноменальное эхо. За дессертомъ онъ велѣлъ подать себѣ револьверъ, подошелъ къ окну и выстрѣлилъ, ожидая, что выстрѣлъ будетъ повторенъ эхомъ пятнадцать разъ. Всѣ гости также приготовились слушать,—но эхо не было. Гордость англичанина была жестоко уязвлепа; онъ чувствовалъ, что надъ нимъ будутъ смѣяться. Повторивъ выстрѣлъ и убѣдившись, что отвѣтомъ ему служитъ мертвое мол-

чаніе, онъ не могъ пережить постыдной, по его мнѣнію, неудачи и выстрѣлилъ въ третій разъ, уже въ себя.

— Неужели все это правда? – спросила Адалла.

— Поручиться не могу, — отвѣтилъ, смѣясь, дѣдушка.

Адалла какъ будто немного обидѣлась.

— Я думала, дѣдушка, — сказала она, — что ты мнѣ разсказываешь всегда правду.

— Разумѣется. Но такія исторіи, какъ эта, не причиняютъ никому зла, и хотя бы она была и вымышлена, то все-таки очень правдоподобна.

— Разскажи еще что-нибудь, дѣдушка, — просила Адалла.

— Хорошо; но я не ручаюсь за достовѣрность этого разсказа.

И Николай Степановичъ разсказалъ слѣдующее:

— Какая-то дама нашла въ своемъ саду эхо, повторявшее слово пять или шесть разъ. Она сообщила о своемъ открытіи друзьямъ и знакомымъ, которыхъ это очень заинтересовало, и только одинъ молодой гость отнесся безучастно къ этому открытію. Это замѣтили, и когда къ нему обратились съ вопросомъ о причинѣ такого равнодушія, онъ отвѣтилъ:

— Это эхо такъ ничтожно, въ сравненіи съ тѣмъ, которое можно слышать въ моемъ помѣстьѣ, что я не нахожу въ немъ ничего интереснаго.

— Неужели!? — удивились гости. — У васъ есть эхо замѣчательнѣе этого?

— Да, да! Мое эхо повторяетъ звукъ до двадцати разъ, — сказалъ, смѣясь, молодой человѣкъ.

— Не можетъ быть!—говорили, сомнѣваясь, гости.

— Увѣряю васъ, что это правда. Держу пари на пятьдесятъ луидоровъ.

— Идетъ!—отвѣтило нѣсколько человѣкъ.

Рѣшили на слѣдующій же день съѣхаться, чтобы послушать это чудесное эхо.

Молодой человѣкъ вернулся домой и, позвавъ слугу, сказалъ ему:

— Слушай, когда завтра пріѣдутъ ко мнѣ гости, ты пойди и спрячься за прудомъ, у опушки нашего лѣса, и оттуда повторяй, какъ эхо, по крайней мѣрѣ разъ двадцать каждое слово, которое будутъ кричать.

— Понимаю!—воскликнула Адалла, не удержавшись, чтобы не прервать дѣдушку:—такое эхо сдѣлать не трудно!

— Да, но ты послушай, чѣмъ окончилась эта забава молодого человѣка. На слѣдующій день гости съѣхались. Молодой человѣкъ привелъ ихъ въ ту часть парка, гдѣ находился прудъ, и увѣренный въ успѣхѣ, съ торжествомъ обвелъ глазами гостей и крикнулъ:

— Эхо, ты тамъ?

— Здѣсь, сударь! — раздалось въ отвѣтъ. Бѣдный слуга забылъ, что онъ долженъ былъ быть эхомъ, а не слугой. Конечно, всѣ расхохотались, какъ и ты теперь смѣешься. Смѣялся вмѣстѣ съ другими и молодой человѣкъ, вздумавшій подшутить надъ друзьями, и заплатилъ проигранныя пари.

Эти разсказы очень занимали Адаллу, и за завтракомъ она обратилась къ Любочкѣ съ вопросомъ:

— Что́ значитъ эхо?

— Эхо по-гречески значитъ звукъ.

— Но кажется въ миѳологіи такъ называютъ также одну нимфу?

— Да; эхо, о которомъ мы говорили, и нимфа Эхо— одно и то же.

— Какъ же это такъ?—изумилась Адалла.

— Нимфа Эхо была дочерью Земли и Воздуха. Она была очень болтлива и такъ надоѣла главному изъ греческихъ боговъ, Юпитеру, что онъ наконецъ отчасти лишилъ ее языка, присудивъ повторять только послѣднія слова изъ всего, что́ она ни услышитъ.

— Вотъ это ужъ совсѣмъ неправдоподобная исторія!—воскликнула Адалла.

— Вѣрно,—сказала Любочка, улыбнувшись надъ забавнымъ восклицаніемъ своей сестренки;—но ты сейчасъ увидишь, какъ удачно придумали эту исторію. Было время, когда люди знали очень мало и не могли себѣ объяснить многихъ естественныхъ явленій, но они были любознательны и тоже все говорили «отчего?», желая найти отвѣтъ. И вотъ, люди съ болѣе развитымъ умомъ и воображеніемъ придумывали эти «оттого!» и сообщали толпѣ, которая имъ вѣрила. Кромѣ того, въ миѳѣ о нимфѣ Эхо есть доля правды: сдѣлавъ ее дочерью воздуха, поэты предугадали выводъ науки, потому что вѣдь эхо порождается и производится воздухомъ.

— Это очень красиво!—замѣтила Адалла.

Обѣдать поѣхали въ Одессу къ Сергѣю Николаевичу, а вечеромъ вся семья воротилась на дачу. Когда про-

ѣзжали по театральной площади, Адаллу поразилъ яркій электрическій свѣтъ.

Адалла тихонько дотронулась до руки Сергѣя Николаевича и молча указала на свѣтящіеся шары.

— А! Ты хочешь, чтобы я разсказалъ тебѣ объ этихъ крошечныхъ плѣнныхъ солнцахъ?—спросилъ Сергѣй Николаевичъ, вспомнивъ выраженіе Адаллы.

— Ты угадалъ!—отвѣтила, смѣясь, Адалла.—Скажи, какъ дѣлаютъ электрическій свѣтъ?

— Очень просто: съ помощью угля.

— Угля?

— Да, угля и еще электричества, конечно. Нѣкогда замѣтили, что когда соединенные проволокой съ электрической батареей концы двухъ угольныхъ палочекъ соприкасаются, то въ мѣстѣ ихъ соприкосновенія появляется свѣтлая точка. Когда эти угольныя палочки отдѣляли другъ отъ друга, то свѣтъ увеличивался и принималъ форму ярко свѣтящейся дуги, а когда палочки разъединяли еще немного, то дуга увеличивалась и становилась ослѣпительной. Эти лампочки, которыя ты видишь, устроены иначе: въ нихъ помѣщаютъ очень тонкую угольную ниточку, которая приготовляется особеннымъ способомъ. Электрическій токъ, проходя черезъ эту ниточку, накаляетъ ее и дѣлаетъ ее свѣтящейся.

— А гдѣ же находится электрическая батарея?

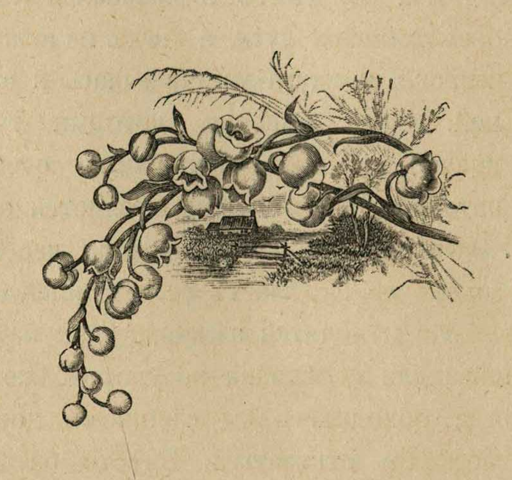
— Батарей для освѣщенія не употребляютъ, потому что оно тогда обходилось бы слишкомъ дорого и отъ него пришлось бы отказаться. Вмѣсто батарей, здѣсь примѣняются электрическія машины, устройство кото-

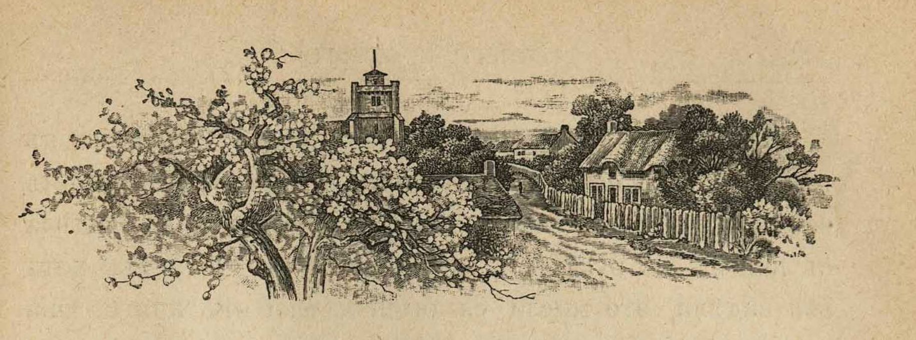
рыхъ слишкомъ сложно, чтобы тебѣ его объяснить, но главная суть которыхъ состоитъ вотъ въ чемъ: если быстро вращать магнитъ передъ кускомъ желѣза, обвитаго мѣдной проволокой, то образуется электрическій токъ, который и можно проволокой провести куда угодно, а слѣдовательно и въ угольныя палочки и нити.

— А кто же вертитъ магнитъ? Работникъ? — спросила Адалла.

— О, нѣтъ! Тутъ нужна болѣе могучая сила,—употребляется паръ. Этотъ блестящій электрическій свѣтъ скоро совсѣмъ вытѣснитъ газъ, какъ нѣкогда газъ вытѣснилъ керосиновые фонари.

При этихъ словахъ Елена Николаевна вспомнила, что она въ возрастѣ Адаллы такъ же восхищалась керосиновымъ освѣщеніемъ, какъ теперь Адаллу восхищаетъ электрическій свѣтъ.

ГЛАВА XX.

Пенснэ и глазъ Адаллы.

Насталъ сентябрь съ прохладными и длинными ночами, и Бартеневы вернулись въ городъ. Николай Александровичъ съ сыномъ, дочерью и Адаллой должны были скоро ѣхать въ Массову, и потому въ домѣ шли дѣятельныя приготовленія къ этому долгому путешествію. Предстоявшая разлука волновала всѣхъ. Но особенно волновалась Адалла. Она бѣгала по всему дому, предлагая свою помощь, но скорѣе мѣшала всѣмъ, чѣмъ помогала. Впрочемъ, она сама отлично сознавала это и выражала свою благодарность тѣмъ, что неожиданно бросалась цѣловать всѣхъ по очереди.

Радость Адаллы нѣсколько смягчала горесть разлуки. Тѣмъ не менѣе, когда всѣ собирались въ гостиной или въ столовой, тамъ наступало тяжелое молчаніе. Адалла понимала, что она виновата въ предстоящей разлукѣ семьи и въ душѣ упрекала себя за это.

Однажды вечеромъ, когда всѣ молча собрались въ гостиной, Николай Степановичъ задумалъ развеселить всѣхъ и ждалъ только удобнаго случая. Адалла сидѣла съ книгой въ рукахъ, дѣлая видъ, что читаетъ, хотя всѣ видѣли, что мысли ея были далеко отъ книги. Она машинально вертѣла въ рукахъ пенснэ дѣдушки, которое онъ оставилъ на столѣ, потомъ открыла его, надѣла на свой носъ и попыталась читать. Но къ удивленію своему она не могла разглядѣть ни одной буквы. Снявъ пенснэ, она осмотрѣла его, вытерла платкомъ, какъ это всегда дѣлалъ Николай Степановичъ, и затѣмъ съ серьезнымъ видомъ снова надѣла его, но опять ничего не видѣла. Дѣдушка съ любопытствомъ слѣдилъ за нею, ожидая, что она, наконецъ, предложитъ ему свое обычное «отчего?», которымъ можно будетъ развлечь всѣхъ. Но «отчего?» не являлось; Адалла даже положила пенснэ на столъ и принялась опять перелистывать свою книгу.

Николай Степановичъ поднялся съ кресла, подошелъ къ столу съ газетой въ рукахъ и, надѣвъ пенснэ, сдѣлалъ видъ, что увлекся чтеніемъ.

Замѣтивъ, что дѣдушка отлично читаетъ съ своимъ пенснэ, Адалла спросила его:

— Какъ можешь ты, дѣдушка, читать съ этими стеклами?

Этого вопроса и ждалъ Николай Степановичъ, но чтобы еще больше заинтересовать дѣвочку, онъ притворился, что не слышитъ ея вопроса.

Не получая отвѣта, Адалла тихонько дернула газету со словами:

— Я такъ ничего не вижу съ этими стеклами. Отчего, дѣдушка? Говори же!

— Должно быть, оттого,—отвѣтилъ небрежно Николай Степановичъ,—что у тебя сѣтчатая оболочка глаза не такъ устала, какъ у меня, и хрусталикъ твой чище моего.

И затѣмъ онъ снова углубился въ чтеніе газеты, какъ бы совсѣмъ забывъ о внучкѣ, разсчитывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что на этотъ разъ Адалла ужъ не оставитъ его въ покоѣ.

Такъ и случилось.

— Сѣтчатая оболочка! Хрусталикъ! — повторила Адалла. — Ну, дѣдушка, говори же, что́ это такое?

— Что́? — удивился Николай Степановичъ,—ты не знаешь, какъ устроенъ твой глазъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Адалла, нисколько не смущаясь.

— Такъ спроси объ этомъ Любочку. Я удивляюсь, что она до сихъ поръ не объяснила тебѣ этого!

— Ты слышала, Любочка?—спросила сестру Адалла.

Любочка уже нѣсколько минутъ прислушивалась къ разговору дѣда съ Адаллой, вопросы которой возбудили также вниманіе другихъ.

— Если ты слышала,—продолжала Адалла,—то разскажи мнѣ, какъ устроенъ глазъ?

— Изволь,—сказала Любочка, откладывая работу.— Ты, можетъ быть, думаешь, что глазъ состоитъ только изъ этихъ хорошенькихъ окошечекъ, которыя, въ видѣ миндалинокъ, блестятъ по обѣ стороны твоего носа? Нѣтъ, моя дорогая. Эти окошечки составляютъ только часть твоихъ глазъ. Цѣлый глазъ имѣетъ форму шарика и называется глазнымъ яблокомъ, которое помѣщается подъ твоимъ лбомъ.

— Изъ чего же состоитъ этотъ шарикъ?

— Изъ перепончатой крѣпкой оболочки, называемой бѣлковой. Теперь скажи мнѣ сначала, что́ ты видишь прежде всего между моими вѣками?

— Я вижу бѣлокъ глаза,—отвѣтила Адалла.

— Бѣлокъ — разговорное названіе, — замѣтила Любочка.—Это бѣлковая оболочка. А что́ ты еще видишь?

— Потомъ я вижу зрачекъ!

— А что́ ты называешь зрачкомъ?—спросила Любочка.

— Синій красивый кружочекъ въ твоемъ глазу, а въ моемъ черный.

— Это не зрачекъ,—возразила съ улыбкой Любочка.

— Такъ что́ же это?—спросила, смутившись, Адалла.

— Это радужная оболочка, тонкая перепонка; она бываетъ у людей разнаго цвѣта и находится за роговой оболочкой, хотя намъ и кажется, что она впереди глаза. Эта роговая оболочка прозрачна и вставлена въ бѣлковую такъ, какъ, напримѣръ, стекло вставлено въ карманныхъ часахъ. Между роговой и радужной оболочками есть даже маленькая полость, наполненная совсѣмъ безцвѣтной жидкостью, называемой водянистой влагой глаза.

— А гдѣ же зрачекъ?—спросила Адалла.

— Тутъ же. Смотри, чтó ты видишь въ серединѣ радужной оболочки?

— Черный кружочекъ... въ видѣ маленькой дырочки.

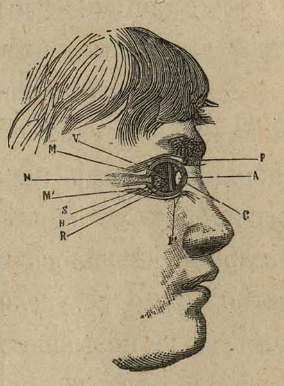
— Вотъ это и есть зрачекъ.

— Для чего же онъ?

— Онъ очень важенъ для насъ, потому что пропускаетъ свѣтъ въ глазное яблоко.

— А когда свѣтъ пройдетъ туда, чтó же потомъ?

— Пройдя черезъ зрачекъ, свѣтъ встрѣчаетъ перегородку, подъ названіемъ хрусталикъ, который прозраченъ, и не только имѣетъ форму увеличительнаго стекла, но и дѣйствуетъ, какъ такое стекло. За хрусталикомъ свѣтъ находится уже внутри глаза, въ самомъ яблокѣ, которое наполнено жидкостью, называемой стекловидной влагой. А дальше находится только оболочка глаза, называемая сосудистой, на которой разстилается та самая сѣтчатая оболочка, о которой говорилъ дѣдушка.

P верхнее вѣко. *P'* нижнее вѣко. *A* роговица. *C* хрусталикъ. *V* стекловидное тѣло. *M* мышца, поднимающая верхнее вѣко. *M'* мышца, опускающая нижнее вѣко. *S* склеротика. *H* сосудистая оболочка. *R* сѣтчатка.

— А чтó такое сѣтчатая оболочка?—спросила Адалла.

— Сѣтчатая оболочка, — отвѣтила Любочка, — есть продолженіе зрительнаго нерва, который проникаетъ въ глазное яблоко съ его задней стороны и выстилаетъ внутреннюю поверхность его тонкой перепонкой изъ

нервнаго вещества. Вотъ эта-то перепонка и есть сѣтчатая оболочка. Теперь посмотримъ, что̀ происходитъ, когда мы открываемъ наши вѣки. Свѣтъ свободно проходитъ черезъ роговую оболочку, вотъ какъ проходитъ въ окно, когда откроютъ ставни, и проникаетъ въ отверстіе, которое находится посреди радужной оболочки. Далѣе онъ встрѣчаетъ хрусталикъ...

— Господи!—воскликнула Адалла,—сколько препятствій для свѣта, чтобы попасть внутрь глаза!

— Но эти препятствія очень полезны, — замѣтила Любочка,—потому что помогаютъ собирать лучи свѣта и направлять ихъ на сѣтчатку, и я раньше не напрасно сравнила хрусталикъ съ увеличительнымъ стекломъ. Тебѣ навѣрное случалось видѣть, какъ дѣти забавляются, зажигая бумагу увеличительнымъ стекломъ или лупой, какъ тоже называютъ его.

— Да, видѣла.

— Какъ же они это дѣлали? Они ставили это стекло между солнцемъ и бумагой, и стекло собирало солнечные лучи къ одной точкѣ бумаги, послѣ чего эти собранные лучи такъ нагрѣвали бумагу, что она загоралась. То же самое дѣлаетъ хрусталикъ въ нашемъ глазу: онъ собираетъ лучи свѣта и въ видѣ густого пучка устремляетъ ихъ на одну точку. Соединенные въ одной точкѣ лучи, конечно, дѣйствуютъ сильнѣе на сѣтчатую оболочку, которая и передаетъ впечатлѣніе зрительному нерву, а этотъ послѣдній—мозгу, и тогда мы видимъ.

— Значитъ, свѣтъ раздражаетъ глазной нервъ такъ же, какъ звукъ—ушной?—догадалась Адалла.

— Такъ же, какъ нервы носа раздражаются пахучими веществами, нервы языка—вкусовыми, а нервы кожи—прикосновеніемъ къ нимъ,—добавила Любочка.

— Любочка перечислила тебѣ всѣ пять чувствъ, которыми мы надѣлены природой: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе,—замѣтилъ Адаллѣ Николай Степановичъ.

— Значитъ, свѣтъ движется?—спросила Адалла.

— Не движется, а летитъ, мчится съ неимовѣрной быстротой.

— Какъ звукъ?

— О, нѣтъ! Звукъ лѣнтяй въ сравненіи съ свѣтомъ; онъ проходитъ только около 500 аршинъ въ секунду, тогда какъ свѣтъ въ секунду же пробѣгаетъ около трехсотъ тысячъ верстъ.

Эти слова поразили Адаллу.

— Я понимаю,—сказала она послѣ минутнаго молчанія,—что лучи солнца и даже лучи этой лампы раздражаютъ сѣтчатую оболочку нашего глаза. Но когда я смотрю на что-нибудь, ну, хотя бы на листъ бѣлой бумаги, что́ помогаетъ мнѣ видѣть его?

— Тотъ же свѣтъ, дѣточка,—отвѣтилъ Николай Степановичъ.

— Гдѣ же тутъ свѣтъ?—недоумѣвала Адалла.

— Слушай, и ты поймешь, дѣточка. Свѣтомъ мы называемъ такія тѣла, которыя сами свѣтятся, напр., солнце, звѣзды, газъ, лампа, огонь и вообще все, что́ горитъ. Другія же тѣла хотя сами не свѣтятся, но отражаютъ свѣтъ, падающій на нихъ отъ свѣтящихся тѣлъ, и по-

тому кажутся намъ свѣтлыми Вотъ листъ бѣлой бумаги, который ты привела въ примѣръ, принадлежитъ къ такимъ тѣламъ. Когда на этотъ листъ упадетъ свѣтъ солнца или лампы, то онъ отражаетъ свѣтъ въ твой глазъ, отчего ты и видишь его. Въ темнотѣ же ты потому не видишь его, что онъ свѣта не получаетъ и потому не можетъ отразиться въ твоемъ глазу.

Хотя Адалла и поняла объясненіе дѣдушки, но въ немъ было для нея нѣчто не совсѣмъ ясное, чего она только не могла выразить. Наконецъ, послѣ нѣкотораго размышленія, она спросила его:

— Но, дѣдушка, отчего же бумага посылаетъ мнѣ бѣлый свѣтъ, букетъ изъ розъ—розовый, а вонъ тотъ столъ изъ чернаго дерева—черный?

— Ну, извини, столъ не посылаетъ тебѣ никакого свѣта, потому-то онъ и кажется тебѣ чернымъ.

— Какъ же я вижу его, если онъ не посылаетъ мнѣ свѣта?

— Ты затрогиваешь вопросъ о цвѣтахъ. Ну, слушай. Свѣтъ, приходящій къ намъ отъ солнца, бѣлый, поэтому слѣдовало бы, пожалуй, говорить, что днемъ не «свѣтло», а «бѣло».

— Да вотъ и про ночь тоже говорятъ «темно», а не «черно»,—замѣтила Адалла.

— Прекрасно. Но этотъ бѣлый свѣтъ состоитъ изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ, которые не бѣлы.

— Какіе же это цвѣта?

— Ихъ семь: фіолетовый, синій, голубой, зеленый, желтый, оранжевый и красный. И удивительно то, что

если эти семь цвѣтовъ соединить, то они образуютъ бѣлый цвѣтъ.

— Какъ же это узнали?

— А вотъ какъ! Пропустили обыкновенный лучъ черезъ узенькую щель и потомъ черезъ кусокъ стекла, которому придана извѣстная форма; за этимъ стекломъ помѣстили листъ бумаги, на которой и получились тѣ семь цвѣтовъ, о которыхъ я говорилъ. Никакой предметъ самъ по себѣ не имѣетъ цвѣта, потому что, еслибы онъ имѣлъ его, то сохранялъ бы и въ темнотѣ, а этого нѣтъ; какъ ты знаешь, ночью все темно, все черно. Значитъ, и различные цвѣта придаетъ предметамъ свѣтъ солнца или другого самосвѣтящагося тѣла.

— Но отчего тогда не у всѣхъ предметовъ одинъ и тотъ же цвѣтъ?

— Да вотъ именно оттого, что въ свѣтѣ лучи семи цвѣтовъ, о которыхъ я только-что говорилъ. Различные предметы могутъ отражать не всѣ цвѣта, изъ которыхъ состоитъ падающій на нихъ бѣлый цвѣтъ. Если предметъ отражаетъ всѣ лучи, составляющіе бѣлый цвѣтъ, то онъ посылаетъ и въ нашъ глазъ бѣлый свѣтъ. Если же предметъ отражаетъ только лучи одного или нѣсколькихъ изъ семи цвѣтовъ и поглощаетъ всѣ остальные, напр., только красные лучи...

— То и предметъ кажется краснымъ!—воскликнула Адалла.—Такъ вотъ отчего мои розы красны...

— Совершенно вѣрно, сударыня! — смѣясь, сказалъ Николай Степановичъ.—А если предметъ поглощаетъ всѣ лучи, не отражая ни одного, то не можетъ имѣть ника-

кого цвѣта и кажется чернымъ... Когда же предметъ отражаетъ лучи двухъ или больше цвѣтовъ, то получаются разные оттѣнки въ ихъ окраскѣ.

Адалла посмотрѣла на мебель и обои гостиной, стараясь примѣнить на практикѣ только-что слышанное. Теперь она понимала, отчего мебель и обои были того или другого цвѣта. Но этотъ осмотръ не совсѣмъ удовлетворилъ ее.

— Чего ты не поняла, дѣточка?—спросилъ Николай Степановичъ, слѣдившій за нею.

— Во-первыхъ, эта штора,—отвѣтила Адалла,—обыкновенно синяго цвѣта, а теперь она кажется мнѣ зеленой.

— Это потому, что свѣтъ лампы не такой, какъ свѣтъ солнца; въ немъ, вѣроятно, недостаетъ синихъ лучей. а штора вѣдь только отражаетъ свѣтъ; а во-вторыхъ что́?

— Стаканъ,—отвѣтила Адалла.

— Стаканъ?..—спросилъ, недоумѣвая, Николай Степановичъ.

— Да, стаканъ ни чернаго, ни бѣлаго, ни желтаго цвѣта... онъ... онъ... я не знаю, какъ сказать!..

— Онъ прозраченъ, хочешь ты сказать?

— Да, онъ не отражаетъ свѣтъ.

— Вѣрно, дѣточка!—сказалъ Николай Степановичъ.— Я забылъ сказать тебѣ о тѣлахъ, которыя не отражаютъ и не поглощаютъ свѣтовыхъ лучей, а пропускаютъ ихъ черезъ себя. Къ такимъ тѣламъ принадлежатъ стекло, вода, воздухъ и большая часть газовъ.

— И вода? А я видѣла синюю воду, — возразила Адалла неувѣренно.

Она вспомнила Средиземное море, которое когда-то видѣла и скоро снова должна была увидѣть.

— Адалла права! — замѣтилъ дѣдушка, какъ бы досадуя на себя. — Я объясняю не все, что́ нужно; мнѣ слѣдовало еще сказать, что и вода, и стекло получаютъ нѣкоторый цвѣтъ, если взять толстый слой ихъ. Но тогда вода не отражаетъ синихъ лучей, а только пропускаетъ ихъ сквозь себя, поглощая въ то же время всѣ другіе. Оттого ты и видишь только синій цвѣтъ. Точно такъ же и очень толстый слой воздуха пропускаетъ сквозь себя только синіе лучи солнечнаго свѣта. Ну, теперь, надѣюсь, я все сказалъ о свѣтѣ и цвѣтахъ, и Адаллѣ не о чемъ спрашивать меня больше.

— Извини, дѣдушка! — воскликнула Адалла. — А помнишь, что́ ты сказалъ мнѣ, надѣвая свое пенснэ? Ты сказалъ, что твое пенснэ для меня не годится, такъ какъ мой хрусталикъ лучше твоего. Значитъ, твой хрусталикъ не хорошъ, дѣдушка?

— Онъ былъ хорошъ, — отвѣтилъ Николай Степановичъ, — но испортился, отъ старости и долгой работы, и сталъ не такой выпуклый, какъ нужно; чтобы исправить этотъ недостатокъ его, я долженъ ставить передъ моими глазами стекла, которыя замѣнили бы выпуклость, недостающую въ моемъ постарѣвшемъ хрусталикѣ. Пенснэ, это — искусственный хрусталикъ, помогающій настоящему.

— И ты видишь хорошо съ пенснэ, дѣдушка? — спросила Адалла.

— Да, настолько хорошо, что не ошибусь, если скажу, что барышня Адалла хочетъ спать!—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Ну, на этотъ разъ дѣдушка и въ пенснэ видитъ нехорошо! Потомъ ты мнѣ говорилъ, что твоя сѣтчатая оболочка устала. Помнишь? Значитъ, она можетъ уставать?

— Конечно! Подумай, сколько она должна была работать, сколько лѣтъ получала ощущенія и передавала ихъ мозгу!

— Да, она хорошо поработала,—согласилась Адалла.

— Ну, можетъ быть и не такъ хорошо, какъ ты думаешь; сѣтчатая оболочка иногда ошибается.

— Когда же это она ошибается?

— Случалось ли тебѣ видѣть на поѣздѣ, что мимо вагона какъ бы проносились деревья и другіе предметы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ, а твой вагонъ мчался мимо нихъ?

— Да, видѣла.

— Значитъ, твоя сѣтчатая оболочка ошибалась, говорила тебѣ неправду, и чтобы возстановить истину, твоему мозгу нужно было поработать. Другой примѣръ: не замѣчала ли ты, что когда колесо быстро вертится, то кажется будто поверхность его сплошная, безъ спицъ? А вотъ еще примѣръ.

Николай Степановичъ зажегъ спичку и началъ быстро описывать ею круги въ воздухѣ.

— Чтó ты видишь?—спросилъ онъ Адаллу.

— Все свѣтящіеся круги.

— Это опять ошибка твоей сѣтчатой оболочки; на самомъ дѣлѣ никакого круга тутъ нѣтъ и не было.

— Отчего это происходитъ? – удивилась Адалла.

— Оттого, что впечатлѣніе отъ яркихъ лучей пропадаетъ на сѣтчатой оболочкѣ не вслѣдъ за исчезновеніемъ источника свѣта, а остается еще на нѣсколько мгновеній. Когда спичка описала кругъ и начинала уже второй, впечатлѣніе свѣтовъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она двигалась, еще не прекратилось на твоей сѣтчатой оболочкѣ, и потому тебѣ казалось, что ты видишь цѣлый кругъ. Впрочемъ, я покажу тебѣ это не мгновенное исчезновеніе впечатлѣнія способомъ, который всѣхъ васъ заинтересуетъ и позабавитъ.

— Ахъ, какъ весело!—воскликнула Адалла.

Николай Степановичъ взялъ листъ бѣлой бумаги и нарисовалъ на ней черный силуэтъ женщины съ поднятыми руками.

— Смотри пристально на бѣлую точку, которую я оставилъ посреди этой фигуры,—сказалъ онъ Адаллѣ.—Потомъ, когда ты почувствуешь, что твои глаза устаютъ, посмотри на потолокъ, и черезъ нѣсколько секундъ ты увидишь...

— Что́?—съ любопытствомъ спросила Адалла.

— А вотъ увидишь! — отвѣтилъ Николай Степановичъ, желая сдѣлать сюрпризъ своей маленькой дикаркѣ.

При этихъ словахъ онъ снялъ съ лампы абажуръ, чтобы лучше освѣтить потолокъ.

Кончивъ смотрѣть на рисунокъ, Адалла откину-

лась на спинку стула и стала пристально смотрѣть на потолокъ. Всѣ съ любопытствомъ ждали, что́ будетъ.

— Ахъ, ахъ!—воскликнула она внезапно съ такимъ изумленіемъ, что всѣ разсмѣялись.—Я вижу эту женщину... О, она совсѣмъ бѣлая... отлично вижу ее... вижу... вижу... Ахъ, не вижу больше, пропала!..

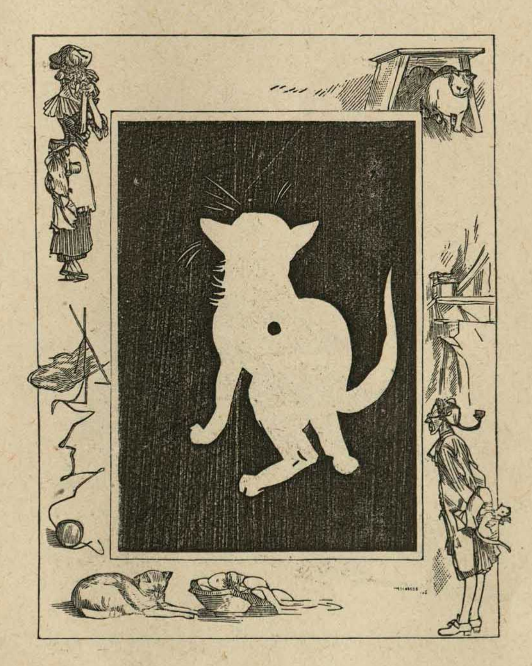
Всѣ другіе стали тоже повторять этотъ опытъ, такъ сильно поразившій Адаллу. Тѣмъ временемъ Николай Степановичъ успѣлъ нарисовать бѣлый силуэтъ кошки.

— Ты видѣла,—сказалъ онъ Адаллѣ,—черную женщину, которая какъ бы искала что-то, а теперь увидишь, что́ именно она искала.

Адалла посмотрѣла пристально на рисунокъ, а за-

тѣмъ устремила глаза на потолокъ, гдѣ увидала бѣлую кошку.

Всѣ другіе также стали поочереди смотрѣть на женщину, на кошку и на потолокъ, и при этомъ такъ много смѣялись и удивлялись, что Николай Степановичъ чувствовалъ себя вполнѣ вознагражденнымъ.

— Скажи, дѣдушка, какъ все это происходитъ?

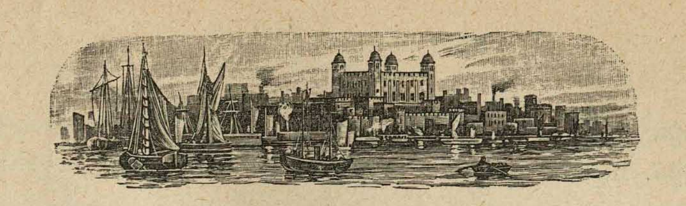
— Такъ какъ ты долго и пристально смотрѣла на рисунокъ, то твоя сѣтчатая оболочка получила сильное, яркое впечатлѣніе, которое у нея сохранилось на нѣкоторое время и отразилось на бѣломъ потолкѣ. Не спрашивай, отчего черная женщина отразилась бѣлой, а бѣлая кошка—черной. Объяснять это было бы слишкомъ

долго; къ тому же различно объясняютъ это явленіе. Достаточно знать, что это любопытное явленіе существуетъ.

— Это очень интересно!—весело воскликнула Адалла.

Такимъ образомъ, благодаря находчивости Николая Степановича, вечеръ окончился гораздо веселѣе, чѣмъ начался.

ГЛАВА XXI.

Отъѣздъ въ Массову.

Наступилъ желанный для Адаллы день отъѣзда. Всѣ старались казаться спокойными, и только Елена Николаевна, Вѣра и Любочка не могли удержаться отъ слезъ. Но вспоминая объ Адаллѣ, жизнь и здоровье которой зависѣли отъ этого путешествія, Любочка отгоняла отъ себя мрачныя мысли. Впрочемъ самое путешествіе въ интересную страну было очень заманчиво. Прощаніе Любочки съ Еленой Николаевной было очень трогательно: мать и дочь до сихъ поръ никогда не разставались.

Адалла горячо обняла всѣхъ, начиная съ дѣдушки и кончая маленькой Надей. Тѣмъ не менѣе, она была недовольна собой за то, что не чувствовала такой печали, какъ другіе: она ѣхала на родину, быть можетъ, къ матери, ѣхала съ людьми любимыми, которые ее любили.

и горе ея исчезало при воспоминанiи о свѣтломъ образѣ матери, которую она надѣялась скоро обнять. И вотъ, когда путники уже усѣлись въ экипажъ, когда остававшiеся дома печально смотрѣли на нихъ съ крыльца, Адалла вдругъ закричала:

— Постойте! постойте!

И раньше чѣмъ успѣли ее остановить, она выскочила изъ экипажа и бросилась въ объятiя къ Еленѣ Николаевнѣ.

— Мама! мамочка!—повторяла она нѣжно, взволнованнымъ голосомъ.

Елена Николаевна прижала маленькую дикарку къ своему сердцу и, отирая слезы, тихо сказала ей:

— Я понимаю тебя, дѣточка!.. Ты хорошая, милая дѣвочка!..

Успокоившись немного, Адалла снова сѣла въ экипажъ. Повидимому, это прощанiе съ прiемной матерью сняло съ ея сердца большую тяжесть.

Путешественники наши ѣхали на одномъ изъ пароходовъ Добровольнаго флота, который по пути на дальнiй Востокъ долженъ былъ войти въ Портъ-Саидъ и Суэцъ. Въ Суэцѣ они пересѣли на итальянскiй пароходъ, который везъ въ Джедду богомольцевъ магометанъ, направлявшихся въ Мекку, а въ Джеддѣ Николаю Александровичу удалось нанять арабское парусное судно, капитанъ котораго взялся доставить ихъ въ Массову.

Во время этого долгаго путешествiя Адалла сдѣлалась молчаливой и сосредоточенной. Она невольно вспомнила то горестное путешествiе по этимъ мѣстамъ, ко-

торое она совершила шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ страшныхъ событій. Она думала о Массовѣ, куда теперь ѣхала и гдѣ протекли ея первые годы съ обожаемою матерью и отцомъ.

Отца—увы!—уже не было въ живыхъ. Но мать? Возвратятъ ли ей мать, найдутъ ли ее? Въ мрачной тоскѣ она иногда говорила себѣ, что ея мать, быть можетъ, тоже исчезла... какъ отецъ!

Любочка старалась всѣми силами развлечь ее, но безуспѣшно. Николай Александровичъ и Сергѣй Николаевичъ угадывали, чтó занимало умъ Адаллы; но они избѣгали мѣшать ей предаваться печальнымъ размышленіямъ изъ опасенія возбудить въ ней несбыточныя надежды.

При отъѣздѣ изъ Одессы они писали французскому консулу въ Массовѣ, прося его извѣстить ихъ, привели ли къ чему-нибудь поиски матери Адаллы, и если нѣтъ, то просили предпринять новые розыски, и въ Суэцѣ получили отвѣтъ, отнимавшій у нихъ всякую надежду.

Однажды утромъ путники наши увидали вдали Массову, всю залитую солнцемъ. Адалла, бывшая на палубѣ, дрожала отъ волненія и протягивала руки впередъ. Лицо ея совсѣмъ преобразилось, въ глазахъ сверкала надежда.

— Мы найдемъ ее!—сказала она съ непоколебимой вѣрой Любочкѣ, когда та подошла къ ней.

Къ ночи достигли Массовы; консулъ уже ждалъ Николая Александровича на пристани. Свиданіе ихъ было самое сердечное, и консулъ гостепріимно предоставилъ свой домъ въ распоряженіе гостей.

Адалла тихо улыбнулась, замѣтивъ, что консулъ не узнаетъ ее. Да и трудно было въ хорошенькой дѣвочкѣ съ европейскими манерами, несмотря на характерный цвѣтъ лица ея и волосы, узнать бѣднаго полунагого ребенка, найденнаго среди ужасовъ дикой рѣзни.

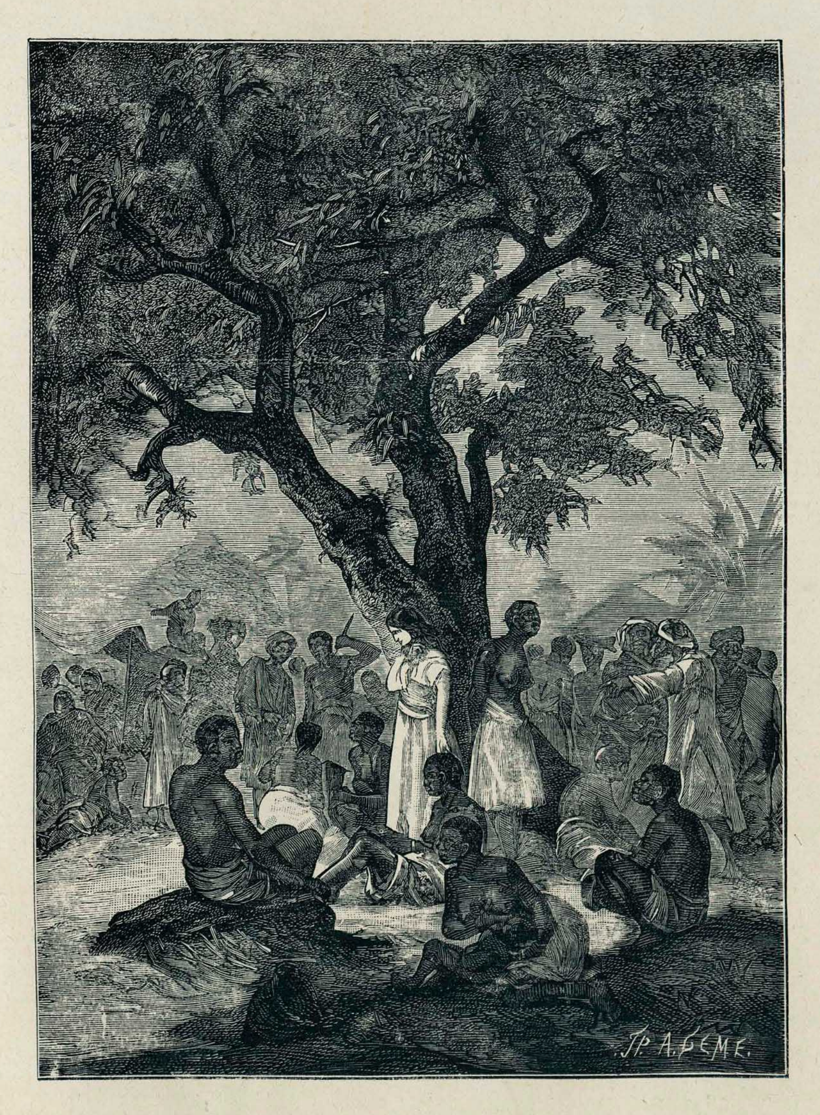
Когда послѣ обѣда Любочка съ Адаллой вышли изъ столовой, Николай Александровичъ обратился къ консулу съ вопросомъ:

— Итакъ, вамъ не удалось ничего узнать о несчастной Анжеликѣ Перье, матери нашей маленькой любимицы?

— Рѣшительно ничего, — отвѣтилъ консулъ. — Правда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ вашего отъѣзда нашъ агентъ въ Хартумѣ, котораго я предупредилъ о происшествіи, сообщилъ мнѣ, что видѣли бѣлую женщину на невольничьемъ рынкѣ въ одномъ изъ городовъ на границѣ Нубіи и Судана. Онъ тотчасъ послалъ людей въ этотъ городъ, но бѣлая женщина была уже продана, ч всякій слѣдъ ея исчезъ. Съ тѣхъ поръ всѣ мои усилія ;ыскать ее были тщетны.

— Значитъ, ужасная торговля рабами все еще существуетъ? — спросилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Увы! существуетъ, хотя не такъ открыто, какъ прежде. Ее здѣсь называютъ «торговлей бѣлаго Нила». Какой-нибудь искатель приключеній собираетъ шайку подобныхъ себѣ негодяевъ и направляется въ Гондокоро. Тамъ онъ ищетъ какого-нибудь негрскаго вождя, воюющаго съ другимъ вождемъ, — а найти такого здѣсь нетрудно, — и вступаетъ съ нимъ въ союзъ. Потомъ они грабятъ селеніе врага, дѣлятъ скотъ и уводятъ съ

Невольничій рынокъ (стр. 304).

собой въ рабство всѣхъ жителей Еще недавно рабовъ продавали даже въ Хартумѣ, но теперь, когда тамъ есть европейскіе агенты, торговля рабами производится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Хартума, откуда они разсылаются по всѣмъ магометанскимъ странамъ.

— Неужели нельзя положить конецъ этой постыдной торговлѣ?

— Для этого требовались бы большія усилія и жертвы со стороны египетскаго правительства, и этого трудно ожидать. Съ другой стороны, торговля эта такъ вкоренилась въ нравы жителей, что туземцы съ спокойной совѣстью продаютъ собственныхъ дѣтей. Знаменитый путешественникъ Бекеръ разсказываетъ слѣдующее. Одинъ вождь въ странѣ Шировъ горько жаловался ему, что племя его страдаетъ отъ этой торговли, и тутъ же, среди разговора, вдругъ спросилъ его:

— Не нуженъ ли вамъ молодой, сильный слуга?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Бекеръ.

— Жаль!—сказалъ вождь:—у меня есть пятнадцатилѣтній сынъ, я дешево продалъ бы его.

— Какъ видите,—продолжалъ консулъ,—нелегко заставить этихъ дикарей понять всю безнравственность ихъ поступковъ. Кромѣ того, у всѣхъ племенъ, живущихъ по Бѣлому Нилу, отцы продаютъ своихъ сыновей во время голодовокъ. Что касается дочерей, то это всегда ходячій товаръ, цѣна которому заранѣе извѣстна каждому: дѣвочку отдаютъ за двѣнадцать коровъ.

ГЛАВА XXII.

Въ Африкѣ.

На слѣдующій день Адалла, по обыкновенію, пришла пожелать Николаю Александровичу добраго утра, и затѣмъ устремила на него свои черные глаза, въ которыхъ нетрудно было прочесть нѣжную мольбу.

Николай Александровичъ понялъ этотъ взглядъ.

— Если тебѣ такъ хочется этого, пойдемъ,—сказалъ онъ Адаллѣ.

И они отправились въ сопровожденіи Любочки и ея брата къ тому мѣсту, гдѣ шесть лѣтъ тому назадъ находился домъ Іосифа Өеодора.

Николай Александровичъ опасался за бѣдную дѣвочку; ей предстояло увидѣть родныя мѣста, съ которыми у

нея были связаны такія ужасныя воспоминанія. Избѣжать этого посѣщенія было, однако, невозможно. Къ счастью, отъ дома не осталось никакихъ слѣдовъ, и на мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, зеленѣлъ цѣлый лѣсъ мимозъ, кактусовъ и пальмъ. Природа поспѣшила стереть съ этого мѣста всѣ слѣды злодѣянія.

Эти деревья и цвѣты, казалось, были счастливымъ предзнаменованіемъ. Адалла не плакала, хотя и была печальна: она надѣялась найти свою мать.

Проходя по лѣсу, Николай Александровичъ, повидимому, искалъ чего-то. Вдругъ онъ остановилъ сына, который шелъ съ нимъ рядомъ, и указывая на огромный бананъ, тихо сказалъ ему:

— Вотъ тутъ я нашелъ бѣдную дѣвочку! Около этого дерева она въ ужасѣ смотрѣла вслѣдъ богосамъ, которые скрылись съ ея матерью.

Сергѣй Николаевичъ обернулся, и думая, что Адалла не пойметъ, многозначительно указалъ сестрѣ на огромный бананъ.

Любочка тотчасъ поняла жестъ брата и, остановившись, внимательно посмотрѣла на дерево, бывшее свидѣтелемъ горестной сцены.

— На что́ ты смотришь?—спросила Адалла съ удивленіемъ.

— Ничего!.. Ничего!..—отвѣтила Любочка.

Но болѣе по инстинкту, чѣмъ по памяти, Адалла угадала, въ чемъ дѣло.

— Да, да! это было тутъ!—воскликнула она и зарыдала.

Замѣтивъ, сквозь слезы, что Николай Александровичъ смотритъ на нее съ горячимъ участіемъ, она подбѣжала къ нему и бросилась въ его объятія, а затѣмъ, вернулась къ Любочкѣ и горячо поцѣловала ее. Она чувствовала, что своими слезами огорчаетъ своего второго отца, и все-таки не могла удержаться отъ слезъ.

Николай Александровичъ снаряжалъ экспедицію внутрь страны, и, благодаря содѣйствію консула, дѣло быстро подвигалось впередъ. Какъ-то вечеромъ Адалла съ изумленіемъ замѣтила во дворѣ дома нѣсколько тюковъ страннаго вида.

— Зачѣмъ эти тюки?—спросила она въ недоумѣніи.

— Они нужны для нашего путешествія,—отвѣтилъ Николай Александровичъ,—мы ихъ возьмемъ съ собою.

— Зачѣмъ же они нужны?

— Затѣмъ, что въ Африкѣ, какъ и въ Европѣ, безъ денегъ не путешествуютъ.

— Вотъ что́! Такъ это деньги! — сказала Адалла, подходя къ тюкамъ и щупая ихъ.

— Кажется, тамъ не деньги, а матеріи,—сказала она Николаю Александровичу.

— Ты права,—отвѣтилъ онъ,—въ тюкахъ, дѣйствительно, только бумажныя и шерстяныя ткани, но въ странахъ, въ которыхъ мы будемъ, онѣ служатъ деньгами. Тамъ не имѣютъ никакого понятія, что́ такое рубль, копѣйка и т. п. И еслибы я вздумалъ платить туземцамъ русскими или вообще европейскими монетами, они отказались бы брать ихъ, считая ихъ просто какими-то маленькими ничего не стоящими кружками. Дру-

гое дѣло ткани и стеклянныя вещи: ихъ туземцы охотно берутъ вмѣсто платы.

— Но за что́ же мы будемъ имъ платить?

— За съѣстные припасы, которыми намъ немыслимо запастись на все время путешествія. За быка, стоящаго у насъ рублей 30, здѣсь надо заплатить аршинъ тридцать коленкору, за барана—шесть аршинъ, за аршинъ красной шерстяной матеріи намъ дадутъ сколько угодно куръ, и т. д.

— Удивительно! — замѣтила Любочка, слушавшая этотъ разговоръ.

— Но очень понятно,—отвѣтилъ Николай Александровичъ.—Зачѣмъ туземцамъ двадцать рублей или двадцать копѣекъ? Рѣшительно незачѣмъ. Между тѣмъ изъ нѣсколькихъ аршинъ матеріи они могутъ сдѣлать себѣ костюмъ, конечно, не модный европейскій, но которымъ они тѣмъ не менѣе очень гордятся.

Адалла сосчитала тюки.

— Неужели же мы съѣдимъ на столько! — спросила она?

— У насъ будетъ много другихъ расходовъ,—отвѣтилъ Николай Александровичъ. — Нужно тебѣ сказать, что внутренняя Африка состоитъ изъ множества отдѣльныхъ мелкихъ владѣній, царствъ, изъ которыхъ многія состоятъ всего изъ нѣсколькихъ маленькихъ деревушекъ; но каждый изъ вождей этихъ «царствъ» имѣетъ право жизни и смерти надъ своими подданными и полновластно распоряжается землею. Такъ вотъ, чтобы пройти черезъ каждое изъ этихъ государствъ, надо заплатить нѣсколько

аршинъ бумажной или шерстяной матеріи, и чѣмъ могущественнѣе вождь, тѣмъ больше надо ему платить.

— А кто же покупаетъ стеклянный товаръ?

— Негритянскія дамы,—отвѣтилъ, улыбаясь, Николай Александровичъ.

— На что́ онъ имъ? — спросила съ любопытствомъ Любочка.

— Какъ! Ты барышня, и спрашиваешь, на что́ имъ стеклянный товаръ?..—воскликнулъ Николай Александровичъ, полушутя, полусерьезно.—Да для того же, какъ и вамъ! Для чего вы носите бирюзовыя серьги? Чтобы украшать себя. Ну, и онѣ тоже носятъ стеклянныя ожерелья, браслеты и серьги изъ бусъ.

Любочка задумалась.

— Значитъ, мы подражаемъ обычаямъ дикарей, что носимъ серьги, браслеты и другія украшенія? — спросила Любочка.

— Да, моя дорогая,—сказалъ добродушно Николай Александровичъ,—но скоро мы увидимъ настоящихъ дикарей, у которыхъ еще вполнѣ сохранились дикіе нравы.

Николай Александровичъ нанялъ двадцать негровъ для охраненія маленькаго каравана, купилъ муловъ для перевозки тяжестей, верховыхъ лошадей и оружія. Скоро все было готово къ отъѣзду.

Консулъ совѣтовалъ Николаю Александровичу оставить Любочку и Адаллу въ его домѣ, въ виду труднаго и опаснаго пути до Хартума, гдѣ можно было собрать кой-какія свѣдѣнія о матери Адаллы. Николай Александровичъ отлично понималъ, что консулъ правъ. Но онъ

Караванъ вступилъ въ дремучій лѣсъ (стр. 310).

зналъ также, какое горе онъ причинитъ Любочкѣ и Адаллѣ, если не возьметъ ихъ съ собою, и потому отказался послѣдовать совѣту консула.

Караванъ выступилъ въ путь раннимъ утромъ и къ полудню достигъ уже пограничныхъ съ Абиссиніей гигантскихъ лѣсовъ изъ баобабовъ и чернаго дерева, черезъ которые предстояло пройти каравану.

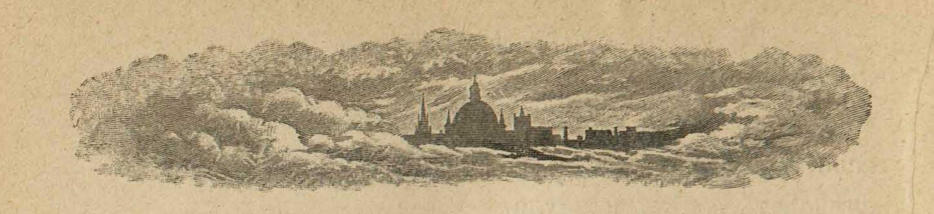
Путники наши восхищались чудесами этой дивной природы, которую они видѣли въ первый разъ. Восхищалась и Адалла. Вскорѣ она стала то-и-дѣло оглядываться, сидя на своемъ пони, котораго Любочка держала за узду, и съ безпокойствомъ смотрѣть на дальній конецъ каравана, гдѣ находились ослы и лошади, нагруженные тюками.

— Что́ ты тамъ ищешь? — спросила ее съ удивленіемъ Любочка.

— Я ищу... нашъ кошелекъ,—отвѣтила Адалла.

Такъ назва́ла она тюки съ товарами, назначенными для обмѣна съ дикарями.

ГЛАВА XXIII.

Опасности путешествія.

Наступилъ вечеръ, а дремучему лѣсу не предвидѣлось конца, и потому наши путники рѣшили переночевать въ немъ.

Раскинули шатры, развели костры и разставили часовыхъ вокругъ маленькаго лагеря. Эти предосторожности оказались не безполезными, потому что часовые скоро замѣтили, при свѣтѣ костровъ, что какія-то темныя тѣни ползкомъ приближаются къ лагерю.

Адалла вскрикнула отъ ужаса при видѣ этихъ людей, вызвавшихъ у нея ужасныя воспоминанія изъ ея ранняго дѣтства. Любочка тоже испугалась и съ нетерпѣніемъ ждала отца и брата, которые ушли на другой конецъ каравана. Вскорѣ они вернулись оттуда.

Эти темныя тѣни были жители сосѣдней деревни. Они подошли къ каравану не съ цѣлью грабежа, а изъ простого любопытства посмотрѣть на бѣлыхъ людей.

Ночью внезапно раздался вблизи сильный, продолжительный ревъ. Адалла прижалась къ Любочкѣ, которая сама также испугалась. Сергѣй Николаевичъ быстро поднялся и, приподнявъ пологъ палатки, заговорилъ съ матросомъ, стоявшимъ на часахъ, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ.

Къ счастью, дѣло окончилось одной тревогой: почуявъ близость добычи, левъ бродилъ вокругъ лагеря, близъ ограды, за которой находились лошади и мулы. Но пылавшіе вокругъ лагеря костры и внезапный выстрѣлъ заставили его удалиться.

Адалла и Любочка заснули снова, но сномъ тревожнымъ. Вдругъ на разсвѣтѣ ихъ разбудилъ ужасный шумъ, раздававшійся съ той стороны, гдѣ стояли лошади. Несчастныя животныя какъ бы взбѣсились и, бросаясь во всѣ стороны, ржали и лягались отъ боли. Къ ихъ жалобнымъ крикамъ присоединились и негры. Оказалось, что къ лошадямъ залетѣлъ рой ужасныхъ мухъ тсетсе и кусалъ до крови бѣдныхъ животныхъ.

Пришлось поспѣшно сняться съ лагеря и уйти отъ опаснаго мѣста.

— Намъ придется, вѣроятно, провести въ пути не одну тревожную ночь!—замѣтила Любочка Адаллѣ, какъ бы подготовляя ее къ трудному путешествію.

Адалла поняла, что́ озабочивало сестру, и тихо проговорила:

— Я готова ѣхать куда угодно, лишь бы найти маму!

Любочка улыбнулась, и онѣ поѣхали дальше.

Караванъ скоро подошелъ къ деревнѣ, изъ которой

наканунѣ приходили къ лагерю любопытные. Вождь встрѣтилъ его у входа въ деревню, окруженный своими подданными, вооруженными копьями и дубинами. Черезъ переводчика Николай Александровичъ узналъ, что вождь требовалъ платы за пропускъ. Вождю и его приближеннымъ выдали по нѣскольку аршинъ бумажныхъ тканей, чѣмъ они остались очень довольны.

Караванъ двинулся снова въ путь, какъ вдругъ въ заднихъ рядахъ туземцевъ поднялся шумъ. Оказалось, что вождь и его приближенные забыли, что у нихъ есть жены, и вотъ онѣ явились сами требовать свою долю платы за пропускъ. Одежда ихъ состояла только изъ короткой юбки, но зато шея, уши, а у нѣкоторыхъ щеголихъ даже косы, были украшены стеклянными бусами.

Николай Александровичъ выдалъ каждой изъ нихъ по горсти разноцвѣтныхъ бусъ, и онѣ удалились въ восхищеніи. Караванъ снова двинулся въ путь.

Это трудное путешествіе видимо утомляло Любочку, и она спросила Адаллу, не устала ли она; но беззаботная Адалла весело отвѣтила ей:

— Нисколько! По крайней мѣрѣ тутъ безопаснѣе, чѣмъ на морѣ или на поѣздѣ.

Любочка засмѣялась и передала отвѣтъ Адаллы отцу.

Николай Александровичъ не безъ удовольствія замѣчалъ, что Любочка очень утомляется путешествіемъ, и надѣялся, что Адалла тоже скоро устанетъ. И онъ не обманулся. Ночью львиный ревъ опять испугалъ ее, и на другой день она была очень молчалива и казалась утомленной.

Пройдя гористую мѣстность, наши путники вступили въ равнину, на которой они замѣтили нѣсколько не особенно высокихъ остроконечныхъ хижинъ.

— Кто тутъ живетъ?—спросила Адалла.

— Муравьи,—отвѣтилъ Николай Александровичъ.

— Какъ? муравьи?

— Да, это муравейники.

Любочка съ удивленіемъ смотрѣла на эти удивительные, аршинъ пять вышины, муравейники, построенные съ замѣчательнымъ искусствомъ.

— Отчего,—спросила она отца,—муравьи строятъ себѣ такія высокія и крѣпкія жилища?

— Оттого, что они зимою спасаются въ нихъ отъ наводненій, которыя бываютъ въ этой долинѣ.

— Какъ же они могутъ спастись въ нихъ?—спросила Адалла.

— Въ сухое время года,—продолжалъ Николай Александровичъ,—муравьи живутъ въ нижнемъ этажѣ; но какъ только какой-нибудь ручеекъ начнетъ выступать изъ береговъ, они перебираются на антресоли; если вода поднимается выше, они уходятъ въ первый этажъ, потомъ во второй и такъ до шестого этажа.

— А если вода поднимется еще выше?—спросила Любочка.

— Еслибы вода поднималась выше, муравьи строили бы еще седьмой этажъ, но такъ какъ они строятъ только шесть этажей, то это значитъ, что вода никогда не поднимается выше.

— Неужели они это понимаютъ?—удивилась Адалла.

— Вѣроятно; даже туземцы не умѣютъ строить себѣ такихъ крѣпкихъ домовъ, какъ эти насѣкомыя. Во время наводненій хижины негровъ уносятся потоками, а сами они зачастую спасаются на этихъ муравейникахъ.

— Неужели же муравьи умнѣе туземцевъ?—удивилась Любочка.

— Должно быть, что такъ,—отвѣтилъ Николай Александровичъ.

Послѣ полудня караванъ снова вступилъ въ лѣсъ, въ которомъ рѣшено было пообѣдать и провести ночь.

Во время обѣда въ сторонѣ послышались звонкіе рѣзкіе крики какой-то птицы, какъ бы звавшіе кого-то.

Негры вскочили и бросились искать птицу, которая, въ то же время, очевидно, стала удаляться, потому что крики ея становились все слабѣе и наконецъ затихли вдали.

— Куда это они побѣжали?—спросила съ удивленіемъ Адалла.

— Вотъ увидишь, — отвѣтилъ Николай Александровичъ.

Вскорѣ негры воротились съ огромными сотами меду, который они съ жадностью ѣли.

— Медъ!—воскликнула Адалла.—Гдѣ они взяли его?

— Въ дуплѣ.

— Кто же имъ указалъ его?

— Та самая птица, которая только-что кричала тутъ.

— Возможно ли это?

— Эта птица изъ породы кукушекъ; какъ только она замѣтитъ туземца, то начинаетъ кричать, и туземецъ

знаетъ, что̀ это значитъ. Онъ идетъ за ней, и она приводитъ его къ дуплу, въ которомъ пчелы запасли медъ, который туземецъ не могъ бы самъ отыскать такъ легко.

— Какъ это странно!—замѣтила Любочка.—Для чего же птица дѣлаетъ это?

— Медъ любимая пища этой птицы, но она не смѣетъ забраться въ улей, потому что пчелы зажалятъ ее до смерти. Какъ тутъ быть? Вотъ она, не рискуя собою, и указываетъ улей человѣку, а тотъ выкуриваетъ несчастныхъ пчелъ и забираетъ весь медъ: птица жѐ довольствуется тѣми остатками, которые прилипаютъ къ дереву.

— Какая умная птица!—замѣтила Адалла.

Ночь, повидимому, должна была пройти спокойно. Но на зарѣ Адаллу и Любочку внезапно разбудили пронзительные крики негровъ. Всѣ поспѣшно поднялись и, выбѣжавъ изъ палатки, увидали, что толпа большихъ сѣрыхъ обезьянъ съ длинными хвостами напала на лагерь. Очевидно, онѣ незамѣтно подкрались къ лагерю по деревьямъ и, улучивъ минуту, бросились изъ любопытства открывать тюки, рвать шерстяныя матеріи и хозяйничать по-своему надъ вещами, которыя попадались имъ въ лапы. Другія бѣгали, какъ угорѣлыя, по лагерю и своимъ крикомъ пугали лошадей и другихъ животныхъ, между тѣмъ какъ третьи съ жадностью пожирали съѣстные припасы путешественниковъ. Негры подняли ужасный крикъ, разсчитывая этимъ прогнать непрошенныхъ гостей, но боялись трогать ихъ, потому что считали обезьянъ за злыхъ людей, обращенныхъ въ

животныхъ, среди которыхъ могли находиться также ихъ предки.

Одинъ изъ матросовъ выстрѣлилъ, и все стадо въ смятенiи разбѣжалось, исключая одной обезьяны, которая была ранена выстрѣломъ. Однако, у нея хватило силъ взобраться на нижнюю вѣтвь дерева, и тамъ, прижавъ рану лапами, она пыталась остановить кровь. Стоны ея походили на жалобы ребенка. Матросъ хотѣлъ было пристрѣлить ее, но она поняла его движенiе и жестами какъ бы просила пощады.

Адалла и Любочка крикнули матросу, чтобы онъ не стрѣлялъ, и бѣдная обезьяна тѣмъ временемъ со стонами поднялась выше и скрылась въ густой листвѣ.

Это происшествiе опечалило дѣвушекъ, и имъ казалось, будто онѣ сами участвовали въ этой жестокости.

Къ вечеру караванъ подошелъ къ болоту, которое предстояло перейти. Множество водяныхъ птицъ развлекли Адаллу и Любочку. Среди зеленой сочной травы важно расхаживали по водѣ бѣлыя и желтыя цапли, плыли пеликаны, марабу съ длинными клювами ловко ловили рыбу, краснокрылые фламинго спокойно сидѣли на гибкомъ бамбукѣ, а подъ ними плескались разноцвѣтныя утки. Молодыя дѣвушки залюбовались этой прекрасной картиной, при видѣ которой онѣ забыли всѣ страхи долгаго путешествiя.

Въ это время къ нимъ подошелъ Николай Александровичъ, чтобы помочь имъ перебраться черезъ болото.

— Нельзя, нельзя еще переходить!—закричалъ вдругъ издали одинъ изъ негровъ, бѣжавшiй къ нимъ.

— Почему?—спросилъ Николай Александровичъ.

— Крокодилы! Тутъ есть крокодилы! — отвѣтилъ негръ.

— Гдѣ это онъ видѣлъ крокодиловъ?—спросилъ Николай Александровичъ сына, подходившаго къ нимъ въ эту минуту.

— Негры не видѣли крокодиловъ,—отвѣтилъ онъ,— но они нашли ихъ яйца. Смотрите, они ихъ ѣдятъ!

Дѣйствительно, негры разбивали яйца, походившія на куриныя, и ѣли ихъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Кончивъ свой необыкновенный обѣдъ, негры начали колотить по болоту длинными палками, чтобы прогнать крокодиловъ, и потомъ уже спокойно переправились.

Это новое приключеніе еще болѣе разочаровало Любочку, и она стала сожалѣть, что не осталась въ Массовѣ. Что касается Адаллы, то она также была очень напугана этими частыми встрѣчами съ страшными животными и утомилась не менѣе Любочки.

На пятый день путники наши достигли страны Барка, лежащей къ сѣверу отъ Абиссиніи.

Замѣтивъ, что молодыя дѣвушки постепенно теряютъ охоту къ дальнѣйшему путешествію, Николай Александровичъ рѣшилъ сообщить имъ свои намѣренія.

— Дѣти!—сказалъ онъ Любочкѣ и Адаллѣ:—вотъ уже пять дней, какъ мы находимся въ дорогѣ, и за все это время мы успѣли пройти только около ста верстъ. Это седьмая часть всего пути до Хартума. Намъ понадобится еще цѣлый мѣсяцъ, чтобы дойти до этого города, если мы будемъ идти такъ же медленно.

— Цѣлый мѣсяцъ!—воскликнула Адалла:—ахъ, какъ долго! Но что́ же нужно сдѣлать, чтобы идти скорѣе?

— Сейчасъ скажу, милая дѣвочка, и надѣюсь, ты согласишься со мной, если хочешь, чтобы мы скорѣе достигли нашей цѣли.

— О, разумѣется!—проговорила Адалла.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ и Любочкѣ слѣдуетъ вернуться въ Массову и предоставить намъ однимъ продолжать путь. Консулъ также находилъ, что такое путешествіе вамъ не по силамъ, и ждетъ васъ. Зная, что вы въ безопасности, мы будемъ спокойнѣе и скорѣе дойдемъ до Хартума. Сергѣй проводитъ васъ обратно, а я буду ждать его здѣсь. Кстати онъ привезетъ мнѣ письма отъ мамы, которыхъ я жду съ нетерпѣніемъ.

Возразить было нечего; сначала это рѣшеніе немного огорчило Адаллу, но она скоро поняла, что ея пріемный отецъ правъ.

Не прошло и двухъ часовъ какъ Сергѣй Николаевичъ во главѣ небольшого отряда находился съ сестрой и Адаллой на пути къ Массовѣ.

ГЛАВА XXIV.

Старая негритянка.

Маленькій отрядъ совершилъ обратный путь въ Массову значительно скорѣе, потому что не былъ обремененъ багажемъ.

Проходя мимо того мѣста, гдѣ нѣкогда находился домъ родителей Адаллы, наши путешественники услышали въ переднихъ рядахъ отряда брань и крики.

Сергѣй Николаевичъ съ Любочкой и Адаллой поспѣшили впередъ, чтобы узнать причину ссоры. Оказалось, что посреди дороги сидѣла старая негритянка, заграждавшая путь. Она сидѣла неподвижно, не обращая вниманія на крики и приказанія сойти съ дороги. Только на одно мгновеніе она подняла голову, чтобы взглянуть

на проѣзжихъ, а затѣмъ снова погрузилась въ свое безучастное состояніе.

Тогда старшій изъ негровъ ударилъ ее нагайкой, оставившей кровавый слѣдъ на ея голыхъ черныхъ плечахъ. Старуха молча поднялась и только устремила на жестокаго негра взглядъ, выражавшій страданіе.

Любочка вскрикнула отъ жалости, а Адалла спрыгнула съ лошади и, подбѣжавъ къ негритянкѣ, схватила ее за руку и потащила къ Любочкѣ.

Старая негритянка съ удивленіемъ взглянула на Адаллу, и въ глазахъ ея на мгновеніе блеснуло что-то разумное, но потомъ лицо ея снова приняло то же холодное, безучастное выраженіе. Она спокойно покорилась своей защитницѣ и безучастно пошла между лошадьми дѣвушекъ.

— Бѣдняжка!—съ участіемъ сказала Любочка.—Но что́ мы будемъ съ ней дѣлать?

— Мы сведемъ ее къ консулу, – отвѣтила Адалла:— онъ добрый и согласится оставить ее у себя и позволитъ намъ лѣчить ее. Посмотри, плечи у нея совсѣмъ въ крови.

Консулъ, повидимому, ожидалъ возвращенія нашихъ путешественницъ, и онѣ тотчасъ обратились къ нему съ просьбой принять участіе въ несчастной женщинѣ.

— Я ее знаю,—сказалъ онъ, увидавъ негритянку.— Эта несчастная женщина лишилась разсудка, и жена моя часто помогаетъ ей.

— Какъ ее зовутъ?—спросила Любочка.

— Этого никто не знаетъ.

— Не позволите ли вы намъ немного полѣчить ее здѣсь?—просила Адалла.—У бѣдной женщины вся спина въ крови.

— Конечно, дитя мое,—отвѣтилъ консулъ, и подозвавъ слугу, онъ приказалъ ему пріютить негритянку въ домѣ.

Адалла перевязала несчастной плечи и надѣла на нее платье, присланное женой консула. Негритянка молча и безучастно покорялась всему; но, видимо, она чувствовала, что ей дѣлаютъ добро. Два раза лицо ея принимало осмысленное выраженіе, и въ эти минуты она пристально смотрѣла на Адаллу, а затѣмъ подносила руку ко лбу и, какъ бы вспоминая что-то, долго оставалась въ такомъ положеніи.

— Не знаете ли вы, кто эта несчастная?—спросила Любочка жену консула.

— Нѣтъ, не знаю. Она явилась въ Массову три мѣсяца тому назадъ, и никто не знаетъ, кто она и откуда пришла. Живетъ она милостыней, спитъ въ лѣсу или гдѣ придется, но чаще всего ее можно встрѣтить на томъ мѣстѣ, гдѣ вы нашли ее. Здѣсь всѣ считаютъ ее сумасшедшей.

Адалла сильно привязалась къ старой негритянкѣ. Она проводила съ ней почти все свое свободное время, ухаживала за нею и лѣчила ее. Почему она такъ поступала,—этого она и сама хорошенько не знала, но ей казалось, что она обязана помочь этой несчастной женщинѣ.

Когда рѣчь какъ-то снова зашла о негритянкѣ, кон-

сулъ высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, она бѣглая рабыня, обезумѣвшая отъ лишеній, побоевъ и тяжелыхъ работъ, и теперь, послѣ долгаго пути въ Массову, понимавшая только одно, что она больше не рабыня.

Вспоминая свою мать, которую также увели въ рабство, Адалла еще больше сожалѣла старую негритянку.

Предположеніе консула навело Любочку на мысль, которая уже раньше смутно возникла въ ней, когда жена консула упомянула, что старая негритянка обыкновенно проводила свое время около того мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ домъ Іосифа Ѳеодора.

«Не служила ли она у родителей Адаллы,—думала Любочка,—и не увели ли ее богосы въ рабство вмѣстѣ съ госпожей? Если это дѣйствительно такъ, то она могла бы дать драгоцѣнныя свѣдѣнія о судьбѣ несчастной матери Адаллы».

Но узнать это было очень трудно. Старая негритянка была попрежнему нѣма. Однако, Любочкѣ удавалось изрѣдка замѣтить въ ея глазахъ проблески сознанія, особенно когда она смотрѣла на Адаллу.

Трехдневный срокъ пребыванія Сергѣя Николаевича въ Массовѣ подходилъ къ концу. Письма изъ Одессы отъ Елены Николаевны и Вѣры, даже съ маленькой припиской отъ Нади, были получены, и на слѣдующее утро Сергѣй Николаевичъ долженъ былъ выступить въ путь.

Любочка не разъ уже пыталась вырвать хотя бы нѣсколько словъ у нѣмой негритянки, но всѣ ея попытки были безуспѣшны. Въ этотъ день, передъ отъѣздомъ брата она рѣшилась сдѣлать послѣднюю по-

пытку. Она вышла въ садъ и застала тамъ негритянку, которая ежедневно приходила туда, садилась на излюбленное ею мѣсто и, скорчившись, молча и неподвижно проводила нѣсколько часовъ на солнцѣ. Любочка прошлась нѣсколько разъ мимо нея въ надеждѣ возбудить ея вниманіе.

Въ такихъ случаяхъ негритянка обыкновенно поднимала на минуту голову, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же снова погрузиться въ свое безучастное состояніе. Но на этотъ разъ глаза ея остановились на Любочкѣ и слѣдили за ней.

Замѣтивъ во взглядѣ бѣдной женщины проблески сознанія, Любочка продолжала медленно прогуливаться передъ ней, какъ вдругъ та, пристально глядя на нее, открыла ротъ и, какъ бы стараясь вспомнить что-то, съ страшнымъ усиліемъ пробормотала два раза на ломаномъ французскомъ языкѣ:

— Бѣлая женщина!.. бѣлая женщина!..

Любочка въ волненіи остановилась.

— Да, бѣлая женщина!—тихо сказала она, подходя къ негритянкѣ и указывая на себя.

Негритянка сдѣлала отрицательный жестъ, показывая, что говоритъ не о Любочкѣ.

— О какой бѣлой женщинѣ говоришь ты?—спросила Любочка.

Но негритянка снова умолкла.

— Послушай,—сказала ей Любочка, взявъ ее за руку,—о какой бѣлой женщинѣ говоришь ты? Скажи мнѣ, пожалуйста, умоляю тебя!

Негритянка молчала. У Любочки блеснула новая мысль.

— Бѣлая женщина, — сказала она, — твой другъ? Твоя госпожа?

Негритянка кивнула головой.

— Кто же? Другъ или госпожа?

— Госпожа и другъ! — пробормотала негритянка, какъ бы задумываясь надъ чѣмъ-то.

Любочка замолчала, чтобы не мѣшать бѣдной женщинѣ собраться съ мыслями.

Вдругъ крупныя слезы покатились по ея щекамъ.

— Несчастная! — простонала она: — ахъ, какая несчастная!..—и замолчала.

Любочка рѣшилась снова заговорить.

— Кто несчастная? Ты?—спросила она.

Негритянка отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ,—сказала она,—бѣлая женщина!

Негритянка устремила неподвижный взоръ въ даль, затѣмъ указала рукою на востокъ, съ выраженіемъ страданія въ глазахъ, и вдругъ, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ Любочки, воскликнула:

— Рабыня!..

Усилія, которыя сдѣлала негритянка, видимо сильно утомили ее, и она погрузилась въ полудремоту. Чтобы заставить ее снова заговорить, нужно было напомнить ей о какомъ-нибудь потрясающемъ случаѣ изъ ея жизни. И Любочка знала, что́ сказать ей. Она сѣла рядомъ съ негритянкой и, глядя на нее, громко сказала:

— Богосы!

Негритянка широко открыла глаза и, задрожавъ отъ ужаса, спряталась за Любочку, какъ бы ища защиты. Теперь Любочка уже не сомнѣвалась болѣе въ томъ, что можетъ узнать отъ нея все.

— Успокойся,—сказала она негритянкѣ,—богосовъ нѣтъ, они ужъ не вернутся, какъ въ ту ночь, когда увели тебя съ бѣлой женщиной, съ...

Любочка остановилась, надѣясь, что негритянка сама назоветъ бѣлую женщину, но такъ какъ та молчала, то она продолжала:

— Съ женой Іосифа Ѳеодора!

При этомъ имени глаза негритянки загорѣлись и, глядя на Любочку, она пробормотала:

— Да, да, она! то была она!..

— А! — воскликнула радостно Любочка, забывъ о томъ, что не слѣдуетъ волновать негритянку.—Что́ же съ ней? Гдѣ она?..

Негритянка какъ бы заразилась радостью молодой дѣвушки. Она дѣлала страшныя усилія, чтобы вспомнить что-то и, наконецъ, отрывисто сказала:

— Госпожа и я бѣжали... лѣса... пески... баобабы... голубой Нилъ... горы...

Старая негритянка умолкла.

— Вспомни,—говорила ей умоляющимъ голосомъ Любочка,—гдѣ ты оставила госпожу?

И, чтобы возбудить ея слабую память, она прибавила:

— Твоя госпожа мать той маленькой дѣвочки, которая тогда заступилась за тебя, помнишь, когда тебя били, и которая здѣсь лѣчила тебя. Да, твоя госпожа— мать Адаллы!..

— Адалла!—повторила, наконецъ, негритянка:—малютка Адалла! О, я узнала ее!..

— Ей надо возвратить мать! Вспомни, гдѣ оставила ты свою бѣдную госпожу?

Негритянка дѣлала страшныя усилія, чтобы припомнить что-то.

— Да,—проговорила она, наконецъ, какъ бы видя передъ собою что-то:—гора... рѣка... деревня... да, госпожа въ деревнѣ... больная...

— Больная!?—съ горечью воскликнула Любочка.—Но какъ называется та деревня? Вспомни, вспомни, ради Бога!

Негритянка стала снова припоминать. Затѣмъ лицо ея вдругъ оживилось необычайною радостью.

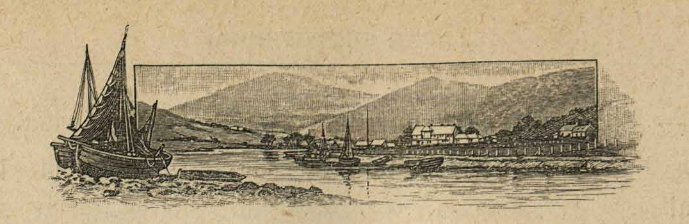
— Знаю, знаю, — сказала она, — знаю... Деревня... Асгадъ!..

— Асгадъ!—воскликнула Любочка.

— Асгадъ!

И внѣ себя отъ радости, Любочка поцѣловала негритянку, а потомъ приложила палецъ къ губамъ въ знакъ того, что она должна молчать объ открытой ею тайнѣ.

ГЛАВА XXV.

Найдена.

Любочка рѣшила не говорить Адаллѣ раньше времени о своемъ открытіи изъ опасенія, что поиски могутъ оказаться безуспѣшными. Она сообщила только своему брату и консулу, чтó ей удалось узнать отъ старой негритянки.

Теперь самъ собою возникалъ новый планъ поисковъ несчастной француженки. Вмѣсто того, чтобы идти на Хартумъ, Николаю Александровичу съ сыномъ предстояло направиться на Асгадъ, причемъ путь ихъ съ шести сотъ верстъ сокращался до ста сорока. Сергѣй Николаевичъ надѣялся, вернуться черезъ недѣлю и, быть можетъ, привезти съ собою въ Массову ту, изъ-за которой было предпринято ими это далекое путешествіе.

Въ эту недѣлю Любочка безпокоилась и волновалась гораздо болѣе, чѣмъ Адалла. На седьмой день въ Мас-

сову прискакалъ гонецъ отъ Николая Александровича и вручилъ Любочкѣ письмо.

Дрожащими руками распечатала Любочка письмо отца и прочитала слѣдующія многозначительныя строки:

«Радуйся, дитя мое, мы нашли мать Адаллы и прибудемъ съ нею къ вамъ сегодня ночью. Адаллѣ не слѣдуетъ видѣть ее при нашемъ пріѣздѣ; приготовь ее къ встрѣчѣ съ матерью утромъ.

Однако, Любочкѣ, не удалось въ этотъ день вполнѣ скрыть свою радость; Адалла замѣтила ея возбужденное состояніе.

— Чтó съ тобой?—спросила она.

Потомъ, посмотрѣвъ на нее пристально, она быстро проговорила:

— Ты получила хорошія вѣсти?..

— Да, но не радуйся раньше времени. Папа пишетъ мнѣ, что возвращается въ Массову, здѣсь ему обѣщали сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія. Значитъ, мы можемъ надѣяться,—вотъ и все!

Но Адаллѣ казалось, что она уже находится въ объятіяхъ матери.

— Ахъ, какое счастье! какое счастье!—тихо говорила она, обнимая Любочку.

— Вотъ видишь!—сказала Любочка:—ты уже на все надѣешься.

— О, позволь мнѣ вѣрить и надѣяться! — отвѣтила Адалла съ такою радостью, что Любочка не рѣшилась разувѣрять ее.

Ночью Николай Александровичъ съ сыномъ и матерью

Адаллы вошли въ домъ консула. Нѣжное лицо молодой женщины говорило о сильныхъ страданіяхъ, пережитыхъ ею за послѣдніе годы. Она была такъ взволнована, что могла только протянуть Любочкѣ руку и выговорить:

— О, какъ я благодарна вамъ!

Въ то время, какъ обезумѣвшая негритянка продолжала свое бѣгство до Массовы, больная Анжелика Перье попала въ Асгадѣ въ хорошую семью абиссинскихъ купцовъ, нѣкогда знавшихъ Іосифа Ѳеодора, и такимъ образомъ нашла пріютъ и защиту. Когда Николай Александровичъ пришелъ съ своимъ караваномъ въ эту деревню, она уже достаточно оправилась и собиралась вернуться въ Массову, хотя не надѣялась найти тамъ кого-либо изъ своихъ близкихъ. Можно представить себѣ ея радость, когда она узнала, что ея маленькая Адалла жива и ждетъ ее въ Массовѣ.

На слѣдующее утро, когда Адалла проснулась, Любочка обняла свою маленькую сестру нѣжнѣе обыкновеннаго.

— Папа вернулся,—сказала она.

— А Сергѣй Николаевичъ?

— Тоже.

— Они получили вѣсти о мамѣ?

— Да.

— Хорошія?

— Очень хорошія.

— Очень хорошія!—воскликнула Адалла.—Какія же?

— Они сами тебѣ скажутъ.

Адалла бросилась въ объятія матери (стр. 332).

Адалла не настаивала долѣе. Она поспѣшила одѣться и сошла съ Любочкой въ садъ.

Николай Александровичъ съ сыномъ были уже тамъ. Адалла подбѣжала къ нимъ и, обнимая ихъ, спросила дрогнувшимъ голосомъ:

— Гдѣ мама?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ взволнованнымъ голосомъ, что они въ первую минуту не знали, чтó отвѣтить. Адалла приняла это за худой признакъ.

— Значитъ, мамы нѣтъ!—сказала она прерывающимся голосомъ, въ которомъ слышалось безграничное отчаяніе.

Въ это время изъ-за деревьевъ вышла ея мать и съ открытыми объятіями поспѣшила къ дочери.

— Мама! Мама! Это мама! – вскрикнула Адалла, бросаясь къ ней.

Нельзя описать счастья матери и дочери, которыя наконецъ послѣ долгой разлуки нашли другъ друга. Всѣ были глубоко тронуты этой нѣжной сценой. Затѣмъ Адалла обняла своего пріемнаго отца и брата съ такою горячностью, въ которой ясно сказывалась мысль: «Я васъ не забыла, я васъ тоже люблю!»

Адалла не забыла и Елену Николаевну, и тотчасъ написала своей второй матери слѣдующее письмо:

„Дорогая мамочка!

Я нашла маму! Да, маму! Вѣдь ты хочешь, чтобы я ее такъ называла? Но ты всегда будешь моей мамочкой, и я горячо буду любить васъ обѣихъ! Тебя, мамочка, горячо обнимаетъ твоя дочь

Адалла“.

Мать Адаллы приписала нѣсколько строкъ, въ которыхъ горячо благодарила Елену Николаевну за все, что она сдѣлала для ея дочери.

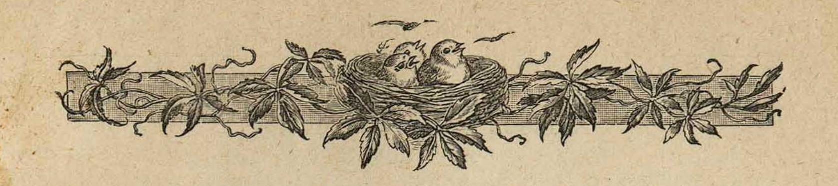
У матери Адаллы не было ни родныхъ, ни знакомыхъ во Франціи, за исключеніемъ развѣ г. Валуа; она склонилась на предложеніе Николая Александровича поселиться у него съ дочерью въ Одессѣ.

Когда наши путешественники въѣзжали въ одесскую гавань, Любочка радостно поцѣловала Адаллу.

— Ты счастлива?—спросила она.

— Очень счастлива. Я вѣдь тоже теперь найду мою мамочку, какъ ты нашла свою.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Любочкины «отчего?»

Любочкины «оттого!»

ЕЛЕНА-РОБИНЗОНЪ. Приключенія одной дѣвочки на необитаемомъ островѣ. Составилъ по Де-Фоэ и Меллину Э. Гранстремъ. Съ 73 рисунками В. Табурина, В. Крюкова и др. Изданіе второе. Цѣна 2 р. 50 к.

ВЪ ДЕБРЯХЪ СѢВЕРА. Приключенія волка, медвѣдя и лисицы Сост. по финскимъ народнымъ сказкамъ Э. Гранстремъ. Для младшаго возраста. Изданіе второе. Съ 21 рисункомъ. Цѣна 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ОДНОГО МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА. Разсказъ для дѣтей средняго возраста, М. Р. Гальтъ, одобренный Французской Академіей. Переводъ М. Гранстремъ. Изданіе второе. Съ 90 рисунками. Цѣна 2 руб.

СКАЗКИ ПРОФ. З. ТОПЕЛІУСА. Переводъ съ шведскаго М. Гранстремъ. Изданіе третье, дополненное, съ 24 рисунками. Цѣна 2 руб.

ДВА ГЕРОЯ. I. Въ Новомъ Свѣтѣ.—II. Завоеваніе Мексики. Составилъ по Фалькенгорсту Э. Гранстремъ. Съ 15 рисунками. Цѣна 2 руб.

ВЪ ЛѢСАХЪ ФЛОРИДЫ. Приключенія трехъ мальчиковъ и одной дѣвочки. Составлено по Бэрингъ-Гульд'у и Брюнэ, М. Гранстремъ. Съ 23 рисунками. Цѣна 2 руб.

СТОЛѢТІЕ ОТКРЫТІЙ въ біографіяхъ замѣчательныхъ мореплавателей и завоевателей XV и XVI вѣковъ. Составилъ по проф. Шотту и друг. Э. Гранстремъ. Съ 71 рис. и картою путешествій. Цѣна 2 руб.

Въ переплетахъ безъ золотыхъ обрѣзовъ:

ВДОЛЬ ПОЛЯРНЫХЪ ОКРАИНЪ РОССІИ. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 гг. Составилъ Э. Гранстремъ. Изданіе четвертое. Съ картою и 65 рисунками. Цѣна 1 р. 50 к.

СНѢЖНЫЙ КОРОЛЬ. Сцены изъ тридцатилѣтней войны, по Шиллеру, Лодброку и Старбеку. Заимствовалъ съ шведскаго Э. Гранстремъ. Изданіе второе. Съ 45 рисунками. Цѣна 2 р.

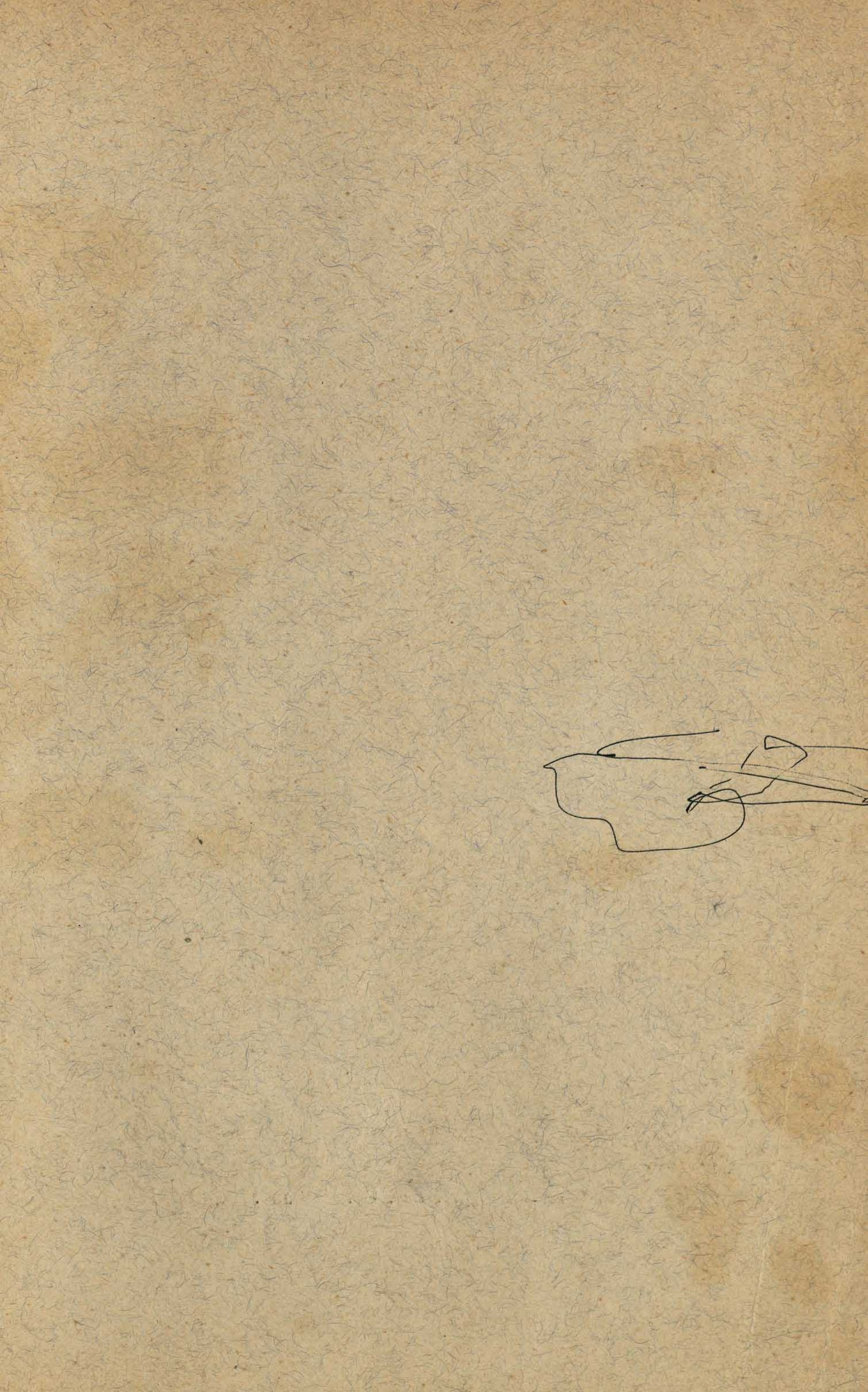
СИНЕЕ ЗНАМЯ. Историческій разсказъ временъ нашествія монголовъ. Заимствовано съ французскаго М. Гранстремъ. Съ 65 рисунками и картой походовъ Чингисхана. Цѣна 2 руб.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ГЕРОИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Сост. К. Абаза. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 руб. въ переплетѣ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

ГЕРОИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Народы востока и запада. Составилъ К. Абаза. Съ рисунками, картами и планами. Цѣна 2 руб. въ переплетѣ; въ бумажкѣ 1 р. 50 к.

Дозволено цензурою. Спб. 29 іюля 1899 года.

Типографія М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 5 линія, 28.

Цѣна 2 руб.

Въ роскошномъ переплетѣ **2 р. 50 к.**

Складъ изданія въ книжн. магазинѣ типографіи М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28.

